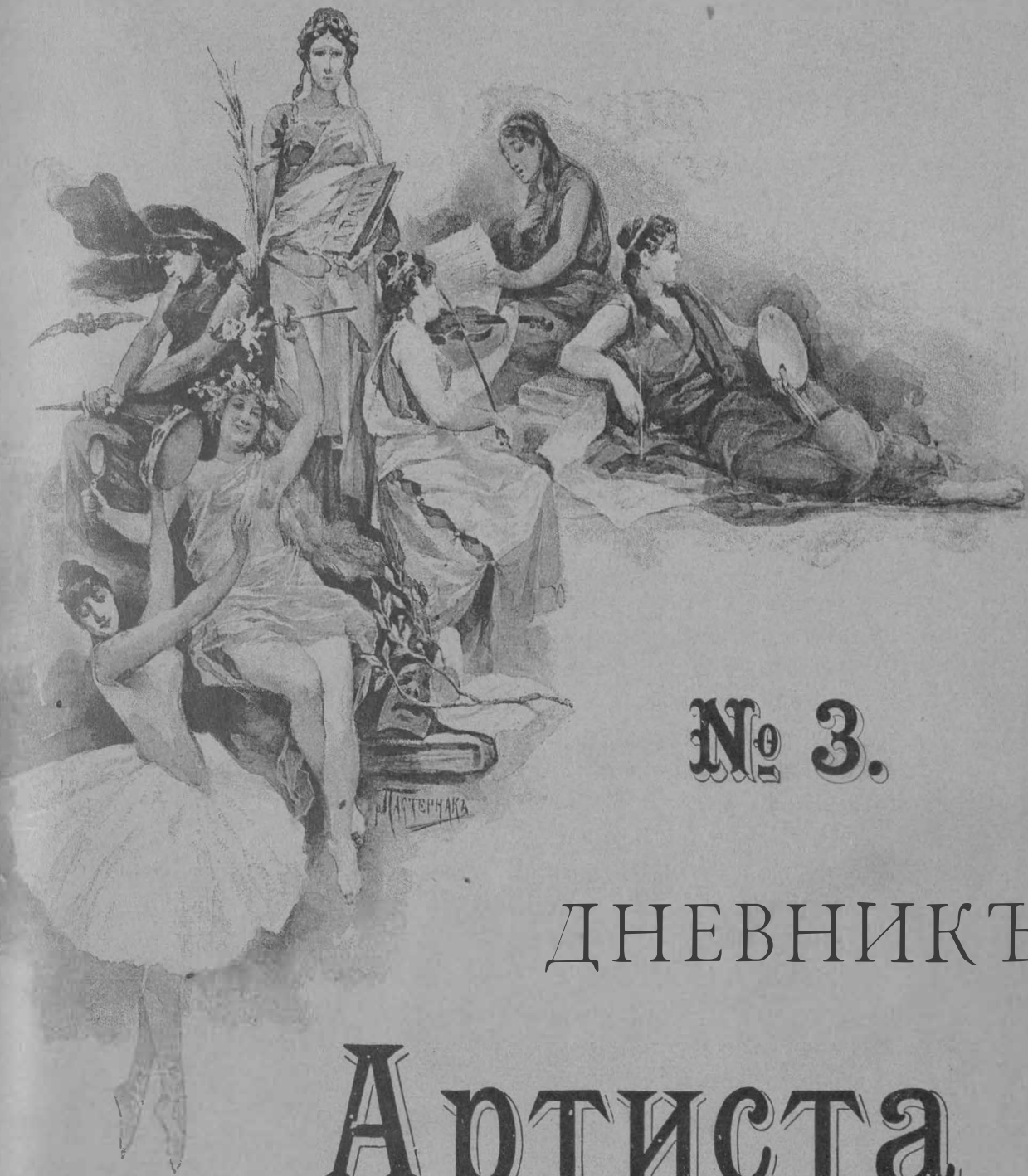

1892 годъ.

І ю н ъ.

№ 3.

ДНЕВНИКЪ

Артиста

приложеніе къ журналу

Артистъ

Годъ 4-й.
Книга 6.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко, Пименов. ул., соб. домъ.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. Актъ 5-й, сцена 1-я (Съ портретомъ г-жи Абаршиновой).	1
II. ЛЕКЦІИ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ театральномъ училищѣ (лекція 8-я) П. Д. Боборыкина	6
III. ТЕТЯ ВАРЯ, разсказъ А. Воронежскаго	11
IV. * * стих. Т. К.	23
V. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: <i>Большой театр</i> .—Маленькая характеристика дѣятельности Большаго театра и итоги прошлаго сезона. „Послѣдній день Бельсариссура“, опера г. Корещенко.—Дебюты г-жъ Жуковской и Эберле и г. Шютте Гармсенъ, ст. С. Н. Кругликова	24
<i>Экзаменаціонные спектакли</i> Императорскаго Московскаго Театральнаго училища, ст. V.	27
<i>Русское Музыкальное Общество</i> . Спектакль учащихся въ консерваторіи, ст. Н. Д. Кашкина	33
<i>Выставка картинъ изъ частныхъ собраній Москвы</i> , ст. А. Ки—лева. .	35
<i>Выставка картинъ К. Е. Маковского и Ю. Ю. Клевера</i> , ст. И. П—ва.	40
<i>З. Р. Кочетова</i> (съ портретомъ).	42
<i>Петербургъ</i> . „Князь Серебряный“, г. Козаченко. — Дебюты. — Итоги опернаго сезона.—Концерты Придворной Капеллы, ст. Леля. — Петербургскія частныя сцены, ст. Ск—ца	45
<i>Корреспонденціи</i> изъ Вильны, Винницы, Владикавказа, Воронежа, Екатеринбурга, Екатеринодара, Ельца, Казани, Калуги, Кіева, Костромы, Мелитополя, Николаева, Пензы, Риги, Симферополя, Сувалокъ, Томска, Уфы и Харькова	47
VI. ХРОНИКА	56

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ПУГАНАЯ ВОРОНА, сцены изъ жизни пріятнаго общества, В. Р. Щигрова.
 Указатель піесъ для любительскихъ спектаклей (35 стр.).
- VIII. ПОРТРЕТЪ М. П. САДОВСКАГО въ роли Тихона Кабанова („Гроза“), (съ фотографіи художника М. М. Нанова, автогравія П. О. Иблонскаго въ С.- Петербургѣ).
- IX. БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ХЛѢБЪ, картина Даньянъ-Бувере (автогравія).

ДНЕВНИКЪ АРТИСТА

№ 3.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„АРТИСТЪ“

І ю н ъ

1892 года.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шенспира, переводъ П. П. Гнѣдича. Актъ 5-й, сцена 1-я (Съ портретомъ г-жи Абариповой).	1
II. ЛЕКЦІИ О СЦЕНИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ театральномъ училищѣ (лекція 8-я) П. Д. Боборыкина	6
III. ТЕТЯ ВАРЯ, разсказъ А. Воронежскаго.	11
IV. * * стих. Т. К.	23
V. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
<i>Большой театр</i> .—Маленькая характеристика дѣятельности Большаго театра и итоги прошлаго сезона. „Послѣдній день Бельсаруссура“, опера г. Корещенко.—Дебюты г-жъ Жуковской и Эберле и г. Шютте Гармсенъ, ст. С. Н. Кругликова	24
<i>Экзаменаціонные спектакли</i> Императорскаго Московскаго Театральнаго училища, ст. V.	27
<i>Русское Музыкальное Общество</i> . Спектакль учащихся въ консерваторіи, ст. Н. Д. Нашкина	33
<i>Выставка картинъ изъ частныхъ собраній Москвы</i> , ст. А. Ки—лева. .	35
<i>Выставка картинъ К. Е. Маковскаго и Ю. Ю. Клевера</i> , ст. И. П—ва.	40
<i>З. Р. Кочетова</i> (съ портретомъ).	42
<i>Петербургъ</i> . „Князь Серебряный“, г. Козаченко. — Дебюты. — Итоги опернаго сезона. — Концерты Придворной Капеллы, ст. Леля. — Петербургскія частныя сцены, ст. Ск—ца	45
<i>Корреспонденціи</i> изъ Вильны, Винницы, Владикавказъ, Воронежа, Екатеринбурга, Екатеринодара, Ельца, Казани, Калуги, Кіева, Костромы, Мелитополя, Николаева, Пензы, Риги, Симферополя, Сувалокъ, Томска, Уфы и Харькова	47
VI. ХРОНИКА	56

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ПУГАНАЯ ВОРОНА, сцены изъ жизни пріятнаго общества, В. Р. Щигрова.
 Указатель піесъ для любительскихъ спектаклей (35 стр.).
- VIII. ПОРТРЕТЪ М. П. САДОВСКАГО въ роли Тихона Кабанова („Гроза“), (съ фотографіи художника М. М. Панова, автотипія П. О. Яблонскаго въ С.-Петербурѣ).
- IX. БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ХЛѢБЪ, картина Даньянъ-Бувере (автотипія).

Объявления.

Издатель: *Ивановъ Иванъ Ивановичъ*

Гамлетъ

ПРИНЦЪ ДАВНОУМЕРШЕВЪ
Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ
Вольфганга Шекспира
(Съ переводомъ на русскій языкъ)
Переводъ В. В. Златовъ

АКТЪ ПЕРВЫЙ

МѢСЦА ПЕРВАЯ

Молодой человекъ

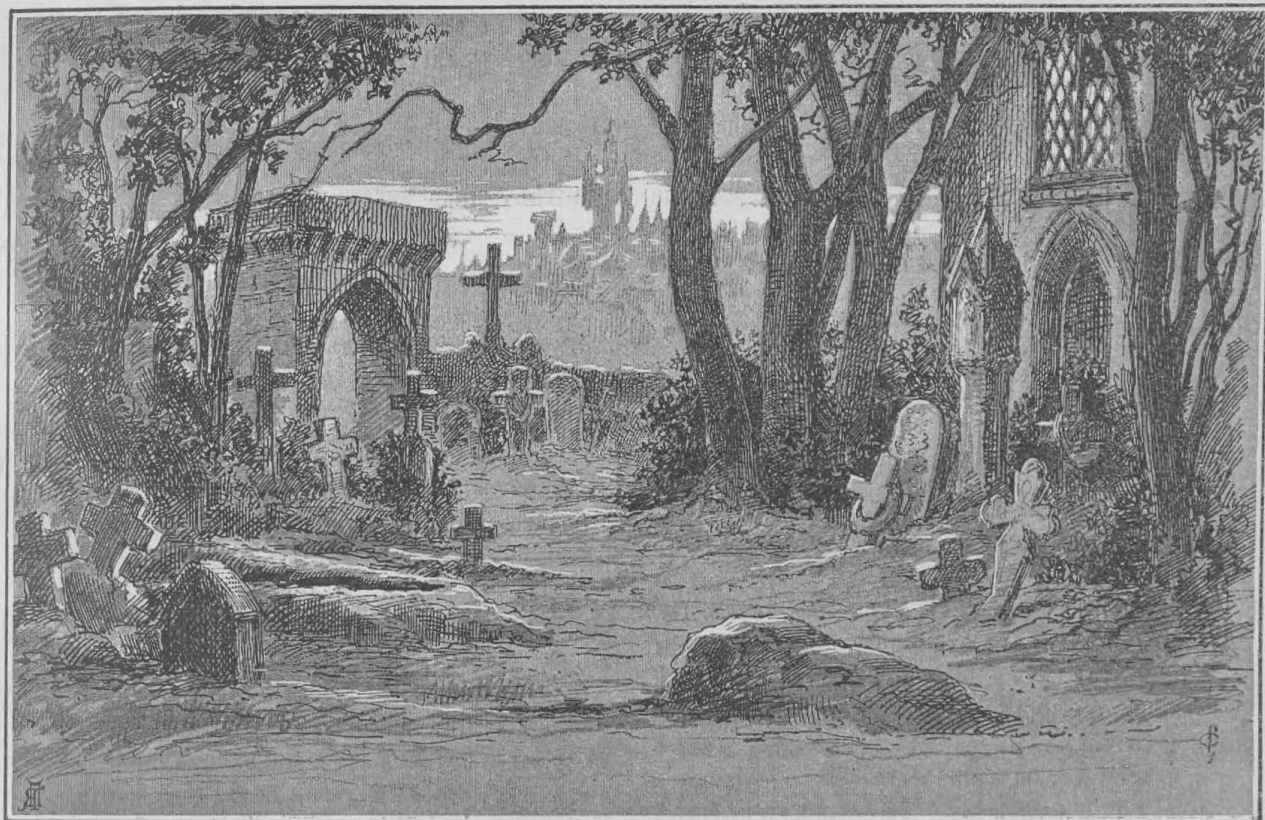
(Входитъ два молодца въ костюмахъ 17-го вѣка)

1-й молодой человекъ. Говорятъ, что Шекспиръ
умеръ давно, потому что онъ былъ старъ.
2-й молодой человекъ. Это не такъ, потому что
онъ былъ молодъ, когда онъ умеръ. Онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ, и потому онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ.

1-й молодой человекъ. Говорятъ, что Шекспиръ
умеръ давно, потому что онъ былъ старъ.
2-й молодой человекъ. Это не такъ, потому что
онъ былъ молодъ, когда онъ умеръ. Онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ, и потому онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ.

1-й молодой человекъ. Говорятъ, что Шекспиръ
умеръ давно, потому что онъ былъ старъ.
2-й молодой человекъ. Это не такъ, потому что
онъ былъ молодъ, когда онъ умеръ. Онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ, и потому онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ.

1-й молодой человекъ. Говорятъ, что Шекспиръ
умеръ давно, потому что онъ былъ старъ.
2-й молодой человекъ. Это не такъ, потому что
онъ былъ молодъ, когда онъ умеръ. Онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ, и потому онъ былъ
молодъ, когда онъ умеръ.

Кладбище въ Эльсинорѣ. Декорація Лутке Мейера (въ *Петербургской постановкѣ*).

Гамлетъ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Вильяма Шекспира.

(Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены).

Переводъ П. П. Гнѣдича.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кладбище.

(*Входятъ два могильщика съ лопатами и проч.*)

1-й могильщикъ. Развѣ по христіански хоронятъ тѣхъ, которыя сами отправляютъ себя въ царствіе небесное?

2-й могильщикъ. Вѣдь тебѣ сказано! ну, и ровнай могилу. Слѣдователь ея долго осматривалъ и рѣшилъ: «это христіанскій обрядъ!»

1-й могильщикъ. Какъ-же это можетъ быть,—вѣдь это самоубійство не было защитой отъ нападенія?

2-й могильщикъ. Такъ рѣшили!

1-й могильщикъ. Должно быть это было

самонападеніе! Иначе быть не можетъ! Вѣдь тутъ вода въ чемъ дѣло: если я топлюсь сознательно,—значитъ я совершаю дѣяніе. Всякое дѣяніе имѣетъ три степени: дѣйствіе, совершеніе и исполненіе. Значитъ, она утопилась сознательно.

2-й могильщикъ. А вотъ, ты, дѣдъ, послушай!

1-й могильщикъ. Постой! Вотъ тутъ вода... Хорошо. Здѣсь человѣкъ стоитъ... Хорошо. Если человѣкъ идетъ къ этой водѣ и топится,—значитъ ужъ хочешь-не-хочешь, а ужъ это такъ... Замѣчаешь?.. Ну, а если вода къ нему пойдетъ и топить его, такъ онъ самъ себя не топить. Значитъ, кто самъ себя не лишилъ жизни, тотъ не самоубійца.

2-й могильщикъ. Это законъ такой?

1-й могильщикъ. Это законъ для слѣдствія о самоубійцахъ!

2-й могильщикъ. А знаешь, не будь она благородная, — ее бы вѣдь по христіанскому обряду не хоронили...

1-й могильщикъ. Это вѣрно: важные люди имѣютъ всегда больше права топиться и вѣшаться, чѣмъ прочіе христіане... Ну-тка за лопаты! Нѣтъ древнѣе дворянъ, какъ садовники, землекопы, и могильщики: они поддерживаютъ ремесло Адама.

2-й могильщикъ. Да развѣ онъ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. Онъ былъ первый, имѣвшій право держать при себѣ орудія...

2-й могильщикъ. Ну, орудій-то у него не могло быть...

1-й могильщикъ. Что! язычникъ ты, что-ли? Въ писаніи сказано: Адамъ копалъ. А какже онъ безъ орудій копалъ? А вотъ тебѣ еще вопросъ: только не отвѣтншь складно, со-знайся....

2-й могильщикъ. Ну!

1-й могильщикъ. Кто строитъ прочнѣе: каменщики, корабельщики или плотники?

2-й могильщикъ. Тотъ, кто висѣлицу дѣлаетъ: тысячу жильцовъ переживетъ такое помѣщеніе.

1-й могильщикъ. А ты, братъ, уменъ, нечего сказать! Висѣлица тутъ пришлась къ мѣсту... Только для кого?... Она по мѣркѣ приходится тѣмъ, кто скверно поступаетъ... Ты, напримѣръ, поступаешь скверно, говоря, что висѣлица прочнѣе церкви. Значитъ для тебя тутъ висѣлица какъ разъ на мѣстѣ. — Ну, начинай снова! Ну!

2-й могильщикъ. Кто строитъ крѣпче: каменщики, корабельщики или плотники?

1-й могильщикъ. Ну, ну, — стаскивай хомутъ, что-ли!

2-й могильщикъ. А я знаю!...

1-й могильщикъ. Ну!

2-й могильщикъ. Нѣтъ, не знаю!

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо.)

1-й могильщикъ. Не колоти себя по мозгамъ: осель отъ колотушекъ скорѣй не пойдетъ. А когда тебѣ такой вопросъ предложатъ, говори: — могильщикъ, — домовъ, которые онъ строитъ, хватить до страшнаго суда. — Сбѣгай-ка къ Іоганну, да принеси мнѣ выпить.

(Второй могильщикъ уходитъ.)

1-й могильщикъ (копаетъ и поетъ).

Я молодъ былъ, любилъ,

Жениться собирался,

Я молодъ, веселъ былъ,

Мнѣ шутокъ міръ казался...

Гамлетъ. Неужели у него нѣтъ сознанія, что онъ дѣлаетъ: роетъ могилу и поетъ?

Гораціо. Привычка: онъ легко на это смотритъ!

Гамлетъ. Да, чтобы развить тонкость чувствъ, надо ничего не дѣлать.

1-й могильщикъ (поетъ).

Но старость подлая тишкомъ

Подкралась... Все пропало!

Въ бокахъ лишь колики да ломъ,

Любви какъ не бывало!

(Выкидываетъ черепъ).

Гамлетъ. Въ этомъ черепѣ былъ языкъ. — вѣдь и онъ могъ пѣть... Какъ этотъ негодяй его швыряетъ на землю, — словно это кости Каива-первоубійцы... Быть можетъ, то была голова дипломата, а теперь этотъ осель ею распоряжается... Голова, которая, быть можетъ, могла пережить Бога... Какъ ты думаешь?

Гораціо. Возможно, принцъ.

Гамлетъ. Или, быть можетъ, то былъ придворный, который говорилъ: осмѣлюсь пожелать вамъ добраго утра, ваше высочество!... Какъ вы изволите себя чувствовать, ваше высочество!...

Гораціо. Очень возможно, ваше высочество.

Гамлетъ. Да, — а теперь это собственность властелина-червя, — челюсть потеряна, по скуламъ стучитъ лопата могильщика... Что за переворотъ!... Если бы мы могли его постигнуть? Неужели эти кости для того только были созданы, чтобы играть ими, какъ кеглями...

1-й могильщикъ (поетъ).

Лишь саванъ нуженъ гробовой,

Да яма въ жидкой глинѣ...

Вотъ все — въ чемъ только родъ людской

Нуждается понинѣ.

(Выкидываетъ черепъ).

Гамлетъ. Вотъ еще одинъ!.. Не черепъ-ли это какого нибудь адвоката? Гдѣ теперь его крючки, ябеды, дѣла, условія, его продѣлки?.. Какъ онъ позволяетъ этому грубому дураку колотить себя грязнымъ заступомъ по затылку, — не скажетъ ему, что притянетъ его къ суду за оскорбленіе? Неужели въ томъ заключалась цѣль его статей и неустойки-неустоекъ, чтобы его прекрасный затылокъ наполнился прекрасной грязью?... Всѣ его поручительства ручаются за его покупку, которую въ длину и ширину можно прикрыть двумя контрактами... Да одни его вводы во владѣніе не помѣстились бы въ такомъ ящикѣ. Вѣдь пергаментъ дѣлается изъ бараньихъ шкуръ?

Гораціо. Да, принцъ, и изъ телячьихъ тоже.

Гамлетъ. Какіе бараны и телята тѣ, что вѣрятъ въ прочность того, что пишется на

пергаментѣ! Я хочу поговорить съ этимъ... Любезный, это чья могила?

1-й могильщикъ. Моя-съ (*поетъ*)

Вотъ все, въ чемъ только родъ людской
Нуждается понынѣ...

Гамлетъ. Ну да, твоя, потому что ты копаешь ее и копая ее мелешь вздоръ.

1-й могильщикъ. Ну, а вы вздоръ мелете, а ее не копаете,—значить она не ваша. А я вотъ хоть и не мелю стоя здѣсь, а она моя.

Гамлетъ. Да вѣдь ты мелешь, говоря, что она твоя, она для мертваго, а не для живаго...

1-й могильщикъ. Вранье-то живое... отъ меня, да къ вамъ—такъ и идетъ...

Гамлетъ. Для какого это господина ты готовишь ее?

1-й могильщикъ. Да ни для какого...

Гамлетъ. Ну, для какой женщины?

1-й могильщикъ. Тоже ни для какой.

Гамлетъ. Такъ кого-же хоронить будутъ?

1-й могильщикъ. А была она, царствіе ей небесное, женщиной, а теперь умерла...

Гамлетъ. Какъ этотъ плутъ любить точность! Съ нимъ надо говорить осторожно,—онъ насъ загоняетъ двусмысленностями... Ей Богу, Гораціо, я замѣтилъ, что за послѣдніе года свѣтъ такъ изощрился, что носокъ прохвоста наступаетъ на пятку придворнаго,—и даже сдираетъ съ нея кожу... Давно-ли ты могильщикомъ?

1-й могильщикъ. А я взялся за свое ремесло въ тотъ день, когда покойный нашъ король побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. Давно это было?

1-й могильщикъ. Развѣ вы не знаете?—Всякій дуракъ это знаетъ! Случилось это въ тотъ самый день, когда молодой Гамлетъ родился:—вотъ тотъ, что теперь съума сошелъ и отосланъ въ Англію.

Гамлетъ. Почему же онъ отосланъ въ Англію?

1-й могильщикъ. Почему? Потому, что онъ съ ума сошелъ. Онъ тамъ опять умнымъ станетъ... А и не станетъ, такъ не велика бѣда.

Гамлетъ. Что такъ?

1-й могильщикъ. Тамъ оно замѣтно не будетъ; тамъ всѣ такіе-же полоумные, какъ и онъ.

Гамлетъ. Какъ-же онъ съума сошелъ?

1-й могильщикъ. Престраннымъ манеромъ.

Гамлетъ. Какимъ-же это престраннымъ манеромъ?...

1-й могильщикъ. Взялъ, да и помѣшался!

Гамлетъ. На чемъ-же онъ помѣшался?

1-й могильщикъ. Да должно быть на

землѣ здѣшной... Такъ вотъ, значить, я могильщикомъ всего на всего,—тридцать лѣтъ.

Гамлетъ. А что, долго человѣкъ пролежитъ въ землѣ прежде чѣмъ сгніетъ?

1-й могильщикъ. Да если не сгніетъ заживо,—(у насъ такихъ труповъ много: едва въ гробъ уложить можно, чтобъ не развалились) ну, тогда продержится кое какъ восемь, девять лѣтъ... Кожевеникъ девять лѣтъ выдержитъ.

Гамлетъ. Почему-же кожевеникъ дольше?

1-й могильщикъ. Потому, что его шкура такъ продубится отъ его занятій, что не пропустить въ себя воды долгое время,—а вода самый злой врагъ для вашихъ золотушныхъ труповъ. Вотъ вѣдь этотъ черепъ: лежитъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей онъ?

1-й могильщикъ. Одного золотушнаго мерзавца... Чей бы вы думали?

Гамлетъ. Не знаю.

1-й могильщикъ. Будь онъ проклятъ за свои полоумныя шутки! Онъ мнѣ разъ вылилъ на голову кубокъ рейнскаго вина. Этотъ черепъ, сударь, черепъ Йорика, королевскаго шута.

Гамлетъ. Этотъ? (*беретъ черепъ*).

1-й могильщикъ. Этотъ самый.

Гамлетъ. Увы! бѣдный Йорикъ! Я его зналъ, Гораціо. Это былъ малый безпредѣльнаго остроумія, съ неистощимой фантазіей. Тысячу разъ онъ носилъ меня на своихъ плечахъ... А теперь какъ онъ отвратителенъ... мнѣ даже тошно дѣлается... Вотъ тутъ были тѣ губы, что я цѣловалъ такъ часто. Гдѣ теперь твои остроты, шутки твои, твои пѣсни, твои порывы веселья, заставлявшіе, бывало, весь столъ заливаться смѣхомъ? Ничего не осталось, чтобъ посмѣяться надъ твоей гримасой... Даже челюсти нѣтъ... Теперь бы тебѣ пробраться къ какой-нибудь барынѣ въ уборную, да сказать: накладывайте, сударыня, бѣлилъ и румянъ хоть на цѣлый дюймъ на лицо, а въ концѣ концовъ вы все-таки будете па меня похожи... Пусть она похочетъ надъ этимъ... Гораціо, — скажи мнѣ, пожалуйста, одну вещь...

Гораціо. А именно, ваше высочество?...

Гамлетъ. Какъ ты думаешь: Александръ Великій такимъ-же выглядѣлъ въ землѣ?

Гораціо. Точно такимъ-же.

Гамлетъ. И отъ него пахло такъ-же? Пха!...

(*Бросаетъ черепъ*).

Гораціо. Совершенно такъ-же, принцъ.

Гамлетъ. До какого жалкаго употребленія мы можемъ низойти, Гораціо. Наше воображеніе можетъ прослѣдить благородный прахъ Александра до того времени, когда имъ закончатъ пивную бочку.

Гораціо. Странная мысль!

Гамлетъ. Но вѣдь это вѣрно: мы можемъ
дойти до нея очень просто, логично,—ну хоть
такъ: Александръ умеръ, Александръ погребенъ,
Александръ превратился въ прахъ. Прахъ—это
земля, изъ земли добывается известь и глина. По-
чему же этой известью, въ которую онъ превра-
тился, не могли законопатить пивнаго боченка?

Великій цезарь, въ глину превращенный,
Вдругъ на замазку дыръ пошелъ въ домахъ,—
Что поражало міръ колѣнопреклоненный,—
То служить для замазки на стѣнахъ!

Но тише! Отойдемъ! Сюда идутъ....

*(Идетъ процессія; гробъ Офеліи; Лазръ;
родственники, Король, Королева, сви-
та и пр. За сценой погребальный ко-
локолъ и похоронный маршъ).*

Король и королева... дворъ за ними...

Кого они хоронятъ..? Что за скромность...

То несомнѣнно былъ самоубійца,

Въ отчаянны покончившій съ собой,—

Но кто нибудь изъ знати,—отойдемъ,

Укроемся на время и посмотримъ.—

(Отходитъ съ Горацио).

Лазръ

Еще обрядъ!...

Гамлетъ

Вѣдь это благородный

Лазръ, смотри....

Лазръ

Еще обрядъ, еще!

Отшельникъ

Насколько было права—погребальный

Обрядъ исполнить—нами онъ свершенъ....

Темна ея кончина,—и когда-бы

Не получилъ нашъ орденъ приказанья

Отъ короля,—лежала бы она

Не на святомъ кладбищѣ до суда

Послѣдняго,—ее бы проводили

Въ могилу не горячія молитвы,

А черепки, кремни и камни.... Здѣсь-же

Допущены и дѣвичьи вѣнки,

И покрывала дѣвичьи, и вынось,

И погребальный звонъ....

Лазръ

И это все?

Отшельникъ.

Все. Еслибъ мы надъ нею прочитали

Потребныя для похоронъ молитвы,

То тѣмъ бы осквернили нашъ обрядъ.

Лазръ

Спускайте-же ее въ могилу. Пусть

Изъ чистаго и чуднаго созданья

Растутъ весеннія фіалки....

Гамлетъ

Что?

Офелія.... Краса моя....

Королева *(бросая цветы)*

Цветы

Цветку! Прости!.. Надѣялась я видѣть

Тебя женой Гамлета и цвѣтами

Усыпать ложе брачное твое,
Не крышку гробовую....

Лазръ

Еслибъ горе

Тягчайшее упало на голову

Проклятаго, своимъ поступкомъ гнуснымъ

Исторгшаго твой свѣтлый, чистый разумъ!

О, не бросайте землю, дайте мнѣ

Въ послѣдній разъ обнять ее!...

(Спрыгиваетъ въ могилу).

Теперь

Валите глину вашу на живаго

И мертвую, пока не вознесете

Такую гору, что головой превыситъ

Олимпъ и Пеліонъ лазурный...

Гамлетъ *(Приближаясь)*

Кто

Такъ громко здѣсь высказываетъ горе?

Кто въ небѣ звѣзды заклинаетъ?... Я—

Гамлетъ, наслѣдникъ датскаго престола.

(Прѣмаетъ въ могилу.)

Лазръ

Чтобъ сатана

Твою взялъ душу!

(Схватывается съ принцемъ.)

Гамлетъ

Скверная молитва!

Прошу отнять отъ горла моего

Скорѣ руки... Я хотя не золь

И не горячъ,—но что-то есть во мнѣ

Опасное, чего должно страшиться

Твое благоразуміе! Прочь руки!

Король

Разнять ихъ!

Королева

О, Гамлетъ! Гамлетъ!..

Голоса

Постойте!

Горацио

Принцъ, дорогой мой, успокойтесь!

(Ихъ разнимаютъ. Они выходятъ изъ могилы.)

Гамлетъ

Да!

Да,—я объ этомъ съ нимъ готовъ поспорить

Пока дышу....

Королева

О чемъ, мой сынъ, о чемъ?

Гамлетъ

Ее любилъ я. Сорокъ тысячъ братьевъ

Сильнѣй меня любить ее не могутъ...

Что для нея ты сдѣлаешь?...

Король

Лазръ—

Вѣдь это сумасшедшій!

Королева

Пощадите

Его,—я умоляю!

Гамлетъ

Чортъ возьми!

Да что-жъ ты хочешь дѣлать? Хочешь плакать?

Поститься? драться? истязать себя?
 Пить уксусъ, крокодиловъ ѣсть?—и я,
 Я тоже сдѣлаю! теперь ты воешь,
 Чтобъ разбѣсить меня, прыгнувъ въ могилу,
 Кричишь—живаго зарывайте съ ней!
 Я тоже сдѣлаю! ты можешь голосить:—
 Я бѣсноваться точно также буду!

Королева

Но это помѣшательство. Припадокъ
 Минуетъ скоро... Кроткимъ какъ голубка
 Потомъ опять онъ будетъ....

Гамлетъ

Нѣтъ—послушай:
 Зачѣмъ ты такъ относишься ко мнѣ?...
 Я такъ любилъ тебя!.. Но все равно!
 Чтобъ Г'еркулесъ ни совершалъ,—все кошка
 Мяукать будетъ,—а собака ждать,
 Когда ея чередъ визжать настанетъ....

(Уходитъ.)

Король

Иди, Гораціо, слѣди за нимъ.
 Гертруда, учреди надзоръ за сыномъ.
 Не долго ждать—часы успокоенья
 Для всѣхъ для насъ теперь наступятъ скоро...

Г-жа Абаринова въ роли Гертруды.

Лекціи о сценическом искусствѣ

читанныя въ Императорскомъ московскомъ Театральномъ училищѣ.

Лекція VIII.

Вся жизнь актера проходитъ на глазахъ публики театральнаго зала — того трибунала, пе-

редъ которымъ онъ долженъ выступать каждый вечеръ, зная, что на приговоры его нѣтъ апелляцій. Артистическая дорога актера находится въ зависимости отъ *приема* публики. Ея свойства и слѣдовало-бы каж-

Дому артисту изучать особенно старательно, отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ: какъ въ *толпѣ* измѣняются свойства каждаго отдѣльнаго *индивида*, и не рѣдко въ отрицательномъ смыслѣ. Въ литературѣ, занимающейся спеціально театромъ, недостаточно изучена психологія театральнаго зала. Во Франціи рецензенты и фельетонисты говорятъ о ней чаще, чѣмъ у насъ; но почти всегда слишкомъ диллетантски, безъ серьезнаго анализа ея свойствъ; скорѣе въ духѣ подчиненія ея вкусамъ и требованіямъ, чѣмъ для поддержки тѣхъ актеровъ и актрисъ, которые рѣшаются бороться съ нею, не желаютъ рабски поддаиваться къ ней, добиваться во что-бы то ни стало успѣховъ.

Вы знаете, что человѣкъ изъ общества, извѣстнаго воспитанія, никогда не позволитъ себѣ, *взятый отдѣльно*, и одной сотой тѣхъ проявленій темперамента, на которыя онъ способенъ въ зрительномъ залѣ, гдѣ собралась тысяча народа. Тутъ его не стѣсняють обычаи и приемы общежитія. Онъ дѣлается способнымъ не только на шумныя проявленія своего восторга, но и на рѣзкіе, часто грубые и безпощадные, взрывы недовольства, отъ которыхъ такъ болѣзненно страдаетъ самолюбіе авторовъ и актеровъ.

На актера публика дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ на кого-либо другого. Стоитъ — въ этомъ смыслѣ — провести параллель между нимъ и писателемъ, даже драматическимъ. Начать съ

того, что сценическое искусство, по натурѣ своей, — *самое скоропроходящее*, на что указывалъ еще Лессингъ. Творчество актера ментальное. Оно не фиксируется ни на бумагѣ, ни на полотнѣ, ни въ мраморѣ, ни въ нотной партитурѣ. Оно сохраняется только въ памяти зрителей и въ театральнахъ рецензіяхъ, гдѣ — очень рѣдко — потомки, и даже современники, не видавшіе артиста, находятъ достаточно точныя опредѣленія его игры, не выходящія изъ общихъ мѣстъ. Писатель, особенно драматическій, точно также долженъ бороться съ читающей публикою или съ театральною залой. Правда, пьесу можно сразу убить, на первомъ представленіи, освистать, ошибать. Но она остается какъ литературное произведеніе, будетъ напечатана, будетъ оцѣнена избраннымъ меньшинствомъ читающей публики, а впоследствии, можетъ быть, и толпою, когда этой толпѣ разъяснятъ ея достоинства. Романистъ находится въ еще лучшихъ условіяхъ. Ему не приходится сталкиваться лицомъ къ лицу съ публикою, которая считаетъ себя въ правѣ награждать васъ рукоплесканіями или покрывать свистками и шиканіемъ потому только, что она заплатила за мѣста. Книгу убить нельзя такъ, какъ пьесу. Въ карьерѣ романиста могутъ быть также долгіе періоды непониманія автора, непризнаванія его таланта, но его самолюбіе не страдаетъ такъ прямо, какъ на сценѣ, и выпущенная имъ книга (если только она написана даровитымъ человѣкомъ) рано или поздно добьется своего. Примѣровъ такого поздняго признанія драматурговъ и романистовъ можно привести нѣсколько, съ тѣхъ поръ какъ изящная литература и театръ вошли въ обиходъ умственной и эстетической жизни европейскаго общества.

Пословицы и пьесы Альфреда Мюссе, появившіяся сначала въ печати, долго считались совершенно непригодными для сцены. Случилось такъ, что французская актриса, Алланъ, игравшая въ Петербургѣ, на Михайловскомъ театрѣ, поставила одну изъ его пословицъ и съ успѣхомъ. — Вернувшись въ Парижъ, она способствовала тому, что пьесы Мюссе, и одно-

актыя пословицы, и болѣе крупныя драмы и комедіи стали появляться на сценѣ *Французскаго театра* и сдѣлались теперь репертуарными не смотря на то, что ихъ нельзя считать особенно сценичными. Но ихъ литературныя достоинства были оцѣнены; критика растолковала публикѣ, въ чемъ заключаются эти достоинства, и теперь они сдѣлались общепризнанными. Въ судьбѣ повѣствовательныхъ произведеній мы находимъ примѣры такого-же поздняго признанія. Всего ярче видимъ мы это на романистѣ Бэлъ - Стендалѣ, который самъ предсказалъ, что критика и публика признають его только черезъ 40 лѣтъ послѣ появленія его лучшаго романа.

Сценическому артисту надо брать все съ бою; быстрота, съ какою можно добиться успѣха, завоевать видное положеніе въ труппѣ, поддерживать въ актерaxъ особенную нервную впечатлительность и — нерѣдко — непомѣрное славолубіе. Они знаютъ, что на приговоры публики, въ данный моментъ, нѣтъ никакихъ аппеляцій. Они видятъ, что для полученія громкихъ успѣховъ недостаточно одного таланта; надо умиѣть пользоваться выгоднымъ эффектомъ, дѣйствовать умышленно на душевныя струны зрителей, на ихъ вкусъ, часто весьма низменный, на извѣстную тенденцію, какая въ ту минуту преобладаетъ въ литературѣ, прессѣ и обществѣ. Потому, такъ рѣдко и встрѣчаешь артистовъ, даже съ именемъ, которые рѣшаются сознательно бороться съ публикою, не хотятъ ни въ чемъ поддѣлываться подъ ея настроенія и вкусы. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что въ театральномъ мірѣ такъ называемый *приемъ* царитъ безусловно.

Приемъ прямо вліяетъ на сборъ; а матеріальный успѣхъ руководитъ сильнѣе, чѣмъ всякія другія соображенія, тѣми, въ рукахъ кого находится хозяйство сценъ, и въ столицѣ, и въ провинціи. Успѣхи, часто весьма дешевые, раздувая самолюбіе артиста, даютъ ему поводъ требовать очень высокаго вознагражденія, дѣлають его алчнымъ. Эти высокія денежныя требованія ведутъ, все чаще и чаще, на частыхъ ссвахъ, къ невозможности покрывать расходы, превращають сценическое дѣло въ нѣчто низменное, грубо-матеріальное, существующее какъ бы для того только, чтобы питать славолубіе и жадность къ высокому окладу актеровъ и актрисъ, которымъ удалось попасть въ милость публики.

Театральная зала даетъ всегда вѣрную ноту для сужденія о культурномъ развитіи общества въ извѣстной странѣ. Она не вездѣ одинаково тлетворно дѣйствуетъ на артистовъ. На западѣ, если мы возьмемъ напр. публику *Французской комедіи* и вѣнскаго *Бургъ-театра*, то увидимъ, что обычаи, сложившіеся

въ ней, ея манера держать себя въ театральной залѣ — нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, что мы находимъ въ нашей публикѣ, не исключая и публики столичныхъ, привилегированныхъ театровъ. *Французскую комедію* посѣщаетъ избранный слой общества, самый образованный, свѣтски-воспитанный, сдержанный, привыкшій уважительно относиться, прежде всего, къ тому мѣсту, гдѣ даютъ лучшія произведенія драматической литературы. Для образованнаго француза это не простой театръ, а «домъ Мольера», освященный вѣковыми традиціями, государственно-національное учрежденіе, которое поддерживается всей націей, предметъ законной гордости всякаго развитаго француза. Поэтому взрывы темперамента, безцеремонныя выходки и протесты чрезвычайно рѣдки во Французской комедіи; а если иногда и вызываются, то скорѣе не эстетическими соображеніями, а чѣмъ-нибудь постороннимъ, напр. тенденціей пьесы, показавшейся большинству или меньшинству слишкомъ враждебной ея поведеніямъ и симпатіямъ. Такъ, въ недавнее время, пьеса Сарду «Термидоръ» вызвала бурю въ меньшей долѣ публики и настолько сильную, что правительство сочло нужнымъ остановить представленія этой пьесы.

На первомъ спектаклѣ, въ Парижѣ, считаться съ публикой приходится, и почти исключительно, автору, а не актерамъ. Актеры проходятъ долгій искусь, приобрѣтають свое положеніе постепенно, остаются въ тѣни или выдвигаются на первый планъ, смотря по таланту и удачѣ, и разъ занявъ извѣстное положеніе въ труппѣ, могутъ разсчитывать на то, что публика будетъ всегда относиться къ нимъ благожелательно, съ достоинствомъ и съ пониманіемъ. Публика *Французской комедіи* не привыкла каждый вечеръ дѣлать тѣмъ или инымъ актерамъ и актрисамъ оваціи, вызывать послѣ cadaго акта, и даже по окончаніи пьесы, шумно и неумѣренно, какъ это дѣлается почти всегда у насъ. Да и на первыхъ представленіяхъ успѣхъ исполнителей сказывается только въ томъ, что публика, по окончаніи пьесы (изрѣдко послѣ отдѣльнаго акта), хлопаетъ, *не выкрикивая именъ актеровъ и актрисъ*, и этимъ приглашаетъ ихъ появиться у рампы; два, много три, такихъ коллективныхъ вызова считаются въ Парижѣ огромнымъ успѣхомъ исполнителей.

Вы слышали, конечно, что въ Парижѣ существуетъ въ театрѣ такъ называемая *кляка*, т.-е. наемные хлопальщики, которые подъ руководствомъ своего вожака, апплодируютъ въ разныхъ мѣстахъ пьесы, по разъ установленной программѣ. Этотъ обычай справедливо кажется намъ и другимъ иностранцамъ страннымъ, несомнѣстнымъ съ достоинствомъ хорошей литературной сцены.

Нѣкоторые парижскіе театры въ послѣднее время уничтожили у себя кляку, но во *Французской комедіи* она еще держится. Казалось бы, такой обычай долженъ поддерживать въ актерѣ тщеславіе, приучать его къ обязательнымъ рукоплесканіямъ, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не такъ. Рукоплесканія кляки обыкновенно подчеркиваютъ эффектные мѣста, положенія, тирады пьесы, т.-е. служатъ гораздо прямѣе—интересамъ автора. Въ вызовахъ актера кляка не участвуетъ, или по крайней мѣрѣ, не начинаетъ первая аплодировать. Ея присутствіе сдѣлало то, что публика Французской комедіи и нѣкоторыхъ лучшихъ парижскихъ театровъ вообще воздерживается отъ рукоплесканій и только въ случаѣ большаго успѣха заявляетъ свое удовольствіе.

Точно также, въ образцовомъ нѣмецкомъ театрѣ, въ Вѣнѣ, вы находите всегда серьезную, литературно-образованную публику, съ такимъ же почтеніемъ, какъ и въ Парижѣ, относящуюся и къ національному репертуару, и къ персоналу своей первой драматической сцены. И тамъ вызовы сдержанны. Ихъ надо заслужить. Раньше, чѣмъ въ другихъ образцовыхъ театрахъ, актерамъ въ *Бургъ-театрѣ* строго было запрещено появляться на вызовы публики во время дѣйствія, что только въ самое послѣднее время дирекція нашихъ привилегированныхъ театровъ запретила артистамъ. Въ Вѣнѣ штрафъ за самовольное появленіе передъ публикой равняется мѣсячному содержанію, т.-е. для первыхъ сюжетовъ не менѣе тысячи рублей на наши деньги.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы и на западѣ публика вездѣ и всегда отличалась такими свойствами. Въ Парижѣ не только въ театрахъ, гдѣ играютъ плохіе мелодрамы и фєрїи, гдѣ публика состоитъ изъ мелкой буржуазіи и рабочихъ, но и въ такихъ театрахъ, какъ, напримѣръ, *Vaudeville, Gymnase* и др., вы можете быть свидѣтелями самаго безцеремоннаго, иногда нахальнаго и жестокаго, обращенія публики съ пьесою, т.-е. съ авторомъ, а иногда и съ исполнителями.

Автору обыкновенно достается гораздо сильнѣе и чаще, чѣмъ актеру, который, только какъ толкователь произведенія, долженъ выносить темпераментъ зрительной залы. Въ этихъ случаяхъ французская публика позволяетъ себѣ все: свистъ, крики, издѣвательства, хохотъ, бросаніе разной разности на сцену. Мнѣ лично, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, привелось вынести такой спектакль въ одномъ изъ хорошихъ театровъ, въ *Водевильѣ*. Шло послѣднее представленіе пьесы Эмиля Золя, взятой имъ изъ собственнаго романа: «*La curée*». Пьеса держалась, хотя и съ протестами, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; но на послѣдній спектакль собрались всѣ, кто желалъ выразить автору свое

неодобреніе за сюжетъ пьесы, показавшійся слишкомъ голымъ и циничнымъ. Въ теченіе всего вечера публика не переставала издѣваться надъ пьесою, а косвенно и надъ актерами. Наши актеры врядъ ли когда-либо проходятъ черезъ такія испытанія, причѣмъ надо, по пословицѣ, испытывать «похмѣлье въ чужомъ пирѣ», т.-е. отвѣчать за все то, чѣмъ авторъ не угодилъ театральной залѣ.

Въ Италіи публика оперныхъ и драматическихъ представленій давнымъ-давно усвоила себѣ замашки безцеремоннаго обращенія съ тѣмъ, что идетъ на сценѣ, съ авторами пьесъ и съ исполнителями. Тамъ артисты могутъ одной фальшивой нотой или неудачно сказанной тирадой вызывать бури, дѣлаться жертвами самаго жестокаго обхожденія.

Быть можетъ, ни въ какой націи не найдете вы такого рѣзкаго контраста между темпераментомъ отдѣльныхъ личностей и толпы, публики, какъ въ нашихъ театральныхъ залахъ. Взятый въ одиночку, русскій человекъ, принадлежащій къ культурному слою общества, совсѣмъ не отличается смѣлостью проявленій своего «я». Скорѣе онъ застѣнчивъ, или, по крайней мѣрѣ, уклончивъ и часто анатичнѣ, чѣмъ любой иностранецъ. Въ немъ боязнь, какъ-бы себя не скомпрометировать, воздерживаетъ отъ смѣлаго и энергичнаго проявленія своихъ мыслей, настроеній, вкусовъ. Но въ театральныхъ залахъ замѣчаются совсѣмъ другіе признаки. Тамъ всплываетъ наружу склонность русскаго читателя и зрителя, или къ пренебрежительному отношенію, или же къ стихійнымъ увлеченіямъ. Разспросите любого иностраннаго артиста, пѣвца или актера, побывавшаго въ Россіи въ качествѣ гастролера, и, онъ, конечно, подтвердитъ вамъ, что ни въ одной странѣ, не исключая и европейскаго юга, ему не доставалось столько овацій и подарковъ, какъ въ Россіи.

Есть въ русскихъ театральныхъ залахъ извѣстная доля болѣе воспитанныхъ и сдержанныхъ людей, которые не позволяютъ себѣ такого безпорядочнаго поведенія, какимъ грѣшить у насъ большинство публики. И на западѣ зрители, покупая билетъ, считаютъ себя въ правѣ выражать свое удовольствіе или неудовольствіе, какъ имъ заблагоразсудится. Мы сейчасъ видѣли, что тамъ автору и артисту приходится иногда выносить цѣлыя бури. Но общій уровень все-таки же иной. Въ шиканѣ и въ аплодисментахъ русской театральной залы гораздо больше каприза, непродуманнаго увлеченія. Десятки лѣтъ вѣдалась въ нашу театральную публику привычка награждать актеровъ вызовами и рукоплесканіями слишкомъ часто и много. Только въ послѣднее время въ казенныхъ нашихъ театрахъ администрація обязала публику быть сдержаннѣе, заявивъ ей,

что актеры не будутъ появляться на вызовы во время дѣйствія, при поднятомъ занавѣсѣ. Актеры приучались вести сцены, чтобы каждый разъ, при уходѣ, удостоиваться аплодисментовъ и вызововъ. Это достигло такихъ размѣровъ, что въ театральномъ жаргонѣ сложилось даже особенное прозвище для тѣхъ артистовъ, которые, репетируя пьесу, заставляли своихъ партнеровъ, остававшихся послѣ нихъ на сценѣ, дѣлать искусственную паузу, чтобы дать время: самимъ появиться въ дверяхъ и раскланяться съ публикою. Ихъ прозвали — «прихо-уходные актеры».

Русская театральная зала всегда отличалась склонностью: возводить исполнителей въ своихъ *любимцевъ* и *любимицъ*. Не такъ давно еще такихъ избранниковъ и избранницъ и въ очередные обыкновенные спектакли встрѣчали, при ихъ появленіи, обязательными аплодисментами, чего въ Парижѣ и въ Вѣнѣ, на тамошнихъ образцовыхъ театрахъ, не дѣлалось никогда, даже для самыхъ первыхъ сюжетовъ. Послѣ cadaго акта вызовы и крики одобренія у насъ неизбѣжны и весьма рѣдко мотивированы искусствомъ артистовъ. По окончаніи пьесы, если только любимая актриса эффектно заканчиваетъ свою роль, происходитъ шабашъ восторговъ, въ которомъ сказывается гораздо больше распушенности извѣстной доли публики, чѣмъ оцѣнки высокой художественной игры.

При такихъ свойствахъ театральной залы, и безъ того щекотливое самолюбіе артистовъ можетъ раздуться до чудовищныхъ размѣровъ. Строгая самооцѣнка замѣняется цифрою вызововъ. На казенныхъ театрахъ эти вызовы даже записываются, отмѣчаются въ режиссерскую тетрадь. Каждому исполнителю хочется одного, чтобы внѣшній успѣхъ его былъ, по крайней мѣрѣ, такимъ же, какъ и наканунѣ. Въ театра актеръ можетъ еще критически отнестись къ дешевымъ оваціямъ театральной залы, особенно когда дѣло идетъ объ успѣхахъ соперника; но самъ онъ съ каждымъ годомъ теряетъ чувство правды; въ немъ притупляется сознание того — заслуживаетъ ли его игра дѣйствительно такихъ немѣрно щедрыхъ одобреній. Онъ знаетъ и видитъ, что разъ вы попали въ любимцы, вамъ нечего больше хлопотать о своемъ развитіи, вы можете играть какъ угодно, и заботиться только о тѣхъ мѣстахъ роли, гдѣ всего легче подѣйствовать на сантиментальное настроеніе или на грубые вкусы публики. Актрисы, попавшія въ любимицы, еще дольше сохраняютъ свое обаяніе, чѣмъ мужчины. Каждый бенефисъ вызываетъ восторги, даетъ возможность производить усиленные поборы съ публики, въ видѣ возвышенныхъ цѣнъ и всякаго рода дорогихъ подарковъ. Въ нашихъ столицахъ и университетскихъ городахъ, на раздуваніе репутацій актеровъ и актрисъ

вліяютъ и увлеченія учащейся молодежи. Этотъ классъ публики, безъ сомнѣнія, самый искренній; онъ живѣе и цѣльнѣе воспринимаетъ все, что ему даетъ театръ: но не надо забывать, что критерій у молодежи слишкомъ субъективенъ; ея опытъ, выработка вкуса — слишкомъ ограничены. Весьма часто она увлекается не сильнымъ талантомъ, не тѣмъ, какъ играетъ актриса или актеръ, а тѣмъ, что они играютъ, какія слова произносятъ, насколько симпатично лицо, изображаемое ими. Потому-то, успѣхъ исполнителя вызывается весьма часто мотивами, не имѣющими ничего общаго съ вѣрной оцѣнкою чисто-художественнаго свойства.

Что же сказать о той долѣ публики, которая идетъ въ театръ, не руководимая никакой идеей или симпатіей, а ищетъ только грубыхъ сценическихъ впечатлѣній, аплодируетъ всякой пошлости, не въ состояніи отличить комизма отъ фарса, драматическаго момента, требующаго реальной игры, отъ фальшивой слезливости, отъ рутины, лишенной всякой творческой самобытности? И въ нашихъ даже лучшихъ театрахъ долго еще не будетъ равномѣрнаго развитія публики; долго избранное меньшинство должно будетъ терпѣть отъ малоосмысленныхъ восторговъ театральной залы, которая присвоила себѣ право вознаграждать не по заслугамъ.

Еслибъ любимицы и любимцы нашей театральной залы, привыкшіе къ ежедневнымъ шумнымъ оваціямъ, хорошенько пораздумали о замашкахъ публики — неумѣренно кричать и хлопать, они, можетъ быть, нашли бы въ этихъ замашкахъ доказательство *безцеремонности*, съ какой до сихъ поръ толпа относится къ сценическимъ артистамъ. Она показываетъ этимъ, что въ ея волѣ миловать или карать актера. Ей никакого нѣтъ дѣла до того, что актеръ сыгравшій трудную, изнурительную роль, нуждается въ покоѣ: она заставляетъ его появляться столько разъ, сколько ей угодно вызывать его. Нашей столичной публикѣ былъ преподанъ урокъ итальянскимъ артистомъ Сальвини, который отказался, наконецъ, выходить, по окончаніи спектакля, болѣе извѣстнаго числа разъ, и далъ понять, что такая щедрость на вызовы — положительная безцеремонность съ артистомъ, которая только крайне тщеславныхъ людей можетъ тѣшить и восхищать.

Чему же служить артисту: настроенію театральной залы или другому какому-нибудь принципу? Безъ осязательнаго успѣха немислима его карьера; а успѣхъ прежде всего даетъ публика. Въ чемъ найдетъ онъ опору для борьбы съ заразою тщеславія и славолубія? Ни въ чемъ иномъ, кромѣ своей совѣсти. Если онъ сумѣлъ выработать себѣ кодексъ твердыхъ артистическихъ правилъ и не потерялъ способности самоанализа, то пріемъ публики

не собьеть его съ прямого пути, рукоплесканія и вызовы не будутъ для него всегда равнозначущими высокому исполненію; и только тогда они явятся ему истинной наградой, когда онъ найдетъ въ нихъ сочувственный откликъ своимъ серьезнымъ стремленіямъ.

Излишнее тщеславіе и славолубіе сценическихъ артистовъ, питаемая замашками театральной залы, являются отчасти слѣдствіемъ того, что *общество очень домо смотрѣло на актеровъ какъ на отщепенцовъ*, не хотѣло дѣлать ихъ равноправными съ другими согражданами. Предразсудки — очень живучи; и мы видимъ, что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ трудъ и талантъ актера, до послѣдняго времени, вознаграждали, какъ нѣчто, стоящее ниже самой мелкой службы государству.

Во Франціи, еще 30 лѣтъ тому назадъ, заслуженный артистъ *Французской комедіи*, Сансонъ, первый получилъ орденъ Почетнаго Легиона, но не какъ актеръ, а какъ преподаватель консерваторіи. — И только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, два сосѣтера того же театра, Делонз и Февръ, были сдѣланы кавалерами этого ордена уже безъ всякой оговорки и уловокъ, въ награду за ихъ актерскую службу. Такія ограниченія видимъ мы и въ нашемъ обществѣ. Артистъ казенной сцены не приравненъ еще въ своихъ правахъ, преимуществахъ

и наградахъ съ людьми, находящимися на государственной службѣ. Имъ платятъ крупныя жалованья и какъ бы желаютъ этимъ показать, что больше денежнаго вознагражденія они ничего требовать не могутъ.

Эта несправедливость — остатокъ прежнихъ нравовъ, сословнаго духа и отчасти церковной нетерпимости. Сценическимъ артистамъ надо бороться со всѣмъ этимъ и бороться не эгоистической погоней за дешевымъ успѣхомъ, за большимъ окладомъ, за рекламой, а цѣлымъ строемъ своей жизни. Женщинамъ, въ особенности, слѣдуетъ построже относиться къ себѣ, къ своимъ правамъ, не давать повода обществу смотрѣть на нихъ, какъ на «каботинокъ» безъ правилъ, безъ чувства достоинства. Въ нашихъ столицахъ актерамъ и актрисамъ, дѣйствующимъ на привилегированныхъ сценахъ, есть полная возможность быть уважаемыми членами общества. И тѣ, у кого талантъ въ гармоніи съ умственной и нравственной порядочностью, находятъ въ самыхъ развитыхъ членахъ общества почтительное отношеніе къ своимъ личнымъ достоинствамъ, вмѣстѣ съ той оцѣнкою, которая переживаетъ случайныя и слишкомъ дешевыя оваціи и увлеченія театральной залы.

П. Боборыкинъ.

Тетя-Варя.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Николай выросъ на рукахъ у тети-Вари. Отца онъ не помнилъ совсѣмъ; мать умерла, едва ему исполнилось три года. Когда онъ думалъ о матери, передъ нимъ всегда вставала одна и та-же картина, смутная и расплывчатая, какъ негативъ фотографіи: слабо освѣщенная комната съ широкой кроватью посрединѣ, а на кровати блѣдная женщина съ исхудалыми руками, вытянутыми поверхъ одѣяла, съ большими, страшными глазами. Тетя-Варя подноситъ его къ ней; страшные глаза обращаются въ его сторону, а онъ въ ужасѣ жметъ къ тетѣ-Варѣ, рученками цѣпляется за ея шею и слезливымъ голосомъ повторяетъ:

— Не хочу, не хочу, не хочу!

Позднѣе, отъ тети-Вари, онъ узналъ, что это было его послѣднее прощаніе съ матерью. Самой тетѣ-Варѣ все, что она пережила въ тотъ зимній вечеръ, представлялось такъ-же живо и ясно, какъ будто съ тѣхъ поръ прошло всего нѣсколько дней, а не двадцать лѣтъ слишкомъ.

Она стояла у постели умирающей сестры съ ребенкомъ на рукахъ и почти съ такимъ-же страхомъ, какъ и маленькій Коля, смотрѣла на эти обращенные внутрь глаза, въ которыхъ появилось какое-то особенное, непонятное, чуждое и враждебное всему живому выраженіе.

— Обѣдай мнѣ, Варя,—говорила ей умирающая, что ты его не оставишь, что ты сдѣлаешь все, чтобъ замѣнить ему меня!

Захлебываясь слезами, она дала обѣщаніе.

Съ этого вечера для нея началась новая жизнь. Она была уже немолода и давно потеряла надежду выйти замужъ. Годы уходили, румянецъ сбѣгалъ со щекъ, на лбу появились морщинки, въ вискахъ засеребрилась сѣдина, а будущее не сулило ничего, кромѣ длиннаго ряда сѣренькихъ, бессмысленныхъ дней нескрашеннаго любовью и лаской, лишеннаго цѣли и всякихъ радостей существованія «старой дѣвы».

А, между тѣмъ, ее тянуло къ семьѣ. Опре-

дѣленнаго дѣла у нея не было, книжки ее не привлекали; она искала живой привязанности ей хотѣлось кого-нибудь лелѣять, о комъ-нибудь заботиться, кому-нибудь отдать тотъ запасъ любви и силъ, который накопился въ ея сердцѣ, не имѣя исхода. И вотъ сѣренькіе дни прояснились, въ изсыхавшей груди опять вспыхнула жажда жизни и начинавшая уже старѣться дѣвушка почувствовала приливъ давно исчезнувшей энергіи, когда вокругъ ея шеи обвили слабенькія, безпомощныя ручки и бѣлокурая, кудрявая головка довѣрчиво прильнула къ ея груди. Бя ненужное существованіе сразу получило въ ея глазахъ необыкновенную важность. Количка не могъ обойтись безъ нея,—и она вся отдалась заботамъ о Количкѣ чтобы видѣть его щечки всегда розовыми, чтобы вызвать счастливую улыбку на его пухлыхъ губки, она была готова на всякій трудъ, на всякія жертвы... Она зарылась въ своемъ маленькомъ имѣньицѣ Малѣевкѣ, вся погрузилась въ хозяйственные соображенія и расчеты, цѣлые дни хлопотала въ полѣ, на скотномъ дворѣ, бранилась съ мужиками, торговалась съ купцами, считала, рассчитывала, обрѣзывала себя во всемъ и копила, чтобы обезпечить Количку въ будущемъ. Сколько заботъ, тревогъ, опасеній, сколько бессонныхъ ночей провела она, пока онъ былъ маленькимъ! Занятая хозяйственной бѣготней внѣ дома, она душою была тамъ и, присматривая за тѣмъ, какъ рыли картофель или рубили капусту, она думала о своемъ Количкѣ и волновалась, представляя себѣ, что нянька можетъ накормить его чѣмъ-нибудь вреднымъ или уйдетъ въ кухню пить чай, оставить его одного, а онъ откуда-нибудь упадетъ, ушибется, подбѣжитъ къ открытой форточкѣ или, какъ вчера, наѣтся сальной свѣчки. А какія ужасныя минуты приходилось переживать, когда онъ заболѣвалъ! Она просиживала цѣлыя ночи надъ его кроватью, ощупывала его лобикъ, прислушивалась къ его дыханію.

— А вдругъ у него что-нибудь серьезное начинается?—говорила она въ десятый разъ нявкѣ, тщетно убѣждавшей ее ложиться; ей представлялись самыя ужасающія картины: дифтеритъ, скарлатина, коклюшъ. Количка умираетъ, и она опять одна, и опять никакихъ радостей и надеждъ, никакого смысла въ жизни. Она, не помня себя, вскакивала, и черезъ полчаса тройка летѣла въ городъ за докторомъ, причемъ кучеръ получалъ наставленіе гнать лошадей, не жалѣя.

Вечеръ, когда оканчивались хлопоты по хозяйству, она весь отдавала Количкѣ; онъ обыкновенно игралъ у ея ногъ и привыкъ обращаться къ ней за разрѣшеніемъ всѣхъ своихъ сомнѣній, и она пикогда не утомлялась его вѣчными «зачѣмъ?», его непрерывавшейся болтовней. Передъ сномъ онъ любилъ слушать ея сказки, требуя, чтобы она рассказывала ихъ одну за другою, пока, наконецъ, онъ не засыпалъ у нея на колѣняхъ. Чуть ступая, она относила его сопнаго въ постель, сама раздѣвала и укладывала и, уложивъ, подолгу еще сидѣла подлѣ него, мечтая о томъ, что изъ него выйдетъ, когда онъ вырастетъ большой, кѣмъ онъ будетъ и какъ сложится его жизнь. И какое-то неясное чувство опасенія за себя прокрадывалось въ эти мечты, и она выходила обыкновенно изъ дѣтской задумчивая и грустная.

Зато какимъ счастьемъ наполнялось ея сердце, когда Количка принимался ее ласкать и говорилъ ей картавя:

— Тетя-Варя, я тебя ужасно, ужасно люблю: вотъ какъ!— и старался изъ всѣхъ своихъ крошечныхъ силенокъ покрѣпче обнять ея шею.

Время шло, Количка подросталъ и его надо было учить. Она сама принялась его готовить, и до сихъ поръ, какъ святыню, хранила отъ той эпохи его тетрадки съ безобразными, кривыми, въ разныя стороны распрыгавшимися буквами, тамъ и сямъ испещренныя ея поправками. Она даже вытащила изъ чулана пожелтѣвшіе учебники, по которымъ ее когда-то учили въ институтѣ, накупила новыхъ и добилась того, что, не обращаясь ни къ чьей помощи, приготовила мальчика къ экзамену. Съ поступленіемъ Николая въ гимназію, пришлось переѣхать въ городъ. Доходовъ съ Малѣвки не хватало, ей удалось достать работу, и она просиживала всѣ вечера до поздней ночи за шитьемъ, обрѣзала себя еще больше, но зато у Колички былъ всегда новенькій мундирчикъ, за столомъ для него былъ сладкій кусокъ, а въ карманѣ водились деньги на его личные расходы.

Онъ совсѣмъ не зналъ нужды: ему не приходилось бѣгать по урокамъ, онъ не зналъ утомленія и росъ здоровымъ, сильнымъ, веселымъ и беззаботнымъ. Когда ему исполнил-

ся 21 годъ, тетя-Варя объявила нѣсколько торжественно:

— А знаешь, Количка, сколько у тебя теперь денегъ?

— Какихъ денегъ, тетя?—съ недоумѣніемъ спросилъ онъ.

— Да твоихъ... твоихъ собственныхъ, которыя тебѣ послѣ отца остались?

— Да развѣ мы ихъ не прожили, тетя?

— Что это ты говоришь, Количка,—обиженнымъ тономъ сказала она: зачѣмъ-же меня опекуней надъ тобой сдѣлали? Не только ни одной копѣйки не тронуто, а теперь, вмѣсто 5 тысячъ, цѣлыхъ 8.

Только въ эту минуту ему сразу представились всегда утомленный видъ тети-Вари, ея старенькія, потрепанныя платья, ея бѣготня въ поискахъ за работой; онъ бросился ее цѣловать, упрекалъ, что она столько всегда работала, проживала свои собственные деньги; она сердито отъ него отмахивалась и говорила:

— Ну, ну, поди, поди! Терпѣть не могу этихъ нѣжностей... А что я свои деньги тратила, такъ это уже мое дѣло. И ты мнѣ о нихъ никогда не смѣй говорить, слышишь? Свои,—ворчала она, нѣсколько успокоившись: все равно-же,—ему все пойдетъ.

Въ тотъ-же вечеръ онъ купилъ ей на свои деньги хорошенькую и довольно дорогую брошку.

— Это моему образцовому опекупу,—пошутилъ онъ и заставилъ ее тутъ-же надѣть свой подарокъ. Она вся покраснѣлась и сконфузилась, какъ дѣвочка.

— Ну ужъ, Количка, это баловство!—сказала она сердито, но была, очевидно, очень довольна его подаркомъ: эту брошку она потомъ никогда не снимала.

— Только одинъ уговоръ, Количка,—старалась она внушить племяннику: чтобы никогда больше ты не смѣлъ на меня своихъ денегъ тратить... слышишь? а вздумашь мнѣ еще подарки дѣлать, такъ я не то что не возьму, а за окошко выброшу... Новости какія выдумываетъ—у самого запонокъ нѣтъ порядочныхъ, а мнѣ брошки по 30 рублей покупаетъ...

II.

Тетя-Варя была маленькая, худенькая старушка съ сморщившимся уже лицомъ, острымъ, нѣсколько загнутымъ кверху подбородкомъ и прекрасными, добротою и лаской сіявшими глазами. Она ходила всегда въ черномъ платьѣ и бѣлошъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго выбивался иногда непослушный локонъ совсѣмъ посѣдѣвшихъ волосъ. Тетя-Варя была еще очень бодра; цѣлый день она хлопотала и бѣгала, справляясь съ разными хозяйственными дѣлами, и, глядя на ея живыя движенія, на легкую со-

всѣмъ молодую походку, трудно было вѣрить, что ей ужъ давно перешло за 50-ть. Она вставала раннимъ утромъ, такъ что зимою ей приходилось совершать свой туалетъ при свѣчахъ, и осторожными шагами отправлялась въ кухню будить кухарку, единственную прислугу, которую они нанимали съ племянникомъ. На кухнѣ скоро начиналась возня: кухарка щипала лучину и ставила самоваръ; тетя-Варя сама наблюдала за тѣмъ, какъ варился кофе и на таганѣ поджаривала бифштексъ, которыми по утрамъ, передъ уходомъ на службу, завтракалъ племянникъ. Въ то же время происходило совѣщаніе относительно обѣда.

— Цвѣтную капусту Количка очень любить, — говорила тетя-Варя: — да ужъ очень она дорога теперь стала.

— Какая теперь цвѣтная капуста! — соглашалась кухарка.

— Бобовъ теперь тоже хорошихъ не пайдешь, — соображала тетя-Варя: не знаю, что и готовить... Да, вотъ что... рѣшала она: посмотри ты тамъ курицу, — Количка съ рисомъ ее любить, да смотри, чтобы тебѣ старую не дали, а то второй разъ пошло... Да въ булочную-то пойдешь, смотри чтобы калачи поджаристые были, а то Коля вчера и ѣсть не сталъ...

Давъ кухаркѣ обстоятельныя инструкціи и вручивъ ей деньги, тетя-Варя отправляла ее на рынокъ, а сама накрывала въ маленькой столовой столъ для утренняго кофе, взглядывала съ беспокойствомъ на часы и, если часы показывали половину восьмого, отправлялась будить племянника. Она стучала въ двери его комнаты сначала слабо, потомъ все сильнѣе, пока, наконецъ, изъ-за двери не раздавался сонный голосъ:

— Хорошо, хорошо, — я сейчасъ буду вставать, тетя-Варя!

Тетя-Варя отходила отъ двери и принималась за какое-нибудь дѣло, по скоро возвращалась и слушала. Если въ комнатѣ племянника водворялась тишина, она начинала снова стучать:

— Ты что-же, Колька, будешь сегодня вставать, или нѣтъ? — кричала она. За дверью начиналась возня, шлепанье туфель и тетя-Варя усаживалась въ столовой и принималась за кофе.

— Тетя-Варя! Марѳа опять воды не налила, — кричалъ Николай изъ своей комнаты.

Она оставляла свой кофе.

— Подожди, я тебѣ сейчасъ принесу: экая вѣдь распустиха эта Марѳа!

Она бѣжала въ кухню и тащила оттуда ведро съ водой.

— Тетя, что же это ты беспокоишься, я самъ-бы могъ! — говорилъ онъ, впрочемъ, совершенно равнодушно.

— Ну, ну... Будешь ты еще тутъ у меня разговаривать! Одѣвайся скорѣе, а то опоздаешь. Платье-то она тебѣ вычистила?

— Сейчасъ посмотрю... Нѣтъ, не чистила, да я и забылъ его съ вечера выложить.

— Хорошо тоже! Давай сюда скорѣе, — оба вы съ Марѳой другъ друга стойте!

Наконецъ, онъ появлялся въ столовой, цѣловалъ у тети-Вари руку и усаживался за кофе. И всякій разъ при взглядѣ на его красноеще, дышащее здоровье и молодостью лица, на бѣлокурую, волнистую бородку, тетя-Варя чувствовала, какъ ее физиономія сама собою расплывается въ пѣжную улыбку. Она подвигала ему бифштексъ, намазывала масло и, оставляя стынуть свой кофе, смотрѣла, какъ онъ ѣстъ, любясь его аппетитомъ.

— Тетя-Варя, а вѣдь тебѣ тоже слѣдовало-бы ѣсть мясо по утрамъ, — говорилъ онъ, проглатывая кусокъ, — смотри, какая ты худая!

— Выдумай еще!..

— Я вѣдь знаю, ты все экономничаешь, такъ, ей Богу, это такіе пустяки! Да, наконецъ, если уже на то пошло, такъ съ какой-же стати я-то роскошествую? Этакъ и я ѣсть не стану.

Тетя-Варя выходила изъ себя отъ негодованія.

— Нѣтъ, ты совсѣмъ рехнулся... Вѣдь придетъ-же въ голову такой вздоръ. Экономія! Просто терпѣть не могу этихъ вашихъ модъ. Не беспокойся, батюшка, я себя не забуду!

Когда онъ уходилъ въ окружный судъ, тетя-Варя принималась за уборку комнатъ, время отъ времени заглядывая на кухню, гдѣ Марѳа готовила обѣдъ. Небольшую квартирку, — въ ней было всего три комнаты, — она содержала въ педантической чистотѣ, хотя изъ-за этого ей приходилось вести никогда не прекращавшуюся войну и съ племянникомъ и съ Марѳой. Часамъ къ двумъ тетя-Варя успокоивалась и брала свой чулокъ, съ которымъ она не разставалась уже во всю остальную часть дня, оставляя его только во время обѣда. Съ трехъ часовъ она начинала поглядывать въ окно, и завидѣвъ издали фигуру племянника, бѣжала въ кухню.

— Все-ли у тебя готово, Марѳа? Подливку-то сдѣлала? А рисъ хорошо сварился?

Она пробовала соусъ и говорила:

— Ну вотъ! Опять по-своему сдѣлала! Я тебѣ говорила, что Николай Дмитричъ любить когда лимону больше...

И она принималась передѣлывать соусъ, ворча на непонятливость Марѳы.

Обѣдъ былъ для тети-Вари самое лучшее время въ цѣломъ днѣ. За обѣдомъ Николай общалъ ей разныя новости, передавалъ различныя мелочи своей служебной жизни; она слушала его, и ей какъ-то все не вѣрилось,

что это тотъ самый Количка, котораго она носила на рукахъ трехлѣтнимъ ребенкомъ и который теперь ходитъ на службу, разсуждаетъ и вообще ведетъ себя, какъ всѣ другіе взрослые люди. Она знала фамиліи всѣхъ его сослуживцевъ, ихъ характеры, привычки и всегда интересовалась самыми интимными подробностями ихъ жизни.

— Ну что, у Михайлова-то прошелъ ревматизмъ?—спрашивала она племянника:— ты скажи ему, чтобы онъ не запускалъ, а то ревматизмъ на сердце падаетъ.

И ревматизмъ Михайлова ее дѣйствительно безпокоилъ, хотя самого его она никогда не видала. Но особенно принимала она къ сердцу интересы тѣхъ изъ товарищей племянника, съ которыми онъ былъ болѣе близокъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ заходилъ къ Николаю, тетя-Варя пускала въ ходъ всѣ свои хозяйственные таланты, чтобы хорошенько принять и накормить гостя. Ей доставляло несказанное удовольствіе, когда Николай устраивалъ у себя маленькій вечерокъ, сзывая пять-шесть человекъ. Тетѣ-Варѣ обыкновенно приходилось побывать въ нѣсколькихъ магазинахъ и истратить не мало краснорѣчія, чтобы все купить подешевле, лишній часъ провозиться на кухнѣ, лечь спать въ неурочное время, но она любила, забившись гдѣ-нибудь въ уголъ, прислушиваться къ разговорамъ и старалась угадать положеніе, которое занимаетъ въ кругу товарищей Количка, старалась понять интересы людей, среди которыхъ онъ вращается.

Впрочемъ, такія вечеринки бывали рѣдко. Большею частью, Николай самъ уходилъ куда-нибудь въ гости, и тетя-Варя проводила вечера въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ собственныхъ знакомыхъ у нея не было. Она рано укладывалась спать, но спала тревожнымъ сномъ до возвращенія племянника, такъ-какъ все еще не могла привыкнуть къ тому, что онъ можетъ уходить, куда ему вздумается и возвращаться поздно ночью... Зато для тети-Вари было настоящимъ праздникомъ, когда онъ оставался вечеромъ дома. Въ такихъ случаяхъ она не ходила, а порхала изъ комнаты въ комнату.

Иногда, возвращаясь домой, Николай вставалъ тетю-Варю въ глубокой задумчивости. Разъ два ему показалось, что она даже плакала передъ его приходомъ. Онъ приставалъ къ ней съ разспросами; она отдѣлывалась шутками, но однажды сказала:

— Нечему радоваться-то, Количка! Ну что моя жизнь? Какъ пораздумаешься о ней, такъ поневолѣ взгрустнется. Дай только Богъ умереть вовремя!

Онъ пришелъ въ негодованіе: ему самому жилось такъ хорошо, онъ чувствовалъ въ себѣ столько силы, жаждалъ впечатлѣній и безпри-

чиннаго счастья, что совершенно не могъ постигнуть, чего еще недостаетъ тетѣ-Варѣ.

Она высказалась откровеннѣе:

— Эхъ, Количка, Количка! Сытому никогда не понять голоднаго. У тебя впереди все, вся жизнь: мало-ли что еще тебѣ предстоитъ испытать. Настоящее-то для тебя еще не начиналось. Ты сознаешь въ себѣ силы, у тебя разные плапы вонъ есть, работаешь, пользу приносишь, а я что?.. Кому я нужна, кому могу быть полезной? А существованіе ненужнаго человѣка, — охъ, какая тяжелая вещь, Коля!

— Какъ ненужнаго!—горячо воскликнулъ онъ,—и тебѣ не грѣхъ это говорить? Да мнѣ-то ты развѣ не нужна? Развѣ я тебя не люблю, и ты чувствуешь себя одинокой?

— Кто тебѣ это говоритъ, Количка! Вѣрю и знаю, что ты меня любишь, а все-таки, по правдѣ-то сказать, развѣ ты безъ меня не обойдешься? Вотъ пока ты былъ маленькимъ,—дѣло другое: тогда я сама знала, что я тебѣ необходима, а теперь!.. А женишься, да дѣти пойдутъ, такъ еще лишней обузой тебѣ буду.

— Богъ знаетъ, что у тебя за мысли, тетя-Варя! Ты какая-то странная стала!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ и подумалъ про себя, что въ тетѣ-Варѣ все-таки сказывается старая дѣва и что все это ея настроеніе просто смѣшная сентиментальность.

III.

Всякій годъ ранней весною тетя-Варя уѣзжала въ свою Малѣевку—хозяйничать. Племянникъ оставался въ городѣ на службѣ. Всякій годъ мѣсяца за два до отъѣзда тетя-Варя начинала вздыхать и задумываться.

— А я все думаю, какъ ты тутъ безъ меня будешь, Количка!—высказывала она свое безпокойство племяннику.

— Ну, тетя-Варя,—смѣялся онъ,—начинается!

— Начинается! Ты вотъ не понимаешь ничего, оттого тебѣ и смѣшно! А кто за тобой тутъ присмотритъ? Кто тебя кормить будетъ? Я вѣдь Марѳу-то, слава Богу, не первый день знаю.

— Да вѣдь съ голоду не умру? Всякій-же годъ остаюсь съ нею.

— Ну да, всякій годъ! Оттого-то я и безпокоюсь, что всякій годъ у васъ одинъ Богъ знаетъ что дѣлается. Будешь тутъ по ресторанамъ бѣгать, желудокъ себѣ испортишь, да денегъ что изведешь! Эхъ, если-бы удалось только продать эту проклятую Малѣевку!

Тетя-Варя кончала обыкновенно этимъ пожеланіемъ. Разговоръ обрывался, но возобновлялся тѣмъ чаще, чѣмъ ближе придвигалось время отъѣзда.

Разставаясь съ племянникомъ, она каждый

разъ, не безъ скрытаго волненія, задавала ему вопросъ:

— Ну что-же, Колька, пріѣдешь въ нынѣшнемъ году Малѣевку-то посмотрѣть?

— Разумѣется, пріѣду, — отвѣчалъ онъ, — вотъ какъ только получу отпускъ, такъ на другой день и въ Малѣевку.

Говоря это, онъ всегда немного конфузился, потому что тетя-Варя по ежегодному опыту могла знать цѣву его общанія.

— Я, въ нынѣшнемъ году, тетя, намѣренъ подъ твоимъ руководствомъ хозяйству учиться, — прибавлялъ онъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Знаю я, какой ты у меня хозяинъ, — добродушно замѣчала она, — опять все лѣто по дачамъ прорыскаешь или куда-нибудь гостить закатишься...

— А ты вотъ что, Колюшка, — говорила она уже совсѣмъ серьезно, стараясь сохранить спокойствіе въ голосѣ и не глядя на него, — дня три-то все-таки выбери и загляни въ Малѣевку.

По пріѣздѣ въ деревню, тетя-Варя сразу погружалась въ хозяйственную сутолоку. Надо было слѣдить за посѣвомъ, сажать картофель, присматривать за огородами, заключать различные сдѣлки съ мужиками по поводу нроговъ и покосовъ — все это наполняло цѣлый день и такъ охватывало тетю-Варю, что днемъ она не замѣчала своего одиночества. Зато оно овладѣвало ею по вечерамъ. Едва слышный шелестъ деревьевъ, всплескъ воды, собачій лай на ближней деревнѣ, однообразный пискъ за-поздалой птицы, трещанье кузнечиковъ въ травѣ, — это деревенское вечернее затишье, которое прежде всегда такъ любила тетя-Варя, теперь нагоняло на нее тоску. Сидя на террасѣ своего деревенскаго дома, она равнодушно смотрѣла на старыя, темныя сосны, на прозрачную зелень березъ, освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ, на неподвижное серебро рѣки, равнодушно вдыхала воздухъ, насыщенный благоуханіемъ розъ и жасмина, и уносила мысленно въ шумный, душный городъ, стараясь себя представить, что дѣлаетъ теперь ея Количка. Праздникомъ для нея были его письма. Но письмами онъ ее не баловалъ. Не получая долго извѣстій, тетя-Варя начинала придумывать разные ужасы; ей представлялось, что Количка получилъ крупную непріятность по службѣ, что онъ опасно боленъ, она писала ему письмо за письмомъ, собиралась посылать телеграмму; отвѣтъ отъ него, наконецъ, приходилъ и, какъ всегда, начинался извиненіями:

«Ты знаешь, тетя-Варя, какъ я лѣнивъ писать...»

Она успокоивалась на нѣкоторое время, а затѣмъ снова начинались прежнія тревоги и опасенія.

Въ концѣ іюня Николай получалъ отпускъ.

Около этого времени наступала лихорадка ожиданія. Въ тѣ часы, когда въ Малѣевку обыкновенно пріѣзжали съ поѣзда, тетя-Варя не могла даже, какъ слѣдуетъ, заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ; заслышавъ собачій лай, звонъ колокольчика, она бросала все и съ молодой быстротою движеній, волнуясь надеждой и страхомъ, спѣшила въ березовую аллею, которая вела къ воротамъ усадьбы; кухарка, скотница, садовникъ знали заранѣе, что она возвратится не въ духѣ и непремѣнно найдетъ какое-нибудь упущеніе и непремѣнно будетъ сердиться.

Лѣта два случилось, что онъ не пріѣхалъ совсѣмъ. Обыкновенно онъ пріѣзжалъ вскорѣ послѣ отпуска и иногда даже объявлялъ, что пробудетъ все лѣто. Онъ отправлялся на любимыя мѣста, принимался расчищать съ садовникомъ новую дорожку въ паркѣ, толковалъ о рыбной ловлѣ, собирая грибы, но проходила недѣля-другая, и онъ забрасывалъ всѣ свои предпріятія, цѣлыми днями просиживалъ въ огромномъ креслѣ на террасѣ, валялся гдѣ-нибудь на травѣ, и тетя-Варя видѣла по его лицу, что онъ не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки.

— Ты что-же... никуда не собираешься ѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ? — начинала она.

— Н-нѣтъ... Я вѣдь сказалъ, что буду хозяйничать...

— Я и то вижу, что ты хозяйничаешь. Ты скажи мнѣ лучше, приглашалъ тебя кто-нибудь на лѣто?

— Орловы приглашали.

— Такъ чего-же ты не ѣдешь? Если приглашали, такъ и поѣзжай съ Богомъ.

— Ну вотъ, тетя-Варя, зачѣмъ я поѣду? И какъ-же ты тутъ будешь одна! Я, вѣдь, вижу сколько тутъ дѣла... Я, вѣдь, только сначала отдохнуть хочу, а потомъ и примусь тебѣ помогать...

— Очень мнѣ нужна твоя помощь! Тутъ и одной-то дѣлать нечего. Поѣзжай, поѣзжай, а то, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ неловко: обидѣться могутъ, они тебя и такъ второе лѣто приглашаютъ.

— Ну, и пускай обижаются! Я сказалъ — не поѣду и не поѣду.

Черезъ нѣсколько дней онъ уѣзжалъ.

— Скоро увидимся, тетя-Варя, я вернусь — говорилъ онъ, и тетя-Варя ему не противорѣчила, но была увѣрена, что свидѣться имъ придется только позднею осенью въ городѣ. Отъ Орловыхъ онъ попадалъ къ Любимовымъ, отъ Любимовыхъ къ Аверинымъ, предпринималъ поѣздку по Волгѣ, и такъ проходило время до тѣхъ поръ, пока оканчивался отпускъ.

Оставаясь снова одна, тетя Варя утѣшалась мыслью, что за лѣто ей удастся сколотить нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей. Количкѣ можно будетъ сдѣлать новую черную пару, по-

новить шубу, а на его именины она даже может подарить ему золотые часы, о которых она давно для него мечтала.

Когда она возвращалась из деревни, онъ встрѣчалъ ее съ такой шумной радостью, что эта радость вознаграждала ее за всѣ лѣтнія невзгоды. У него обыкновенно находился въ запасѣ цѣлый ворохъ впечатлѣній отъ лѣтнихъ поѣздокъ. Онъ былъ очень влюбчивъ и рѣдкое лѣто проходило безъ мимолетныхъ увлеченій, о которыхъ онъ, впрочемъ, самъ забывалъ черезъ какую-нибудь недѣлю. Тетѣ-Варѣ онъ передавалъ обыкновенно свои сердечные романы во всѣхъ подробностяхъ, а нѣкоторыя особенно интересныя сцены изображалъ прямо въ лицахъ.

Она слушала его, улыбалась и невольно представляла себѣ то время, когда его захватить болѣе серьезное чувство.

— Будетъ-ли онъ тогда такъ со мной откровенничать?—спрашивала она себя и чувствовала, какъ ревнивый страхъ сжимаетъ ей сердце: какое-бы счастье ни дала ему любовь, она отниметъ его у нея,—и кто знаетъ, какъ сложится тогда ея жизнь!

— Тетя-Варя, объясни ты мнѣ, пожалуйста, шутилъ Николай: отчего это такъ со мною случается: зимою все идетъ какъ слѣдуетъ, а какъ лѣто, такъ я и влюблюсь. И вѣдь вотъ поди-же ты: больше трехъ мѣсяцевъ не могу быть влюбленнымъ! и знаешь, тетя-Варя, я думаю, это оттого такъ, что серьезно я влюбленъ только въ тебя.

И тетя-Варя забывала свои невеселыя предчувствія и смѣялась счастливымъ смѣхомъ, видя его опять подлѣ себя.

IV.

Когда онъ вернулся послѣ одного лѣта—онъ гостилъ гдѣ-то на югѣ въ деревнѣ знакомыхъ—тетя-Варя замѣтила въ немъ какую-то перемену. На этотъ разъ обычные рассказы не слѣдовали одинъ за другимъ, онъ не признавался ей ни въ какихъ увлеченіяхъ; онъ былъ какъ-то особенно сдержанъ и словно стѣснялся тети-Вари. Когда она его спрашивала, какъ онъ провелъ лѣто, онъ отдѣлывался общими фразами: было очень оживленно—гуляли, катались на лодкѣ, было очень много барышень,—вообще онъ доволенъ своею поѣздкой.

Замѣтивъ, что онъ отвѣчаетъ неохотно, она перестала спрашивать. Но перемена, происшедшая въ немъ, чувствовалась въ разныхъ мелочахъ, которыя она про себя отмѣчала, тревожно наблюдая за каждымъ его шагомъ.

Какъ и прежде, онъ почти каждый вечеръ уходилъ изъ дому. Она никогда не освѣдомлялась, куда онъ идетъ, но у него была привычка, одѣваясь, объявлять ей торжественно:

— А я сегодня къ Любимовымъ, тетя-Варя!

— Ну что-же, съ Богомъ!—отвѣчала она. Теперь онъ сталъ уходить, не говоря ей ни слова и, когда она однажды спросила:

— Ты куда сегодня, Колячка?—онъ отвѣтилъ ей какъ-то неохотно:

— Тутъ одни новые знакомые у меня, тетя-Варя!

Онъ сталъ разсѣянъ, молчаливъ. Возвращаясь домой изъ суда, онъ не болталъ, какъ обыкновенно о событіяхъ служебнаго дня и вяло отвѣчалъ на вопросы тети-Вари, углубляясь въ какія-то мысли, которыя онъ, очевидно, желалъ тайтъ про себя.

Просыпаясь по ночамъ, тетя-Варя слышала, что Николай ворочается на постели, а иногда встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ.

— Ты что-же это, Количка, нездоровится, что-ли?—обеспокоилась она въ первый разъ.

— Нѣтъ, такъ, тетя, просто не спится: ты не волнуйся, пожалуйста, я совершенно здоровъ.

Тетя-Варя перестала спрашивать его о причинахъ бессонницы, но еще болѣе убѣдилась, что Николай находится въ какомъ-то особенномъ состояніи, про себя волновалась и ждала.

Иногда Николай становился безъ всякой видимой причины шумно веселъ, болталъ, смѣялся, но его веселость, прежде всегда заражавшая тетю-Варю, теперь пугала ее; она пыливо и подозрительно оглядывала его и начинала соображать и догадываться, чѣмъ вызвано въ немъ такое настроеніе.

На его имя стали приходять письма; на адресѣ тетя-Варя узнавала женскую руку; конверты были надушенные и всѣ съ какими-нибудь картинками: летящимъ голубемъ, букетомъ цвѣтовъ или даже съ цѣлымъ миниатюрнымъ ландшафтомъ. Сколько разъ въ отсутствіе племянника она съ бьющимся сердцемъ вертѣла въ рукахъ эти крошечныя розовыя письма, а потомъ, когда онъ возвращался домой, говорила ему притворно равнодушнымъ тономъ:

— Коля, тамъ тебѣ опять какое-то письмо принесли!...

Онъ бѣжалъ въ свою комнату читать письмо, она провожала его глазами, и давно уже неиспытанное чувство одиночества наполняло ея душу.

Одинъ разъ, когда Николая не было дома, ей понадобилась почтовая марка. Отодвинувъ ящикъ его письменнаго стола, она увидела на самомъ верху женскій портретъ: хорошенькая, нѣсколько на-бокъ склоненная головка задумчивой блондинки спокойными, ясными глазами глядѣла на нее съ портрета. Тетя-Варя жадно всматривалась въ это лицо, какъ будто стараясь въ его чертахъ прочесть свой приговоръ, а на душѣ у нея шевелилось недоброе чувство.

Вернувшись однажды домой, Николай засталъ

М. П. Садовскій

въ роли Тихона Кабанова («Гроза»)

съ фотографіи М. М. Панова.

тетю-Варю въ обществѣ одного своего близкаго товарища. По лицу тети-Вари онъ сразу замѣтилъ, что случилось что-нибудь особенное. Она вся какъ-то осунулась и сидѣла, какъ въ воду опущенная. Товарищъ также былъ чѣмъ-то сконфуженъ и, какъ только Николай появился въ дверяхъ, закричалъ съ преувеличенною развязностью:

— Ты что-же это, братъ, отъ Варвары Александровны до сихъ поръ скрывалъ, что ты жениться совсѣмъ собрался?

Тетя-Варя сидѣла, не поднимая глазъ.

Николаю стало неловко.

— Тетя, это дѣйствительно правда... только до сихъ поръ ничего не было рѣшено... я потому и не говорилъ тебѣ,—сказалъ онъ.

Она молчала.

— И потомъ,—путаясь и конфузясь продолжалъ онъ, я думалъ, что ты и сама догадываешься... А, кромѣ того, и Юлія просила никому не объявлять до времени...

— Что-жъ, Количка, — тихо проговорила она, если ты не говорилъ, значитъ, было нельзя. Во всякомъ случаѣ, дай Богъ тебѣ счастья!

Она подошла къ нему, обняла его, перекрестила и при этомъ горячая слеза обожгла ему руку. Затѣмъ она, молча, вышла.

Проводивъ товарища, Николай вошелъ въ ея комнату. Тетя-Варя сидѣла на своемъ креслѣ у окна и пристально смотрѣла на улицу.

Онъ приблизился къ ней.

— Тетя-Варя—сказалъ онъ: я такъ виновать передъ тобою... Но я, право, и самъ не знаю, отчего это такъ случилось... Мнѣ ужасно трудно было рѣшиться сообщить тебѣ объ этомъ: я все думалъ, какъ ты это примешь.. Ты прости меня, пожалуйста!

— Богъ проститъ, Количка, — отвѣчала она, не поворачивая головы: а что ты сомнѣвался, какъ я приму твою радость...

Она не договорила: подбородокъ у нея задрожалъ, и она разрыдалась.

— Чужіе, совсѣмъ посторонніе люди давно все знаютъ, поздравляютъ меня... а я одна... одна... ничего отъ тебя не слышу!—твердила она, а слезы неудержимо катились по ея сморщенному лицу.

V.

Послѣ этого дня Николай былъ особенно нѣженъ и, какъ будто стараясь загладить свою вину передъ тетей-Варей, привезъ свою невѣсту. Тетя-Варя, не ожидавшая этой встрѣчи, вся сразу подобралась, сидѣлась необыкновенно церемонной и все время была насторожѣ, словно ожидая какого-то внезапнаго нападенія. Невѣста Колички ей не понравилась, — почему? — она и сама бы не могла объяснить. Спокойная, сдержанная, съ тихими, увѣренными движеніями, она была чрезвы-

чайно проста, говорила ровнымъ, мелодическимъ голосомъ и къ тетѣ-Варѣ отнеслась очень внимательно, даже сердечно, какъ къ родной.

— Я давно знаю и люблю васъ,—сказала она:—Коля мнѣ говорилъ о васъ очень много, и я желала бы только одного, чтобы вы полюбили меня такъ же, какъ любите его!

Тетя-Варя слушала эти ласковыя слова, но они казались ей неискренними и въ ясныхъ, голубыхъ глазахъ своей будущей племянницы она не находила или не хотѣла найти ничего, кромѣ холодной, официальной любезности.

— Коля мнѣ все рассказывалъ,—слышала она словно сквозь сонъ: — какъ вы за нимъ ухаживали во время болѣзни, какъ вы его готовили въ гимназію... Коля ужасно васъ любить и цѣнить все, что вы для него сдѣлали...

Она чувствовала, что необходимо поддерживать разговоръ и, любезно улыбаясь, отвѣчала дѣланнымъ тономъ:

— Да, да... я въ немъ увѣрена: онъ былъ всегда такой послушный, любящій мальчикъ, онъ и до сихъ поръ такимъ остался...

И въ то же время думала про себя:

— И что онъ нашелъ въ ней?! Ну, хороша,—черты лица правильныя, ну, а дальше? Безчувственная, холодная... какая-то статуя движущаяся, льдина!..

Она вздохнула облегченною грудью, когда Юлія уѣхала домой и они остались съ Николаемъ вдвоемъ.

— Ну что, тетя, что же ты мнѣ ничего не говоришь?—спросилъ онъ ее:—понравилась тебѣ Юля? Какъ ты думаешь, сойдется ли вы съ нею?

— Да... она мнѣ понравилась,—отвѣтила тетя-Варя, запинаясь и смущенно.

Она понимала, что Николай ждетъ не такого отвѣта, понимала, что отъ этого отвѣта зависить многое въ ихъ отношеніяхъ, но она была не въ состояніи переломить себя и чувствовала, что, если она начнетъ хвалить Юлію, онъ тотчасъ же замѣтитъ ея неискренность.

— Ну, я очень радъ, что она тебѣ понравилась,—отвѣтилъ Николай. Онъ постоялъ на мѣстѣ... прошла минута неловкаго молчанія.

— Ну, я пойду... мнѣ надо заняться,—сказалъ онъ. Тетя-Варя его не удерживала. Оставшись одна, она долго сидѣла неподвижно; чулокъ выпалъ у нея изъ рукъ, и она просидѣла такъ, безъ всякаго дѣла, въ потьмахъ, до самаго вечера. Она едва-ли бы могла отдать отчетъ въ собственныхъ мысляхъ. Въ ея головѣ какъ-то все спуталось и перемѣшалось.

Ясно было только одно, что то привычное и дорогое, что до сихъ поръ составляло единственное содержаніе ея жизни, уходитъ отъ

нея, что ломается пополамъ самая жизнь и начинается новое существованіе, котораго она не могла еще себѣ представить, но отъ котораго на нее уже вѣяло холодомъ и мракомъ. Какъ это случилось, да и что случилось вообще? Передъ ней всплывало красивое, спокойное лицо, обрамленное тяжелыми бѣлокурыми косами, ясные, голубые глаза... — «Я надѣюсь, вы меня также полюбите...» — слышалось ей... и она знала, что она никогда не будетъ въ состояніи полюбить, что она ненавидитъ эти глаза, эти косы, этотъ мелодическій голосъ...

Съ этого дня какая-то непроницаемая стѣна выросла между тетей-Варей и Николаемъ. Тетя-Варя мучилась, считая себя виноватою, старалась подавить въ себѣ чувство, которое возбудила въ ней при первомъ свиданіи Юлія, сама подозрѣвала себя въ эгоистической ревности и безуспѣшно пыталась расположить себя въ пользу Юлія. Она трепетала при мысли, что Николай опять можетъ заговорить съ нею о Юліи, и ей придется хитрить, придется придумывать неискреннія и просто лживыя фразы. Николай, однако, не возобновлялъ разговора, и тетя-Варя страдала отъ его молчанія, угадывая его причину и сознавая, что онъ съ каждымъ днемъ отдаляется отъ нея все болѣе и болѣе.

Николай, дѣйствительно, былъ обиженъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ тетю-Варю, и отъ него не укрылось, что Юлія ей совершенно не понравилась. И въ этомъ, конечно, была виновата ужъ никакъ не сама Юлія. Тѣ объясненія, которыя приходили ему въ голову, не могли оправдать въ его глазахъ тетю-Варю. — «Обидѣлась, она что-ли, за то, что я ей ничего не сообщилъ, — думалъ онъ: — такъ вѣдь я, кажется, старался загладить это, какъ могъ... И, наконецъ, при чемъ же тутъ Юлія?» Онъ вспоминалъ ласковый голосъ, почтительную внимательность, съ которою отнеслась къ тетѣ-Варѣ Юлія, и раздражался еще болѣе. Ея разстроенный видъ только усиливалъ раздраженіе Николая. — «Дуется, и пускай... Ухаживать за нею не будемъ!» — рѣшалъ онъ про себя. И прежній искренній тонъ, прежніе откровенные разговоры стали теперь невозможными между тетей-Варей и Николаемъ. Оба они старались держаться дальше другъ отъ друга, чувствовали себя легко только при третьемъ лицѣ, а, оставаясь вдвоемъ, молчали или обмѣнивались ничего незначущими фразами.

Впрочемъ, послѣдній мѣсяцъ передъ свадьбою почти и не приходилось видѣть другъ друга. По большей части, не заходя домой, онъ прямо со службы отправлялся обѣдать къ невѣстѣ и оставался у нея до поздняго вечера. Тетя-Варя бывала у своихъ новыхъ родственниковъ рѣдко и неохотно. Она терялась въ большихъ, нарядныхъ комнатахъ со множе-

ствомъ дорогой, кидавшейся въ глаза мебели, ее стѣсняло парадное платье, въ которое надо было облакаться, отправляясь туда, она не знала, о чемъ ей говорить съ матерью Юліи, толстой, важной барыней въ шелковомъ платьѣ, наколкѣ, со множествомъ дорогихъ колецъ на пальцахъ, которая — съ высоты дивана — съ снисходительной любезностью занимала ее чинными разговорами.

Юлія встрѣчала ее всегда самыми горячими выраженіями радости.

— Ну, вотъ и вы къ намъ, дорогая тетя-Варя. Неправда-ли, вѣдь вы позволите мнѣ васъ такъ называть? Что же это вы такъ долго не были у насъ? Я съ мамашей уже собиралась сама васъ провѣдать. Какъ это нехорошо, что вы о насъ забываете!

Разъ она до того довела свою любезность, что во время разговора граціозно наклонилась и поцѣловала у тети-Вари руку. Та смущенно ее отдернула.

— Актриса противная, и зачѣмъ она ломается: вѣдь, навѣрное, терпѣть меня не можетъ... — подумала она. Во враждебномъ отношеніи Юліи къ себѣ она не сомнѣвалась, хотя и сама себѣ не могла отдать отчета, почему она такъ думаетъ.

Тетѣ-Варѣ было тѣмъ тяжелѣе, что ей не приходилось дѣлать никакихъ приготовленій къ свадьбѣ. Съ какою страстностью она принялась бы теперь хлопотать, что-нибудь устраивать, но какъ нарочно ей даже не для кого и не зачѣмъ было по-прежнему возиться въ кухнѣ, потому что племянникъ почти не обѣдалъ дома. Отъ всѣхъ хлопотъ по устройству жизни будущей молодой четы она стояла въ сторонѣ: всѣмъ этимъ заправляла важная мамаша Юліи: она сама заказывала мебель, сама выбирала матерію для обивки, покупала посуду, сама наняла для молодыхъ квартиру. Тетю-Варю ни о чемъ не спрашивали, съ ней ни о чемъ не совѣтовались. Только, когда квартира была уже нанята, Николай какъ-то сказалъ ей: — «Тетя-Варя, ты хочешь посмотрѣть квартиру, которую мы наняли?»

Она тотчасъ же собралась, и они отправились. Квартира была дорогая, — за Юліей давали порядочныя деньги, — и Николай на этотъ разъ какъ будто бы даже забылъ о томъ, что его отталкивало отъ тети-Вари. Показывая ей комнаты и не совсѣмъ еще готовую обстановку квартиры, онъ говорилъ съ нею прежнимъ искреннимъ тономъ.

— Смотри, тетя, — говорилъ онъ, радуясь, какъ ребенокъ: — вотъ тутъ у насъ будетъ гостиная, здѣсь Юлинъ будуаръ, и коверъ во всю комнату... правда, это очень красиво, когда коверъ во всю комнату? А у меня въ кабинетъ — каминъ; ты помнишь, я всегда мечталъ о каминѣ?

Онъ повелъ ее черезъ корридоръ и остановился на порогѣ небольшой комнаты, низкій потолокъ которой рѣзко бросался въ глаза послѣ шестиаршинной высоты другихъ комнатъ.

— Вотъ это для тебя, тетя-Варя,—сказалъ онъ:—комнатка немножко мала и низковата—наверху антресоли, но, право же, иначе нельзя устроиться: мамаша говоритъ,—онъ уже звалъ свою будущую тещу «мамашей»,—что ужасно трудно было найти вполне подходящую квартиру: ты ужъ невзыщи... Впрочемъ, она обставится и будетъ очень уютная комнатка.

Овъ, видимо, конфузился, во тетя-Варя не замѣчала этого, какъ не замѣчала разницы между своею будущей комнатою и остальными. Она даже и не рассмотрѣла, какъ слѣдуетъ, обстановки, которою восхищался Николай, не обратила вниманія ни на лѣнные потолки, ни на дорогіе обои, ни на модную форму креселъ въ гостиной. Здѣсь, въ этомъ новомъ гнѣздѣ, которое устраивалось для ея племянника, она видѣла не новую обстановку, а новую жизнь, которая ее ожидала. И она поняла теперь, отчего ей было такъ больно узнать о предстоящей женитьбѣ племянника и отчего къ Юліи она, несмотря на все свое желаніе, не могла чувствовать ничего, кромѣ непріязни. Дѣло было не въ томъ только, что ей приходилось дѣлиться привязанностью Николая съ другой женщиной; она еще могла бы примириться съ этимъ и даже полюбить Юлію ради Николая. Тутъ, среди этихъ ковровъ, драпировокъ и каминовъ она сознавала, что она теперь не нужна Николаю и что ея жизнь лишилась единственного своего смысла: къ чему теперь жертвы, лишенія, заботы о каждой копѣйкѣ? Количка—богатъ, у него будетъ теперь все, помимо нея. А она сама? развѣ она сама нужна ему теперь, когда съ нимъ будетъ всегда его Юлія?

VI.

Послѣ свадьбы молодые уѣхали за границу. Когда они вернулись, тетя-Варя поселилась съ ними вмѣстѣ и съ первыхъ же дней этой новой жизни втроемъ почувствовала себя еще болѣе одинокой, чѣмъ тогда, когда она оставалась совсѣмъ одна во время двухмѣсячнаго пребыванія Николая и его жены за границей. И свое одиночество она ощущала съ особенной силой не въ своей маленькой комнаткѣ, гдѣ она проводила большую часть дня, а именно въ тѣ часы, когда ей случалось выходить въ другія комнаты. Какъ только она появлялась тамъ, Юлія отодвигалась отъ мужа, съ которымъ она сидѣла обнявшись, вскакивала съ его колѣнъ и переходила на другой конецъ комнаты. Вслѣдъ затѣмъ наступало на нѣсколь-

ко минутъ неловкое молчаніе; его прерывала обыкновенно Юлія, обращаясь съ любезною улыбкой къ тетѣ-Варѣ. Разговоръ не вязался, говорила за всѣхъ одна Юлія; Николай нехотя вставлялъ нѣсколько словъ, и тетя-Варя понимала, что оба они ждутъ только, когда она уйдетъ и они снова останутся вдвоемъ. За обѣдомъ, за чаемъ повторялось то же. Присутствіе тети-Вари являлось какимъ-то диссонансомъ въ жизни этихъ молодыхъ, совершенно занятыхъ другъ другомъ людей: у нихъ всегда были неоконченные разговоры, безсодержательные, пустые, но равно интересные для обоихъ, они говорили намеками, полуфразами и, можетъ быть, не столько стремились сообщить одинъ другому свои мысли, сколько наслаждались звуками голоса, интонаціей, выраженіемъ глазъ. И третье лицо, видимо, стѣсняло ихъ, представляло ненужную, прозаическую подробность въ этой атмосферѣ эгоистическаго счастья.

Какъ только кончался обѣдъ, тетя-Варя спѣшила уйтъ скорѣе въ свою комнату.

— Куда-же вы, Варвара Александровна? посидите съ нами,—говорила Юлія.

— Что ты все отъ насъ бѣгаешь, тетя-Варя? — прибавлялъ Николай, и неискренніе звуки его голоса болѣзненно отзывались въ сердцѣ тети-Вари; она скороговоркою отвѣчала:

— Нѣтъ... у меня тамъ есть дѣло,—и уходила къ себѣ. И едва она переступала порогъ, какъ уже слышала за собою оживленный, счастливый полупепопъ и заглушенные звуки поцѣлуя.

Въ ея комнатѣ царила полная тишина; тетя-Варя вязала свой неизмѣнный чулокъ, чуть слышно постукивали спицы, и только извнѣ иногда доносились быстрые шаги, молодой смѣхъ, веселые голоса. Тетя-Варя вязала и думала. Она хотѣла вполне безпристрастно и хладнокровно, какъ постороннее лицо, оцѣнить значеніе той перемены, которая произошла. И въ итогѣ получалась пустота. Въ ея существованіи оборвался главный жизненный нервъ, и впереди было только ожиданіе смерти... И ни одного свѣтлаго луча среди этой тьмы, ни одной радости, ни одной надежды, для которой стоило бы жить!.. А, между тѣмъ, это былъ естественный итогъ ея жизни. Случилось только то, что должно было случиться и что она всегда должна была предвидѣть. И съ ея стороны было непростительнымъ эгоизмомъ отдаваться только своему горю и относиться къ женитьбѣ Николая такъ, какъ она относилась до сихъ поръ. Она сама виновата въ томъ, что Николай сталъ къ ней сухъ и холоденъ. Неужели-же онъ долженъ былъ остаться холостымъ или предоставить ей выборъ жены? Да, наконецъ, что-же она можетъ имѣть противъ Юліи? Она не можетъ указать въ ней

ни одного серьезнаго недостатка и въ отноше-
ніи къ себѣ никогда не видала ничего дурнаго
съ ея стороны. И, тѣмъ не менѣе, она сразу
дала понять Николаю, что Юлія ей не нравится,
и онъ не могъ не замѣтить, что она совсѣмъ
не радуется его счастью, а развѣ такія вещи
прощаются?!.. Нѣтъ, она должна все это по-
править, она должна сблизиться съ Юліей,
заслужить ея расположеніе, чего-бы ей это ни
стоило... Она должна сдѣлать все, чтобы со-
хранить въ сердцѣ Николая хоть искру любви.
Что-бы то ни было, — только не эта пустота!..
У нея крѣпкое здоровье, ей нѣтъ еще шести-
десяти лѣтъ, она можетъ жить еще долгіе го-
ды, а развѣ можно жить, когда жизнь ни для
кого не нужна, ни для кого не имѣетъ цѣны,
когда единственный во всемъ мірѣ дорогой че-
ловѣкъ становится равнодушнымъ?..

Но время шло, и тетя-Варя съ каждымъ
днемъ убѣждалась, что Николая, ея прежняго
Колички, нѣтъ болѣе: она видѣла его каждый
день, но это былъ какой-то другой человѣкъ,
при видѣ котораго она только больнѣе чув-
ствовала свою утрату. По внѣшности Николай
былъ все тотъ-же; той холодной отчужденности,
которую онъ выказывалъ тетѣ-Варѣ передъ
свадьбой, не было и слѣда; онъ былъ какъ-
будто по-прежнему ласковъ съ нею, разговари-
валъ, смѣялся и шутилъ, но тетѣ-Варѣ каза-
лось, что онъ относится къ ней совершенно, какъ
Юлія...

— А, тетя-Варя, ну вотъ и ты къ намъ, —
встрѣчалъ онъ ее, когда она выходила въ го-
стиную, но тетя-Варя знала, что она можетъ
просидѣть цѣлый день въ своей комнатѣ, и
онъ не замѣтитъ ея отсутствія. Онъ никогда
самъ не заходилъ къ ней, а когда имъ случа-
лось оставаться вдвоемъ, они рѣшительно не
знали, о чемъ имъ говорить: онъ или просто
молчалъ и что-нибудь, по привычкѣ, насвисты-
валъ или принимался рассказывать какіе-ни-
будь пустяки и какъ будто, какъ и Юлія, при-
думывалъ занимательныя темы для разговора.
А она молча смотрѣла на него и ждала, что
эти близкія, дорогія и въ то-же время чуж-
дыя теперь черты лица освѣтятся прежней до-
вѣрчивой и ласковой улыбкой. Сколько разъ
хотѣлось ей привлечь его къ себѣ, приласкать,
какъ бывало, сколько разъ она едва удержи-
валась отъ того, чтобы не крикнуть вслухъ, какъ
кричало все внутри ея:

— Количка, да за что-же, за что-же все
это?!..

Противъ самого Николая у нея въ душѣ не
было никакого горькаго чувства. Станнымъ
образомъ ей представлялось, что вся переиѣна,
происшедшая въ немъ, случилась какъ-то по-
мимо него, точно дѣйствительно его прежняя
привязанность къ ней была, независимо отъ
него, подмѣнена теперешнимъ равнодушіемъ. Но

тѣмъ болѣе росло въ ней враждебное чувство
къ Юліи, которую она считала виною этой пе-
реиѣны, и у тети-Вари уже не хватало силъ
таить его внутри себя, и оно все чаще и чаще
прорывалось наружу.

Юлія была съ нею неизмѣнно привѣтлива и
ласкова, но за ея любезной улыбкой тетя-Варя
отыскивала то же самое скрытое нерасположе-
ніе, которое она сама питала къ ней.

Первое время она еще пробовала переломить
себя и дѣлала попытки къ сближенію. По ут-
рамъ, когда Николай былъ на службѣ, она при-
ходила къ ней съ работой, но разговоръ при-
нималъ всегда какой-то оффиціальныи харак-
теръ: обѣ онѣ старались занимать другъ друга,
и въ глазахъ Юліи тетѣ-Варѣ чудилось часто
скучающее и досадливое выраженіе, которое она
принимала на свой счетъ. И въ то же время
она чувствовала, что не можетъ у себя найти
простого, искренняго тона, не можетъ говорить
съ Юліей какъ съ близкимъ человѣкомъ. И она
не сомнѣвалась, что и Юлія смотритъ на нее
такъ же и что она стѣсняется... Да и какъ-
же иначе? Она для Юліи даже не тетя-Варя,
а Варвара Александровна, она для нея чужая...
Когда къ Юліи пріѣзжала мать или ея сестры,
тетя-Варя переживала особенно мучительное со-
стояніе: Николай близко сошелся съ родными
своей жены и, повидимому, успѣлъ къ нимъ при-
вязаться; на него также смотрѣли, какъ на
своего; составлялся тѣсный семейный кружокъ,
но тетя-Варя чувствовала, что ей нѣтъ въ немъ
мѣста: съ ней были любезны, но при ней из-
бѣгали интимныхъ разговоровъ, и ей казалось,
что самое ея присутствіе вызываетъ общее не-
доумѣніе и что ее чуть-ли не считаютъ чѣмъ-
то въ родѣ бѣдной родственницы-приживалки...
Она — приживалка! Эта мысль не давала ей
покоя и возвращалась къ ней все чаще и чаще.
Кто поручится ей, что у самой Юліи нѣтъ
такого взгляда? По внѣшности Юлія любезна
по-прежнему, но она — не молоденькая и до-
статочно видѣла въ жизни, чтобы не знать
настоящей цѣны всѣмъ этимъ улыбкамъ и лас-
ковымъ словечкамъ! Тетѣ-Варѣ припоминались
тысячи мелочей, на которыя прежде она ни въ
какомъ случаѣ не обратила-бы вниманія: ее
помѣстили въ самую худшую комнату въ домѣ;
будь на ея мѣстѣ мать или сестра Юліи, ужъ,
конечно, нашлось-бы лучшее помѣщеніе! При-
слуга не ставитъ ее въ грошъ; она по цѣлымъ
часамъ не можетъ допроситься, чтобы ей на-
лили воды въ умывальникъ или вычистили
платье: отъ Юліи зависѣло-бы вполнѣ поста-
вить относительно тети-Вари прислугу какъ
слѣдуетъ! На ея вкусы и привычки Юлія не
обращаетъ никакого вниманія: за обѣдомъ рост-
бифъ всегда подаютъ съ кровью, а она въ
ротъ не можетъ взять непрожаренной говядины,
а недавно, точно въ насмѣшку, подали супъ изъ

бычачьихъ хвостовъ и котлеты изъ мозговъ, такъ что она осталась совсѣмъ голодная... Да и мало-ли!.. Мать Юліи — «кулебяка», какъ почему-то про себя окрестила ее тетя-Варя, — еще недавно сокрушалась о томъ, что Николай получаетъ мало жалованья: она очень хорошо поняла, что тутъ былъ не одинъ камушекъ въ ее огородъ... Недоставало только этого!.. Ей не разъ даже приходило въ голову предложить Николаю и Юліи плату за столъ и квартиру... Въ нѣсколько мѣсяцевъ она постарѣла и измѣнилась до такой степени, что въ ней трудно было узнать прежнюю, всегда подвижную, оживленную и всегда веселую тетю-Варю. Она стала раздражительна, обижалась при всякомъ незначительномъ поводѣ и въ самой простой фразѣ видѣла намеки и «шпильки». Она все теперь взвѣшивала, всему придавала особенный смыслъ. И сама она, прежде всегда откровенная и прямая, говорила теперь какой-то запутанною рѣчью, тонко, какъ ей казалось, давая почувствовать, что она хорошо понимаетъ комедію, которую съ нею играютъ.

— Ну, какъ вы провели ночь, Варвара Александровна? — спрашивала за утреннимъ чаемъ Юлія: — мы вчера очень поздно засидѣлись, и я все беспокоилась, что мы вамъ мѣшаемъ заснуть.

— Ахъ, что вы это, Юлинька, къ чему вы все это говорите?.. Вѣдь не стѣснять-же вамъ себя въ самомъ дѣлѣ, изъ-за того, что я привыкла рано ложиться спать, — сухо отвѣчала тетя-Варя.

— Вотъ видишь, Коля, — обращалась Юлія къ мужу, — я говорила тебѣ, что надо тише; я убѣждена, что Варвара Александровна не могла спать.

— Перестаньте, пожалуйста, Юлинька, — совсѣмъ раздражалась тетя-Варя: — я рѣшительно не понимаю, къ чему всѣ эти китайскія церемоніи... Количка знаетъ очень хорошо, что я вовсе не притязательна.

Юлія бросала на мужа недоумѣвающій взглядъ, и тетя-Варя тотчасъ его перехватывала.

— Отчего вы не кушаете, Варвара Александровна, — спрашивала Юлія за обѣдомъ: — вы не любите куропатокъ?

— Я, Юлинька, кажется, нѣсколько разъ говорила, что я не могу ихъ ѣсть.

— Извините, пожалуйста, я совсѣмъ забыла!

— Ахъ, да что вы это... развѣ я не понимаю, что вамъ некогда обо мнѣ помнить... у васъ и безъ меня довольно заботъ... Да и съ какой стати вамъ обо мнѣ беспокоиться?

Такія сцены повторялись раза по три въ недѣлю, и послѣ каждой сцены тетя-Варя долго хранила обиженный видъ и упорно отмалчивалась, едва отвѣчая на вопросы.

VII.

— Чортъ знаетъ, что такое! — говорилъ Николай раздраженно: — я понять не могу, что

съ нею сдѣлалось; у нея всегда былъ прекрасный характеръ!

— Ужасно, ужасно трудно съ нею, — отвѣтила Юлія: — иногда я прямо не знаю, какъ съ нею и говорить; она на все обижается, во всемъ видитъ дурное; ужъ кажется, какъ я осторожна!

— А отчего, какъ ты думаешь? Ревнуетъ меня къ тебѣ... Только этого недоставало... Да что же она воображала, что я никогда не женюсь?!

— Я это тогда же замѣтила, какъ только ты меня съ нею познакомишь. Она съ самаго начала какъ-то враждебно меня встрѣтила. И что я ей сдѣлала, — понять не могу! Вѣдь ты самъ видѣлъ, Коля, что я всегда старалась относиться къ ней, какъ къ самой близкой родной. Ну, конечно, особенно сильной привязанности я къ ней не чувствую... Такъ вѣдь для привязанности необходимо время... Да и какъ я могу привязаться, когда она меня терпѣть не можетъ и когда, кромѣ непріятностей, я отъ нея до сихъ поръ ничего не видѣла!

— Разумѣется, не можешь и никто тебя не винить. Въ томъ то и дѣло, что она одна кругомъ виновата... Разумѣется, тебѣ не за что ее и любить... Да что тебя, — она и меня-то совершенно оттолкнула своими претензіями!..

— Ну знаешь, Коля, ты - то по-моему не совсѣмъ правъ по отношенію къ Варварѣ Александровнѣ, — и я тебѣ всегда говорила, что ты чересчуръ къ ней холоденъ, сказала Юлія: ты *долженъ* ей многое простить, вспомни, что она тебѣ всю жизнь отдала, и что ты ей рѣшительно всѣмъ обязанъ.

— Нуда, конечно... крикнулъ Николай, уже совсѣмъ раздражаясь: всю жизнь отдала! Вѣроятно, на этомъ основаніи она и считаетъ себя вправе отравлять мою жизнь?

Тетя-Варя не слушала дальше. При послѣднихъ словахъ Николая она почувствовала, что ее оставляютъ послѣднія силы. Шатаясь, она отошла отъ двери, за которой происходилъ совсѣмъ нечаянно подслушанный ею разговоръ Николая съ Юліей, и невѣрными шагами побрела въ свою комнату.

Здѣсь она тотчасъ же легла въ постель и, когда ее пришли звать къ вечернему чаю, она велѣла сказать, что больна, сейчасъ ложится спать и просить, чтобъ о ней не беспокоились. Но она не спала всю ночь. Утромъ она, однако, встала и въ обычное время вышла въ столовую.

— Что съ вами, Варвара Александровна? вы больны? — спросила Юлія, здороваясь съ нею.

Николай, молча, изподлобья оглядѣлъ ее и не сказалъ ни слова.

— Такъ, пустяки... просто мигрень сдѣлалась, — отвѣтила тетя-Варя и, замѣтно смутившись, продолжала:

— А мнѣ на-дняхъ надо будетъ... поѣхать въ Малѣевку.

— Какъ въ Малѣевку, теперь?... изумилась Юлія: да вѣдь вы и не собирались вовсе?

Тетя-Варя смутилась еще болѣе.

— Да... это для меня совсѣмъ неожидан-но... но ѣхать необходимо.

— Что же ты письмо какое-нибудь получила?—спросилъ Николай.

— Да, да... письмо,—поспѣшно отвѣтила тетя-Варя: Петровичъ пишетъ, что Селезневскій лѣсъ Устинскіе мужики покупаютъ... надо будетъ самой посмотреть... а потомъ и погребъ поправить надо: совсѣмъ развалились. Ты, вѣдь, помнишь, вѣроятно, и самъ, Количка, какіе тамъ погребъ ветхіе?... ну, да и людская никуда не годится... Теперь весна: самое время начинать стройку. Только вотъ Петровичъ-то старъ становится; придется самой за всѣмъ присматривать; нѣтъ, нѣтъ, ѣхать необходимо: безъ меня тамъ ни за что и взятыся нельзя.

Тетя-Варя говорила такимъ убѣждающимъ тономъ, словно ей кто-нибудь возражалъ или отговаривалъ предпринимать эту поѣздку. Но Юлія не сказала ни слова, а Николай спросилъ только:

— Что же, ты долго думаешь тамъ прожить?

— Да ужъ до осени, Количка,—раньше ноября никакъ не успѣю управиться.

Она стала въ тотъ же день готовиться къ отъѣзду: бѣгала по городу за разными закупками, возилась у себя въ комнатѣ, укладывая свои вещи, и дѣлала все это такъ поспѣшно, какъ-будто въ Малѣевкѣ находился какой-нибудь тяжелый больной, котораго она опасалась не застать въ живыхъ. Въ день отъѣзда она суетилась особенно и часа за три до отхода поѣзда стала волноваться, говорила, что непременно опоздаетъ и упрашивала послать за извозникомъ.

— Ну, что за бѣда, если и опоздаете,—сказала шутя Юлія: — не сегодня, такъ завтра поѣдете.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула тетя Варя, и въ ея голосѣ Юліи послышался настоящій ужасъ.

Все было готово, извозникъ ждалъ у крыльца; оставалось только вынести и уложить вещи, но тетя-Варя какъ-разъ медлила и съ чѣмъ-то возилась въ своей комнатѣ.

— Вотъ теперь, тетя-Варя, дѣйствительно пора,—сказалъ Николай, входя къ ней: а то не успѣешь сдать багажъ.

— Да, пора, пора... а то не успѣю—растерянно отвѣтила она и засуетилась, безцѣльно перебѣгая отъ одной вещи къ другой.

— Да ты что же беспокоишься сама,—сказалъ Николай: оставь, тутъ все сдѣлаютъ безъ тебя.

— Нѣтъ, я сама, са..... хотѣла она выго-

ворить и вдругъ выронила дорожный мѣшечекъ, который держала въ рукахъ, опустила на стулъ и зарыдала.

Николай бросился къ ней. Она схватила его дрожащими руками за шею, прижалась лицомъ къ его головѣ и, рыдая, твердила:

— Прощай, Количка... прощай, Количка!..

— Тетя-Варя, да что ты это?... сказалъ Николай: ну, развѣ такъ можно... да не ѣзди лучше совсѣмъ. Развѣ это ужъ такъ необходимо?

— Да, необходимо, Количка, необходимо.— Она отпустила его отъ себя, отерла слезы и, стараясь улыбнуться, сказала:

— Да ты не обращай вниманія... это такъ... стара я становлюсь... ну, съ нервами-то и не справлюсь... Ужъ ты не сердись на меня, старуху.

Онъ стоялъ подлѣ нея и смотрѣлъ смущеннымъ взглядомъ.

— Тетя-Варя, тебѣ, можетъ быть, что-нибудь показалось?... началъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Количка, не надо... ради Бога, не надо, прервала она и поспѣшно прибавила:—пойдемъ, пойдемъ, надо еще съ Юлинькой проститься.

Юлія была уже совсѣмъ одѣта, чтобы ѣхать на вокзалъ.

— Вы собираетесь меня провожать?—спросила тетя-Варя: лучше не надо.

Юлія хотѣла возразить, но она продолжала: лучше не ѣздите,—я васъ очень объ этомъ прошу... Ну, а теперь пора. Сначала присядемте по обычаю.

Всѣ присѣли. Тетя-Варя поднялась первая и направилась прямо къ Юліи:

— Ну, Юлинька, сказала она: виновата я передъ вами, какъ ни передъ кѣмъ... постарайтесь забыть и не сердитесь на меня.

— Богъ съ вами, Варвара Александровна, чѣмъ вы передо мною виноваты?... сконфуженно проговорила Юлія.

— Ну, объ этомъ мы теперь говорить не будемъ, а пока... не поминайте лихомъ.

— Да что же ты, тетя-Варя,—сказалъ Николай,—прощаешься, какъ-будто навсегда и Богъ вѣсть куда уѣзжаешь... Скоро, вѣдь, увидимся.

— Конечно, скоро... а все-таки надо же проститься, какъ слѣдуетъ: мало-ли, что можетъ случиться, Количка!—не смотря на него отвѣтила тетя-Варя.

— Еще кто знаетъ, можетъ быть, мы съ Юліей къ тебѣ и въ Малѣевку лѣтомъ прикатимъ.

Николай старался говорить весело, но ему было не по себѣ; ему хотѣлось, чтобы вся эта сцена кончилась поскорѣе.

— Ну, надо ѣхать,—сказала, наконецъ, тетя-Варя.

Николай и Юлія вышли вслѣдъ за нею на

крыльцо. Тетя Варя какъ-то торопливо поцѣловалась съ ними.

— Такъ мы нагряпемъ, тетя-Варя,—говорилъ Николай, помогая ей усаживаться па извозника: хочешь,—не хочешь, а принимай гостей и смотри, чтобы клубника была къ нашему приѣзду.

— Вы напишите же, Варвара Александровна, какъ доѣдете,—сказала Юлія.

— Да, да... приѣзжайте... я напишу... безсвязно и съ усиліемъ отвѣчала тетя-Варя.

Извозникъ ударилъ по лошади.

— До свиданья, тетя-Варя, до свиданья, Варвара Александровна кричали Николай и Юлія. Тетя Варя хотѣла тоже крикнуть имъ: «до свиданья»!.. и не могла.

Черезъ мѣсяцъ Николай получилъ письмо, въ которомъ тетя-Варя извѣщала его, что состояніе хозяйства требуетъ ея постоянного присутствія въ Малѣевкѣ; она сообщила о своемъ намѣреніи поселиться тамъ и просила выслать ея вещи, которыхъ она не могла захватить при отъѣздѣ.

А. Воронежскій.

* * *

*Коль разумъ съ сердцемъ въ споръ
вступаетъ,*

*Они равны въ борьбѣ своей,
Но разумъ скоро уступаетъ,
Въдѣ онъ—умный!*

Т. К.

Современное обозрѣніе.

Большой театръ.

Маленькая характеристика дѣятельности Большаго театра и итоги прошлаго сезона. — „Послѣдній день Бельсаруссура“, опера г. Корещенко. — Дебюты г-жъ Жуковской, Эберле и г. Шютте-Гармсенъ.

Въ приѣмахъ ставить новыя оперы нашъ Большой театръ часто проявляетъ много страннаго. Новинки его зимняго сезона любятъ день за день отодвигаться къ самой масляницѣ. Такъ было, напримѣръ, года два тому назадъ съ «Чародѣйкой» г. Чайковского, которую потому и дали всего одинъ разъ до

Великаго поста. Нынѣшней зимой было ещелучше съ «Зигфридомъ» Вагнера: «музыкальную драму» учили, учили, подошли съ нею въ упоръ къ самой масляницѣ и рѣшили наконецъ перенести оперу на осень; — очень хорошій способъ обогащать будущій сезонъ, но врядъ-ли оттого блестящъ сезонъ настоящій. Минувшему зимнему сезону предоставили жить одною «Пиковою Дамой», увидѣвшей Москву не только послѣ Петербурга, но даже послѣ Кіева, а, въ ожиданіи «Зигфрида», гордиться совершенно необъяснимыми возобновленіями невозможной «Мар-

ты» и шарманочной «Сомнамбулы». Сравнительно гораздо болѣе короткому весеннему сезону удалось за то отличиться: въ промежутокъ времени отъ 17 по 30 апрѣля, онъ далъ двѣ новыя оперы — «Роллу» г. Симона и «Послѣдній день Бельсаруссура» г. Корещенко; ту и другую по два раза, при чемъ послѣдній день «Бельсаруссура» совпалъ съ послѣднимъ днемъ весеннихъ оперныхъ представлений. Но такая быстрая производительность весны не болѣе нормальна медлительной зимней сонливости. Постановка новой вещи въ пору наименьшей посѣщаемости театра и наканунѣ его закрытія никому не приноситъ пользы и удовольствія, — ни театру, ни автору, ни исполнителямъ, ни публикѣ: теплыми весенними вечерами трудно заманить въ душный театральный залъ; а между тѣмъ опера, поставленная весной, утрачиваетъ осенью букетъ новизны и пріобрѣтаетъ въ глазахъ публики непритягательныя свойства произведенія, удостоеннаго постановки не въ главный, а въ *мертвый* сезонъ; исполнители же, претерпѣвшіе всю тяжесть репетицій для какихъ-нибудь двухъ весеннихъ спектаклей, за лѣто забываютъ вещь, и та для осеннихъ пред-

ставленій требуетъ новыхъ репетицій, совершенно ненужныхъ въ случаѣ, еслибы представленія шли безъ лѣтняго перерыва. Присматриваясь къ подобнымъ проявленіямъ дѣятельности Большаго театра, невольно приходишь къ неутѣшительнымъ выводамъ. Можно заподозрить въ главныхъ руководителяхъ нашего казеннаго опернаго дѣла или отсутствіе всякаго за-ранѣе обдуманнаго плана дѣйствій, или крайнюю небрежность, или просто малую способность скоро справляться съ новыми партитурами, особенно если онѣ не рутинны и краткостью не отличаются. Полагаемъ, — будемъ правы, если дадимъ мѣсто каждому изъ этихъ предположеній, неисключая и послѣдняго. Дѣйствительно, что выпало на долю главнаго капельмейстера—г. Альтани, за послѣднія осень, зиму и весну? Одна въ сущности серьезная опера—«Шиковая Дама», потому что «Марту» стыдно и считать. Съ «Зигфридомъ» не совладали, «Ролла» очутился въ рукахъ дирижера «Сомнамбулы» г. Авранека, а въ оперѣ г. Корещенко всего одинъ актъ, и длится онъ не болѣе полчаса.

Г. Корещенко только прошлой весной окончилъ курсъ въ Московской консерваторіи. Если весенній театральный сезонъ не представляетъ много выгодъ автору, то, во всякомъ случаѣ, попасть со своимъ произведеніемъ, хотя бы и весной, на сцену Большаго театра прямо съ ученической скамейки — случай чрезвычайно рѣдкій и удача изъ самыхъ неожиданныхъ; особенно принимая въ соображеніе, что «Послѣдній день Бельсаруссура» сочиненъ не по окончаніи консерваторіи, а какъ задача, выполненная г. Корещенко для выпускнаго консерваторскаго экзамена. Вообще г. Корещенко по-счастливилось: за свою задачу онъ получилъ отъ консерваторіи высшую награду — большую золотую медаль, — какой не удостоился въ свое время самъ г. Чайковский; и эта же «задача» черезъ годъ поставлена Большимъ театромъ, тѣмъ самымъ театромъ, который еще до сихъ поръ не оказалъ гостепріимства Бородину, гг. Римскому-Корсакову, Кюи и такъ упорно воздерживается отъ исполненія оперъ Стрובה и Мусоргскаго. Конечно, впрочемъ, многоактныя и сложныя оперы названныхъ русскихъ художниковъ потруднѣе коротенькой оперы начинающаго г. Корещенко; а прослыть, съ помощью одного акта, поощрителемъ молодыхъ русскихъ талантовъ г-ну Альтани такъ легко и пріятно!

Сюжетъ оперы г. Корещенко имѣетъ въ своемъ основаніи извѣстное библейское сказаніе о Вальтасаровомъ пирѣ, прерванномъ появленіемъ на стѣнѣ дворца таинственныхъ огненныхъ словъ, сулящихъ гибель нечестивому владыкѣ. Нѣкоторыя уклоненія отъ библіи сдѣланы, конечно, въ виду требованій и условій театральнаго представленія. Авторъ, пока писалъ свою за-

дачу, не мечталъ даже о сценѣ, а потому первоначально объ уклоненіяхъ отъ св. писанія не думалъ и имѣлъ дѣло прямо съ Вальтасаромъ, а не съ Бельсаруссуромъ. На это есть указанія въ самомъ либретто. Тамъ находятся, напри-м., такіе стихи:

Свершится, — я снесу ударъ,
Но предъ тобой, о врагъ презрѣнный,
Главы не склонить *Бельсаруссуръ*.

Собственное имя противорѣчить и размѣру и ритму; здѣсь, конечно, болѣе на мѣстѣ *Вальтасаръ*.

Либретто сдѣлано весьма недурно. Оно сжато, не расплываясь въ подробностяхъ, послѣдовательно намѣчаетъ важнѣйшіе моменты «пира» и толково ведетъ ихъ къ роковому исходу. Текстъ въ общемъ приличенъ; въ немъ попадаются даже стихи, не лишенные звучности (разсказъ невольницы, напри-мѣръ); не говоримъ уже о весьма характерныхъ и яркихъ строфахъ Мея, взятыхъ для одного изъ хоровъ. Во всей конструкціи либретто замѣтно желаніе доставить композитору возможность показать себя и въ каптилѣ, и въ речитативѣ, и въ ансамбляхъ, и въ оркестрѣ. Все это очень понятно со стороны консерваторскихъ экзаменаторовъ: имъ представлялась, такимъ образомъ, возможность разносторонне изучить знанія и творческія способности выпускнаго ученика-теоретика. То-же удобно и намъ: мы по одному акту, написанному на, такъ разнообразно, хотя и сжато, составленное либретто, можемъ получить довольно вѣрное понятіе о теперешней стадіи развитія и особенностей таланта г. Корещенко.

Къ сожалѣнію, въ печати опера г. Корещенко еще не существуетъ, а рукописи ея партитуры мы не видали. Мы судимъ, слѣдовательно, объ оперѣ по тому лишь, что слышали и видѣли въ театрѣ въ оба ея представленія 28 и 30 апрѣля.

Пока что, у г. Корещенко менѣе всего сказывается склонности къ чисто вокальной музыкѣ; партіи солистовъ—Ахилесова пята его перваго опернаго опыта. Речитативы блѣдны и не выразительны. Слишкомъ широкіе интервалы, па которые обречены у г. Корещенко солисты вообще и самъ Бельсаруссуръ въ особенности, и неестественны въ декламационномъ смыслѣ, и неудобны въ техническомъ. Бельсаруссура не знаешь кому отдать: для баритона онъ низокъ, для баса очень ужъ высокъ. Къ тому же аккомпанирующій оркестръ слишкомъ густъ и безпощадно давитъ пѣвца (партія «мага» нѣкоторое впрочемъ исключеніе въ этомъ отношеніи).

Въ ансамбляхъ г. Корещенко много лучше. Къ нимъ онъ имѣетъ и большее влеченіе по свойствамъ своего дарованія, да и работалъ надъ ними очевидно больше. Они у него куда практичнѣе самыхъ померовъ, и оркестръ, аккомпанируя нѣжныя хоровыя мѣста, всегда

прозраченъ, нигдѣ не глушить. Здѣсь кстати отмѣтить очень удачную оркестровку аккомпаниента женскаго хорика, предшествующаго финалу: комбинація колокольчиковъ, арфы и волторны вышла превосходно и звучитъ восхитительно. Въ ансамбляхъ г. Корещенко проявляетъ къ тому же и весьма солидныя техническія свѣдѣнія, ловко владѣетъ формами канона и фуги.

Если г-ну Корещенко могутъ удаваться оркестровые аккомпанименты, то неудивительно, если у него хорошъ оркестръ, играющій и самостоятельную роль. Здѣсь знакомство молодого композитора съ партитурами лучшихъ современныхъ оркестраторовъ несомнѣнно; да и самъ онъ не чуждъ фантазіи и изобрѣтательности въ инструментовкѣ, когда смакуя придумываетъ разные оркестровые эффекты. Намъ только беретъ сомнѣніе относительно волторны съ сурдиной: употреблена-ли здѣсь сурдина самимъ авторомъ, или это совѣтъ г. Альтани, чувствующаго положительную слабость къ такому закупоренному звуку и введшаго его, помимо авторскихъ указаній, и въ «Фауста», и въ «Демона».

Все, что до сихъ поръ сказано о г. Корещенко, не даетъ еще полнаго понятія о его дарованіи. Мы видимъ лишь, что онъ хорошій музыкантъ, сильный техникъ формы и оркестра, но болѣе композиторъ инструментальный, массовый, чѣмъ чисто вокальный. Это намъ не смущаетъ. Мало-ли превосходныхъ инструменталистовъ, занявшихъ видное мѣсто въ музыкальномъ искусствѣ и не чужащихся хорошо человѣческій голосъ, не умѣющихъ гибко слѣдить музыкой за текстомъ! Тѣмъ менѣе смущаетъ насъ такъ или иначе сказавшаяся непрактичность автора-дебютанта. Все это въ порядкѣ вещей. Опытомъ добудется практичность, а при практичности и несклонный по природѣ къ вокальному творчеству композиторъ съумѣетъ въ концѣ концовъ писать для человѣческихъ голосовъ болѣе или менѣе удобно.

Намъ интересуетъ другое. Любопытно проникнуть въ самую сущность таланта автора, подмѣтить насколько можетъ онъ сильно и вѣрно схватывать настроеніе, насколько можетъ этотъ талантъ производить впечатлѣнія на слушателя, насколько онъ самобытенъ.

Съ удовольствіемъ ставимъ на видъ иногда въ музыкѣ г. Корещенко сказывающееся несомнѣнное присутствіе элементовъ глубины и силы. Это ясно почувствовалось въ музыкальномъ исполненіи кульминаціоннаго момента оперы, момента появленія страшныхъ пророческихъ буквъ и всеобщаго ужаса, въ какое повергло пирующихъ таинственное знаменіе. Здѣсь и начальные оркестровые такты, нашедшіе себѣ предварительно мѣсто въ коротенькомъ вступленіи къ оперѣ, и мрачно разрастающійся за-

тѣмъ канонъ хора, исполненный какихъ-то неопредѣленно-тревожныхъ хроматическихъ блужданій, отлично передаютъ настроеніе и дышатъ истиннымъ проникновеніемъ въ ситуацію, неподдѣльнымъ вдохновеніемъ. Это—лучшее мѣсто въ оперѣ. Помимо его, г. Корещенко болѣею частью отдается покойнымъ настроеніямъ нѣжныхъ, красивыхъ сочетаній. Къ этого рода музыкѣ относится большинство женскихъ хориковъ оперы. Итакъ, слѣдовательно, нѣкоторая мѣстами глубина, а въ большинствѣ случаевъ спокойные поиски нѣжныхъ благозвучій—вотъ характерныя черты музыки г. Корещенко, когда она ему удастся. Бѣшенные порывы страсти, страстная нѣга жгучаго юга—не его удѣлъ. Ему не подъ силу было нарисовать ярче картину разнузданной оргіи во дворцѣ восточнаго деспота, и первый хоръ оперы, играющій роль фона для этой картины, совсѣмъ незначущъ, такъ какъ вялъ, сонливъ, и къ тому же не достаточно окрашенъ колоритомъ Востока. Танцы въ смыслѣ выдержанности восточнаго колорита несравненно лучше. Не совсѣмъ удалось, въ звуковомъ отношеніи, мѣсто, гдѣ тема передфинальнаго хора соединяется контрапунктами съ темой прерывающихъ хоръ танцевъ. Самый финалъ—шумное вступленіе вражьихъ войскъ и гибель Бельсаруссура—образецъ только приличной музыки; по сюжету здѣсь развязка, полная трагизма; по музыкѣ же она впечатлѣнія не производитъ и никоимъ образомъ несравнима съ музыкой, иллюстрирующей страшное видѣніе, *пророчащее* только кровавую развязку.

Мы подошли теперь къ самому главному,—къ вопросу о степени самобытности таланта г. Корещенко. На этотъ вопросъ пока трудно отвѣтить. Только будущее подскажетъ здѣсь отвѣтъ. Не будемъ по «Послѣднему дню Бельсаруссура» произносить окончательнаго сужденія, потому что въ ней, въ этой первой оперѣ г. Корещенко, онъ что-то, какъ будто, свое говоритъ только въ музыкѣ «видѣнія»,—въ вышеописанномъ канонѣ. Остальное же все въ оперѣ совсѣмъ неоригинально: ее подсказали въ смыслѣ колорита и большинства настроеній, многочисленныя музыкальныя декораціи Востока нашихъ лучшихъ композиторовъ, начиная съ Глинки и кончая г. Римскимъ-Корсаковымъ; болѣе же всего оказалъ вліянія на «Бельсаруссура» Стрновъ своею «Юдиѳью»,—та чувствуется на каждомъ шагѣ.

Обставленная красиво и исполненная добросовѣстно (по истинѣ надо было удивляться голосу г. Власова, осилившаго невозможно трудную, по обширности діапазона, партію Бельсаруссура), опера въ оба вечера имѣла успѣхъ, и автора вмѣстѣ съ исполнителями и дирижеромъ и отдѣльно отъ нихъ, вызывали не разъ.

Пусть же г. Корещенко не остановится на

«Бельсаруссурѣ» и докажетъ въ ближайшемъ будущемъ, что медаль консерваторіи присуждена была ему не по ошибкѣ, а нашъ Большой театръ, если и впредь будетъ продолжать симпатичное дѣло поддержки начинающимъ авторамъ, — пусть ставитъ ихъ произведенія независимо зрѣлыхъ твореній нашихъ выдающихся художниковъ, изъ которыхъ многіе не видали еще его сцены.

Нѣсколько словъ о послѣднихъ дебютахъ Большаго театра.

Г-жа Жуковская очень удачно дебютировала въ Зибелѣ. Въ прошломъ номерѣ говорилось о молодой пѣвицѣ въ отчетѣ объ ученическомъ спектаклѣ Филармоническаго Общества. На нашъ взглядъ, г-жа Жуковская въ Зибелѣ много лучше, чѣмъ въ Азученѣ. Она пѣла увѣренно, точно и въ интонаціонномъ отношеніи вполне хорошо, а рѣдкій ея голосъ звучалъ отлично. Успѣхъ былъ большой и куплеты съ цвѣтами пришлось повторить.

Г-жа Эберле два вечера появлялась въ от-

рывкѣ изъ «Евгенія Онегина», въ сценѣ «письма». Голосъ у дебютантки не сильный и не очень пріятнаго тембра. Но поетъ она со смысломъ, умно фразируя, понимая что поетъ; хотя настоящей прочувствованности, настоящей талантливости въ пѣніи и игрѣ мы не замѣтили. Публикѣ г-жа Эберле очевидно понравилась.

Г. Шютте-Гарсенъ въ тѣ же два вечера, что и г-жа Эберле, появлялся въ сценѣ «передъ портретомъ» изъ «Бала-маскарада». Иностранецъ, не знающій русскаго языка; новый, слѣдовательно, претендентъ на участіе въ русскаго спектакляхъ при помощи итальянскаго діалекта, которымъ дебютантъ владѣетъ, кстати сказать, плохо. Причина достаточная, чтобы сказать, что онъ памъ не ко двору, хотя поетъ онъ не безъ школы и болѣе или менѣе умѣетъ управлять своимъ сухимъ, черствымъ, уже не молодымъ и ипогда фальшивымъ баритономъ. Успѣхъ средній.

Сем. Кругликовъ.

Экзаменаціонные спектакли Императорскаго Московскаго Театральнаго училища.

Въ минувшемъ маѣ состоялся второй выпускъ учениковъ драматическихъ классовъ Московскаго Театральнаго училища. Всѣхъ окончившихъ курсъ 20 человекъ, изъ нихъ г-жи Грибунина, Кузина, Маслова, Никола, Поталовская и Шереметьевская и гг. Островскій, Подаринъ, Фондаминскій и Яковлевъ — по классу г. Ленскаго и г-жи Бирилева, Доброва, Забѣлло, Зальцфишъ, Островская и Полянская и гг. Давыдовъ, Кашперовъ, Платонъ и Рыжовъ — по классу г. Правдина. Новый выпускъ учениковъ опять показалъ намъ, что дѣло преподаванія въ Московской школѣ Императорскихъ театровъ поставлено на серьезную почву, и вновь убѣдилъ насъ, что мы не ошиблись, привѣтствуя въ прошломъ году первые результаты дѣятельности школы, видя въ ней серьезное и сильное средство къ поднятію художественнаго уровня русскаго артистовъ.

Вліяніе школы на учениковъ, повидимому, весьма прочно и нѣтъ сомнѣнія, что ученики внесутъ свѣжую струю въ среду русскаго артистовъ и останутся вѣрными завѣтамъ школы, будутъ строго относиться къ своему долгу и серьезно смотрѣть на задачи искусства.

Теперь, уже послѣ четырехлѣтняго существованія курсовъ, когда уже состоялся второй выпускъ ея учениковъ, выяснились не только положительныя стороны дѣятельности школы но и отрицательныя, къ счастью, впрочемъ, немногочисленныя и притомъ поправимыя. Въ прошломъ году, когда мы ознакомились съ первымъ выпускомъ учениковъ, нѣкоторыя недостатки школы мы могли приписать вполне понятнымъ во всякомъ новомъ дѣлѣ ошибкамъ. Теперь мы считаемъ своею обязанностью указать на такіе недостатки въ веденіи школьнаго дѣла, которыя повторились и въ этомъ году, а слѣдовательно заставляютъ опасаться, что школа и въ будущемъ не легко отъ нихъ освободится.

Къ числу главныхъ недостатковъ школы мы должны отнести не вполне строгое отношеніе къ тому матеріалу, который представляютъ собою ученики.

Мы не разъ уже высказывали нашъ взглядъ по этому поводу. Намъ приходится вновь повторить, что преподаватели берутъ на себя крайне серьезную отвѣтственность за тѣхъ лицъ, которыхъ они поддерживаютъ въ ихъ ошибочномъ выборѣ артистической карьеры.

Если велика отвѣтственность лицъ, призванныхъ опредѣлить сценическія способности того

или другаго ученика, въ случаѣ, если они не признають этихъ способностей у человѣка безспорно даровитаго, то не меньше отвѣтственность ихъ и тогда, когда они признають эти способности тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ совсѣмъ или слишкомъ мало для того, чтобы сдѣлаться хоть сколько-нибудь полезнымъ въ труппѣ, хотя бы на вторыя роли.

Такая ошибка очень тяжело отзывается на ученикѣ, которому 3 года твердили, что выборъ имъ артистической карьеры сдѣланъ правильно, и который при первыхъ же своихъ шагахъ на самостоятельномъ поприщѣ страшно разочаруется въ себѣ и съ болью вспомнить о совершенно напрасно потраченныхъ трудахъ и времени. Пусть не забываютъ объ этомъ руководители школы, которые еще могутъ ошибочно опредѣлить степень способности ученика, пока онъ не перешелъ во 2 курсъ, но до третьяго курса они могутъ доводить только такихъ учениковъ, за которыхъ они могутъ смѣло принять на себя отвѣтственность.

Такія ошибки обнаружили и въ прошломъ году, повторились онѣ и теперь, при второмъ выпускѣ учениковъ. Будетъ весьма грустно, если онѣ будутъ повторяться и въ будущемъ. Онѣ увеличатъ только число неудачниковъ и подорвутъ довѣріе къ школѣ. Тутъ строгость не только умѣстна, но и необходима.

Быть можетъ въ данномъ случаѣ играетъ не послѣднюю роль желаніе запариться большимъ количествомъ учениковъ, чтобы имѣть возможность обставлять спектакли. На это указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что нѣкоторыя роли поручались ученикамъ не только 2-го, но и 1-го курса. Будетъ очень и очень жаль, если тутъ будетъ вліять забота о количествѣ учениковъ для обстановки піесъ, и школа отступить отъ своей главной цѣли помогать возможному совершенствованію, хотя бы и меньшаго числа истинныхъ дарованій.

Намъ кажется, что въ этихъ видахъ было бы гораздо цѣлесообразнѣе измѣнить существующее дѣленіе школы на два параллельныхъ практическихъ курса, что отнимаетъ слишкомъ много времени у преподавателей и не даетъ имъ возможности сосредоточить свое вниманіе и свои труды на однородной по степени подготовки труппѣ.

Не было ли бы практически удобнѣе, если бы цѣлый курсъ былъ порученъ одному изъ преподавателей, который бы, принявъ въ свое вѣдѣніе всѣхъ учениковъ, перешедшихъ во 2-й курсъ, переводилъ бы ихъ затѣмъ въ послѣдній, и послѣ окончанія ими училища, снова бы принималъ новыхъ учениковъ перешедшихъ изъ 1-го курса во 2-й. Быть можетъ тогда число кончающихъ курсъ было бы меньше, но за то они были бы несравненно болѣе подготовлены и имѣли бы большую прак-

тику, въ чемъ, какъ намъ кажется, встрѣчается при теперешней постановкѣ дѣла нѣкоторыя затрудненія. Количество учениковъ у каждаго преподавателя на *одномъ* курсѣ было бы больше, чѣмъ теперь, но это только облегчило бы задачу найти подходящую и нужную для данныхъ силъ пьесу, и не приносило бы затрудненій, такъ какъ тогда общее число учениковъ у каждаго преподавателя все же было бы меньше, чѣмъ имѣется ихъ у него теперь на *двухъ* курсахъ.

Для спектаклей своего класса г. Ленскій поставилъ двѣ пьесы Островскаго „Пучина“ и „На всякаго мудреца довольно простоты“, 1, 2 и 3 акты комедіи Мольера „Мѣщанинъ во дворянствѣ“, 1, 2 и 3 акты комедіи Бомарше „Севильскій цирюльникъ“, сцену изъ драмы Шекспира „Ричардъ III“, 1 и 2 акты изъ комедіи „На порогѣ къ дѣлу“ и монологъ для *ingenue comique* „У запертой двери“.

Почти всѣ пьесы были выбраны г. Ленскимъ удачно и помогли ему всесторонне ознакомить съ силами его учениковъ. Намъ только удивляетъ выборъ комедіи Бомарше, такъ какъ главные роли: Розины, Альмавива и Фигаро не могли найти въ числѣ выпускныхъ учениковъ г. Ленскаго подходящихъ исполнителей, и если постановка этой пьесы что-нибудь и доказала намъ, то развѣ только умѣнье г. Ленскаго и съ неподходящимъ артистическимъ матеріаломъ хорошо сработать и сладить пьесу. Что г. Ленскій прекрасный режиссеръ—это для насъ не новость и не съ его режиссерскими способностями насъ слѣдовало познакомить, а съ силами учениковъ, поставленныхъ въ соотвѣтствующія ихъ сценическимъ даннымъ условія. Положимъ, весьма интересно прослѣдить на сколько ученики подготовлены къ исполненію ролей разныхъ амплуа, но эта способность можетъ выказаться только при самостоятельной дѣятельности артиста, а такой слаженный опытнымъ преподавателемъ спектакль ничего доказать не можетъ.

Отъ такого выбора теряютъ и ученики. Какъ на примѣръ укажемъ на г-жу Кузину. Она безспорно очень симпатичная *ingenue comique*, съ рѣдкими данными для такихъ ролей: артистическимъ темпераментомъ, выразительнымъ лицомъ, мелодичнымъ голосомъ, живостью, недурной фигурой. Все это такъ, но она не Розина. Для этой роли у нея не хватаетъ многихъ физическихъ данныхъ. Она и оставалась въ роли Розины сама собой и напоминала кого-угодно, но только не хитрую испанку, такъ ловко одурачивающую ревниваго Бартоло.

Не было въ комедіи и Альмавивы и Фигаро. Г. Островскій характерный комикъ, но ни съ какой стороны не любовникъ. У г. Фондаминскаго же и вообще-то такъ мало сцениче-

скихъ данныхъ, что остается еще большимъ вопросомъ: правильно ли онъ выбралъ для себя артистическую карьеру;—о роли же Фигаро ему нельзя было и думать.

Не можемъ не сдѣлать также упрека г. Ленскому и за постановку „На порогѣ къ дѣлу“. Пьеса эта въ смыслѣ срепетовки настолько уступала всѣмъ другимъ поставленнымъ имъ пьесамъ, что невольно приходило въ голову сомнѣніе: ставилъ ли ее тотъ же опытный преподаватель и режиссеръ,—насколько слабы были въ этой пьесѣ нѣкоторые изъ исполнителей, настолько шаржированно исполнилъ роль Тесова ученикъ Островскій.

Если ученики и въ *школахъ* не сдерживаются въ ихъ стремленіяхъ къ шаржу, чего же ждать отъ нихъ когда они появятся на провинціальныхъ сценахъ.

Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе г. Ленского и на нѣкоторую пѣвучесть тона, какимъ говоритъ большинство его учениковъ. Это легко можетъ современемъ перейти въ плаксивость, отчего слѣдуетъ всѣми силами удерживать учениковъ при первыхъ же ихъ шагахъ, иначе это весьма пагубно можетъ повліять на дальнейшую ихъ артистическую дѣятельность, чему мы видимъ прекрасный примѣръ на одной изъ лучшихъ ученицъ г. Ленского прошлаго года выпуска.

За исключеніемъ упомянутыхъ погрѣшностей, спектакли класса г. Ленского въ смыслѣ срепетовки и идеально слаженного ансамбля представляютъ собою выдающееся явленіе и въ этомъ смыслѣ значительно превышаютъ спектакли г. Правдина.

Г. Правдинъ для спектаклей своего класса сдѣлалъ менѣе удачный выборъ пьесъ, поставивъ драму Гущкова «Уріель Акоста», плохую комедію Пальма «Нашъ другъ Неклюжевъ», затѣмъ комедію г. Немировича-Данченко «Счастливецъ», требующую отъ исполнителей большой опытности въ смыслѣ сценической техники, и затѣмъ небольшія комедіи-водевили: «До поры, до времени», «Съ благонамѣренною цѣлью» и заигранный водевилъ «На хлѣбъ и на воду».

Къ числу достоинствъ преподаванія г. Правдина мы должны отнести, между прочимъ, его умѣнье выработать въ ученикахъ простоту рѣчи, къ несовершенствамъ — недостаточную яркость передачи исполнителями ихъ ролей, блѣдность ансамбля и неразвитую мимику лица. Если все это является результатомъ излишняго стремленія къ простотѣ, то нельзя же забывать сценическихъ условій. Мы не можемъ также не обратить вниманіе почтеннаго преподавателя на недостатки жестикуляціи, которыми страдаютъ почти всѣ его ученики. Однообразныя

движенія рукъ къ головѣ, груди—невольно поражаютъ зрителя.

Переходя къ ученикамъ въ отдѣльности, мы должны признать, что 2-й выпускъ школы не далъ чего-нибудь особенно яркаго, но въ общемъ оказался довольно удаченъ.

Изъ числа окончившихъ курсъ по классу г. Левскаго мы остановимся на г. Подаринѣ, какъ на безспорно даровитомъ исполнителѣ, обещающемъ въ будущемъ многое. Въ его лицѣ наша сцена пріобрѣтаетъ прекраснаго исполнителя на роли купцовъ въ комедіяхъ Островскаго и очень недурнаго комика-резонера вообще. Роль Журдена («Мѣщанинъ во дворянствѣ») была проведена имъ очень обдуманно и съ истиннымъ артистическимъ огонькомъ. Не менѣе удачно исполнена была имъ роль генерала Крутицкаго («На всякаго мудреца»). Онъ счумѣлъ отдѣлать ее до мелочей и далъ вполне живое лицо. Роль Буравина («На порогѣ къ дѣлу») была проведена имъ менѣе удачно и недостаточно увѣренно; что-же касается до роли купца Боравцева («Пучина»), то исполнитель счумѣлъ выдвинуть ее на первый планъ. Особенно удачно была проведена имъ сцена 3-го акта.

О г-жѣ Кузиной мы уже говорили. Намъ остается указать на прекрасное исполненіе ею роли Люсилы («Мѣщанинъ») и на ту искренность и простоту, съ какими она провела роль Машеньки («На всякаго мудреца»), въ особенности въ сценѣ съ Турусиной, въ 5-мъ актѣ. Г-жа Кузина была въ числѣ ученицъ, окончившихъ курсъ въ прошломъ году, но затѣмъ осталась на 2-й годъ въ 3-мъ курсѣ. Это безспорно прекрасно повліяло на ея сценическое усовершенствованіе, въ ея лицѣ мы имѣемъ рѣдкую по сценическимъ даннымъ артистку на роли наивныхъ дѣвочекъ. Роль Лизаньки («Пучина») съ небольшимъ драматическимъ оттѣнкомъ также проведена была ею тепло и искренно. Вредятъ ей ея однообразные жесты, надъ которыми ей необходимо серьезно поработать.

Г-жа Грибунина обладаетъ очень недурнымъ голосомъ, хорошей и сильной дикціей. Она прекрасно прочла сцену королевы Маргариты въ «Ричардѣ III». Роль Турусиной ей не удалась. Въ ней она явилась серьезной *барыней*, а ужь никакъ ни глупой купчихой, помѣшанной на юродивыхъ и гадалкахъ. Мы думаемъ, что г-жа Грибунина имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться очень недурной артисткой на роли драматическихъ старухъ. Къ сожалѣнію, экзаменаціонные спектакли не вполне достаточно ознакомили насъ съ этой стороной способностей ученицы.

Г-жа Маслова представляетъ собою замѣтный матеріалъ для ролей комическихъ старухъ въ жанрѣ Акимовой. Подходящіе голосъ, внѣшность и безспорно комическая артистическая

жилка—даютъ поводъ предположить въ ней въ будущемъ полезную артистку на эти роли, при условіи, конечно, серьезной дальнѣйшей работы и умѣнья удержаться отъ шаржа, къ чему питаютъ большую склонность артистки этого амплуа. Въ роли Кисельниковой («Пучина») г-жа Маслова показала себя способной и на роли драматическихъ старухъ. Эту роль она провела тепло, обдуманно и симпатично.

Г-жа Паталовская можетъ быть полезна въ труппѣ. Роль Глафиры въ сценахъ «Пучина» она съумѣла старательно отдѣлать, нѣсколько грубоватый голосъ ея въ этой роли не вредилъ ей такъ, какъ въ роли Елизаветы («Ричардъ III»). Что до роли Лониной («На порогъ къ дѣлу»), то хотѣлось бы большей искренности, теплоты, но въ общемъ и эта роль была проведена ею прилично.

Съ г-жей Никола насъ познакомили всего только въ одной, притомъ крайне незначительной роли въ монологъ «У запертой двери», а потому мы не можемъ сказать что-либо определенное о способностяхъ этой ученицы. Не можемъ не упрекнуть преподавателя за такое отношеніе къ выпускной ученицѣ. Если она обладаетъ способностями къ сценѣ, тогда слѣдовало выпустить ее въ нѣсколькихъ болѣе замѣтныхъ роляхъ; если же ея способности не обѣщаютъ ей успѣховъ на сценическомъ поприщѣ, то тогда незачѣмъ было и доводить ее до выпускнаго класса. То, что мы видѣли въ одной сценкѣ, не позволяетъ намъ возлагать на эту ученицу какихъ-либо надеждъ. Сценка исполнена была ею довольно шаблонно, жесты и въ особенности умѣнье держать себя на сценѣ — оставляютъ желать многого. Двѣ, три удачно сказанныя фразы... но чья тутъ заслуга ученицы или преподавателя—мы рѣшатъ не беремся.

Съ г-жей Шереметьевской насъ познакомили тоже только въ одной роли Глумовой, но то, что мы видѣли въ ея исполненіи, позволяетъ намъ думать, что г-жа Шереметьевская, не представляя собою ничего выходящаго изъ ряда, все же можетъ быть безспорной полезностью, какъ для ролей старухъ резонерокъ, такъ, пожалуй, и комическихъ.

Г. Яковлевъ появился передъ нами въ двухъ разнообразныхъ роляхъ: Кисельникова («Пучина»), которую онъ провелъ очень тепло и достаточно жизненно, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ролю онъ былъ вполне хорошъ, и Донъ Базиліо, которую онъ исполнилъ весьма не дурно, выказавъ способность и къ комическимъ ролямъ. Изъ этого исполнителя, можно надѣяться, выработается, быть можетъ, что-либо выше средней полезности.

Г. Островскій весело и непринужденно исполнилъ роль Ковъеля («Мѣщанинъ») и довольно недурно роль Голутвина («На всякаго мудре-

ца»). Объ исполненіи имъ роли Тесова («На порогъ къ дѣлу») и графа Альмавива мы уже упоминали, роль же Погуляева («Пучина») не представляетъ собою какого-либо матеріала для артиста. Мы опасаемся только, что г. Островскій не выработалъ въ себѣ достаточно разнообразныхъ приѣмовъ исполненія, какъ бы онъ не впалъ современемъ въ крайне нежелательное однообразіе во всѣхъ роляхъ.

Чтобы закончить перечень учениковъ г. Ленскаго намъ остается сказать о г. Фондаминскомъ. Съ нимъ мы познакомились въ достаточной степени. Онъ появился въ цѣломъ рядѣ ролей различного характера. Если это только случайность или вызвано необходимостью, за недостаткомъ исполнителей, то это еще не такъ серьезно, но если этотъ рядъ ролей былъ порученъ г. Фондаминскому специально, какъ одному изъ наиболѣе способныхъ учениковъ класса, то это является фактомъ, наводящимъ на очень грустные размышленія и весьма близкимъ къ тѣмъ роковымъ *ошибкамъ*, о которыхъ мы говорили выше.

Недостатки произношенія, мимики, походки настолько сильны у г. Фондаминскаго, что однихъ этихъ свойствъ было уже достаточно, чтобы, еще ранѣе перевода его на 3-й курсъ, опредѣлить ошибочность выбора имъ артистической карьеры. При этомъ полное однообразіе. Во всѣхъ своихъ роляхъ: Фигаро, Глумова, Глостера, Незвѣстнаго («Пучина»), Клеонта — г. Фондаминскій оставался самимъ собою. Только въ послѣдней сценѣ Глумова, въ его монологѣ прозвучали двѣ, три искреннія нотки, но этого слишкомъ мало для исполнителя, появившагося въ такомъ богатомъ рядѣ ролей.

Изъ окончившихъ по классу г. Правдина предпочтеніе въ качественномъ отношеніи слѣдуетъ отдать безспорно ученицамъ. Ихъ окончилъ шесть. Изъ нихъ г-жи Бирилева, Доброва и Зальцфишъ обладаютъ счастливой, симпатичной внѣшностью и артистическимъ темпераментомъ.

Къ сожалѣнію, у г-жи Бирилевой недостаточна лицевая мимика. Красивое, правильное лицо ея мало отражаетъ на себѣ передаваемые артисткой ощущенія. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, значительно искупаютъ выразительные глаза. Исполнительница обладаетъ при этомъ хорошимъ голосомъ, сценической фигурой и нервнымъ темпераментомъ. Роль Юдиинъ («Уриель») была очень недурно передана г-жей Бирилевой. Роль Ясеновой («Счастливецъ») была исполнена ею менѣе удачно. Однообразіе жестовъ сильно вредитъ молодой артисткѣ.

Г-жа Доброва появилась только въ одной роли Наташи («Неклюжевъ») и, судя по исполненію ея, мы вправѣ признать г-жу Доброву очень полезною артисткою. Къ сожалѣнію, въ ея исполненіи замѣтна неровность, моменты артисти-

ческаго темперамента смѣнялись у нея зачастую холоднымъ и неколоритнымъ произношеніемъ словъ роли.

Г-жа Зальцфишъ оказалась прекрасной артисткой на водевильныхъ роли. Въ особенности удачно исполнена была ею роль Тани («До поры до времени»), обдуманно, детально, цѣльно и законченно. Молодая исполнительница видимо въ достаточной мѣрѣ усвоила себѣ искусство отдѣлывать роль въ подробностяхъ. — Роль Вѣрочки («Съ благонамѣренною цѣлью») была исполнена ею живо и весело. Недурно сыграла г-жа Зальцфишъ и — Сашеньку («На хлѣбъ и на воду»). Въ общемъ г-жа Зальцфишъ доказала, что она на вѣрной дорогѣ и что въ ея лицѣ русская сцена дѣлаетъ хорошее приобрѣтеніе.

Г-жа Островская появилась въ двухъ роляхъ: Богучаровой («Счастливецъ») и Трифоновичъ («Неклюжевъ»). Первая роль была исполнена ею сравнительно удачнѣе второй, въ которой исполнительница недостаточно отѣснила демоническій характеръ красивой прелестницы, толкающей своего любовника на обманъ и преступленіе. — Въ роль Богучаровой исполнительница вложила нѣсколько очень удачныхъ штриховъ, искренность, извѣстную теплоту и въ общемъ показала себя достаточно знакомой съ сценической техникой.

Съ г-жей Забѣлло мы познакомились въ двухъ довольно незначительныхъ роляхъ: Лебединской («Счастливецъ») и Поспѣловой («Неклюжевъ»). Она читаетъ и держится на сценѣ недурно и можетъ быть признана полезной артисткой.

На г-жѣ Полянской мы остановимся нѣсколько долѣе, такъ какъ она представляетъ собою наиболѣе удачный результатъ трудовъ преподавателя. — Исполненіе г-жей Полянской роли Федюхипой («Неклюжевъ») мы въ правѣ называть прямо прекраснымъ, особенно если мы примемъ во вниманіе значительную трудность правильной передачи лица полу-купчихи, полу-барыни. Г-жа Полянская съ большимъ умѣньемъ и тактомъ передала эту смѣсь богатой купчихи и полковой дамы. Такое исполненіе насъ болѣе, чѣмъ удовлетворило бы, даже и у опытной артистки, въ ученицѣ же оно не можетъ не обратить особое вниманіе. — Такъ же ярко и безъ шаржа переданы были г-жей Полянской двѣ однородныя роли старыхъ дѣвъ Груздовой («До поры, до времени») и Надежды Евстигнѣевны («Съ благонамѣренною цѣлью»), а также и незначительная роль Шарлотты Карловны («На хлѣбъ и на воду»), которую исполнительница съумѣла сдѣлать замѣтной. Если мы упомянемъ при этомъ вполне удовлетворительное исполненіе ею роли Тюльпановой («Счастливецъ»), то можемъ смѣло признать г-жу Полянскую вполне отвѣчающей строгимъ требованіямъ. Комическимъ темпераментомъ молодая исполни-

тельница обладаетъ безспорно, а умѣлое и старательное отношеніе къ игрѣ дѣлаютъ ее недюжинной и прекрасно подготовленной артисткой, притомъ не только на роли комическихъ, но и драматическихъ старухъ, что г-жа Полянская доказала отличнымъ исполненіемъ роли Эсфири («Уріель»), которую она провела очень тепло, обдуманно, съ чувствомъ мѣры и вполне ярко и образно.

Мужской персоналъ выпускнаго класса г. Правдина слѣдуетъ признать далеко не удачнымъ. Изъ учениковъ мы остановимся только на г. Рыжовѣ, который только и можетъ быть признанъ обладающимъ извѣстнымъ артистическимъ матеріаломъ. Главнымъ достоинствомъ г. Рыжова мы поставимъ хорошую, умную читку, къ числу же недостатковъ — отсутствіе темперамента, холодность, однообразіе, крайне неразвитую мимику вообще маловыразительнаго лица. Въ виду этихъ свойствъ молодаго артиста роль Уріеля удалась ему значительно болѣе, чѣмъ роли Неклюжева и Богучарова. Это актеръ, обѣщающій сдѣлаться полезнымъ на роляхъ резонеровъ, но неспособный овладѣть залой, захватить публику сильнымъ артистическимъ темпераментомъ.

Что касается до остальныхъ учениковъ г. Правдина, то развѣ только г. Кашперовъ можетъ быть хоть сколько-нибудь признанъ «полезностью», да и то такимъ исполнителемъ, какихъ сотни. Его спасаетъ умѣнье читать роль, но отсутствіе мимики и тембръ его голоса будутъ ему большой помѣхой въ его сценической дѣятельности.

У г. Платона ясное произношеніе составляетъ его единственное достояніе, полное однообразіе и отсутствіе темперамента отнимаетъ у него всякую надежду выдѣлиться изъ числа посредственностей на вторыхъ роли. Что до г. Давыдова, появившагося въ такихъ разнообразныхъ и выгодныхъ роляхъ, какъ Бентъ-лохай, («Уріель»), Промтовъ («Неклюжевъ») и Чардынь («Счастливецъ»), то мы, къ сожалѣнію, не могли усмотрѣть ни малѣйшаго признака, который-бы оправдывалъ выборъ имъ артистической карьеры, и должны отнести присутствіе его въ школѣ къ ошибочной случайности, отвѣтственность за которую падаетъ главнымъ образомъ на г. Правдина.

Присутствіе въ школѣ такихъ учениковъ, какъ г. Давыдовъ, не только бесполезно для нихъ самихъ, но и вредно для ихъ товарищей, такъ какъ наноситъ ущербъ ансамблю, чему примѣромъ можетъ служить исполненіе комедіи «Счастливецъ», безцвѣтность котораго во многомъ обязана г. Давыдову въ роли Чардына.

На экзаменаціонномъ спектаклѣ 2-го мая былъ поставленъ дивертисментъ, въ которомъ выступили учащіеся въ балетномъ отдѣленіи

школы. Изъ оканчивающихъ курсъ болѣе дру- гихъ выдѣлилась своими способностями и сце- ническою вѣншностью г-жа Рославлева, ко- торая составитъ счастливое пріобрѣтеніе для нашего балета. Не лишена способностей и уче- ница г-жа Дьякъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ остановиться на характерѣ обязанностей дирекціи передъ приня- тыми въ ея школу учениками и бросить взглядъ назадъ и посмотрѣть, что было сдѣлано дирекціей для учениковъ драматическихъ курсовъ перваго выпуска, почти въ полномъ составѣ принятыхъ на казенную сцену. Съ грустью мы должны при- знать, что въ этомъ отношеніи дирекціей сдѣ- лано слишкомъ мало. Принявъ на свою сцену учениковъ, кончившихъ съ успѣхомъ курсъ школы, и желая имъ помочь въ ихъ *дальнѣй- шемъ совершенствованіи*, дирекція ограничи- лась тѣмъ, что выпускала ихъ въ выходныхъ роляхъ, въ истрепанныхъ водевилчикахъ и только крайне ограниченному числу ихъ дала возможность появиться въ одной, много двухъ роляхъ, которыя могли бы дать хоть сколько- нибудь интересный матеріалъ для артистической работы. Такое отношеніе дирекціи къ ея обя- занностямъ передъ учениками ея школы силь- но подрываетъ то безспорно огромное зна- ченіе, которое могла и должна имѣть шко- ла при Императорскихъ театрахъ для рус- ской сцены. Мы не говоримъ уже объ устрой- ствѣ отдѣльнаго театра, о чемъ мечтали и чего добивались доброжелатели школы въ прошломъ году. Не станемъ винить и авторовъ, стараю- щихся обставлять свои пьесы испытанными, опытными и любимыми публикою артистами. При существующемъ способѣ вознагражденія авто- ровъ процентами со сбора это вполне понятно и извинительно. Быть можетъ справедливы даже и опасенія дирекціи за сборы, когда публика бу- детъ встрѣчать учениковъ въ такихъ роляхъ, въ которыхъ она привыкла видѣть своихъ люби- мыхъ и заслуженныхъ артистовъ. Но цѣль—дать достаточную практику, столь необходимую уче- никамъ, притомъ на публичныхъ спектакляхъ, которыхъ не могутъ замѣнить спектакли въ стѣ- нахъ школы,—можетъ быть достигнута путемъ весьма простымъ и вполне доступнымъ и при существующихъ условіяхъ. Стоитъ только отойти немного отъ рутинны и *привычныхъ* на поста- новку утреннихъ воскресныхъ и праздничныхъ спектаклей по удешевленнымъ цѣнамъ. Примѣръ театра г. Корша можетъ вполне успокоить ди- рекцію и за ея излюбленные *сборы*, слишкомъ часто за послѣднее время пріобрѣтающіе рѣ- шающее значеніе.

Группѣ молодыхъ артистовъ слѣдуетъ дать особаго режиссера, который бы, подъ руковод- ствомъ главнаго режиссера, тщательно бы раз- учивалъ съ учениками новыя для нихъ пьесы,

само собою разумѣется, принадлежащія къ об- разцовому репертуару. Постановка такихъ спек- таклей только по воскресеньямъ и праздни- чнымъ днямъ дастъ вполне достаточно време- ни, чтобы срепетовать и подготовить ихъ съ возможнымъ совершенствомъ. Особенно удав- шіяся по исполненію пьесы могутъ быть съ успѣ- хомъ поставлены и въ вечерніе воскресные и праздничные спектакли, когда публика напол- няетъ залы театровъ независимо притягатель- ности афиши въ смыслѣ новинокъ и любимыхъ персонажей. Этимъ путемъ молодые артисты со- ставить себѣ репертуаръ, публика скорѣе озна- комится съ ними и успѣетъ ихъ полюбить, да, наконецъ, и сама дирекція будетъ въ безспор- номъ выигрышѣ, получивъ лишнюю возможность сберегать и новинки и главныхъ артистовъ для спектаклей въ будни. Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что эти спектакли должны идти съ исключительно молодыми силами. Напротивъ, участіе въ нихъ опытныхъ и лучшихъ арти- стовъ крайне желательно въ цѣляхъ педаго- гическихъ, и надо надѣяться, что сами артисты признаютъ важность и обязательность для нихъ такой извѣстнаго рода нравственной повинно- сти, а дирекція должна въ этомъ случаѣ пой- ти на встрѣчу артистамъ въ ихъ желаніи помочь ихъ молодымъ товарищамъ.

Пока такихъ спектаклей не существуетъ, школа теряетъ свое значеніе *состоящей при* образцовой нашей сценѣ, притомъ настолько, что является еще вопросомъ, что менѣе же- лательно для артистическаго развитія молодыхъ артистовъ—погруженіе ли въ омутъ спѣшной работы на провинціальныхъ сценахъ въ репер- туарѣ, мало отвѣчающемъ художественнымъ тре- бованіямъ, или же почти полное бездѣйствіе въ званіи артистовъ Императорскихъ театровъ.

Затѣмъ мы не можемъ не упрекнуть адми- нистрацію школы въ безпечности относитель- но учениковъ, подлежащихъ по своему воз- расту воинской повинности. Такъ, напримѣръ, кончившій курсъ въ прошломъ году г. Паро- моновъ, безспорно подающій серьезныя надеж- ды, какъ даровитый комикъ, вынужденъ былъ почти вслѣдъ за окончаніемъ курса прервать свою артистическую карьеру.

Если громадный контингентъ сельскихъ учи- телей совершенно избавленъ отъ этой повин- ности, врядъ ли бы высшее правительство за- труднилось бы изъять изъ общаго числа, под- лежащихъ ей, нѣсколько единицъ артистовъ, признанныхъ полезными на сценахъ Император- скихъ театровъ.

Администрація школы не только не озабо- тилась войти съ представленіемъ о полномъ увольненіи отъ воинской повинности учениковъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ школы, но да- же и о какихъ-либо для нихъ въ этомъ отно- шеніи льготахъ по образованію, что уже давно

«Благословенный хлѣбъ».

Картина Даньянъ Бувере.

исходатайствовали и школа Филармоническаго Общества, и Консерваторія, и всѣ прочія учебныя заведенія.

Между тѣмъ по небрежности администраціи школы такой талантливый молодой артистъ, какъ г. Парамоновъ, въ самомъ началѣ своей

карьеры оторванъ отъ сцены на цѣлыхъ три года, — слишкомъ продолжительный срокъ, чтобы не представить значительной и серьезной задержки и большого вреда для развитія молодого артиста.

V.

Русское Музыкальное Общество.

Спектакль учащихся въ консерваторіи 25 апрѣля 1892 г.

«*Così fan tutte*». («Всѣ онѣ таковы») опера въ 2 дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, либретто Да Понте, музыка Моцарта.

Всѣ отрасли искусства, а также и науки имѣютъ такихъ представителей, съ именами которыхъ связываются понятія о совокупности дѣятельности цѣлой эпохи въ

одномъ человѣкѣ, объединяющемъ все до него сдѣланное и дающемъ цѣлому совершеннѣйшую форму. Къ числу такихъ гениальныхъ представителей человѣчества принадлежатъ и Моцартъ. Слово «гениальный» теперь, впрочемъ, примѣняютъ такъ смѣло, раздаютъ титулы гениальности такъ щедро, что по отношенію къ дѣйствительно великимъ людямъ науки или искусства его, пожалуй, и не слѣдуетъ употреблять. Замѣчательно еще, что люди особенно свободно возводящіе въ гениіи всякаго, имѣвшаго счастье имъ понравиться, съ дѣйствительно великими людьми мало церемонятся и бываютъ не прочь третировать ихъ совсѣмъ запросто.

Нерѣдко такіе критики, повторяя съ настойчивостію, какія нибудь слова вроде «содержательности» «идейности» и т. п., по усмотрѣнію своему, или находятъ эти драгоценныя, хотя и довольно неопредѣленные качества, у излюбленныхъ композиторовъ и художниковъ и немедленно вѣнчаютъ ихъ лаврами гениіа, или же не находятъ, — и тогда горе несчастному. Въ литературной критикѣ уже установились неизменно нѣкоторыя великія имена, съ которыми обращаются не иначе, какъ почтительно, но въ русской музыкальной критикѣ до этого дѣло еще не дошло и потому можно встрѣчать разсужденія объ устарѣлости, безцвѣтности и безсодержательности хотя бы Моцарта. Всякое явленіе въ искусствѣ и литературѣ возможно понимать только съ исторической точки зрѣнія, а то пожалуй и Дантэ окажется лишеннымъ идейности и содержательности. Когда Моцарта третируютъ свысока, намъ всегда кажется, что

это можетъ быть объяснено или односторонностію художественнаго развитія, или просто недоразвитіемъ. Для однихъ Моцартъ слабъ потому, что писалъ не какъ Верди или Гуно, а для другихъ потому, что не имѣетъ ничего общаго съ Мусоргскимъ. Въ исторіи оперы, какъ художественной формы, Моцарту отводится высочайшее мѣсто, и его главные произведенія занимаютъ въ литературѣ оперы такое же положеніе, какое симфоніи Бетховена имѣютъ въ музыкѣ инструментальной. Каждая изъ симфоній Бетховена имѣетъ свой индивидуальный отпечатокъ, свою особенную фizioномію; такимъ же образомъ и оперы Моцарта имѣютъ каждая свой особый характеръ, преобладающую сторону человѣческаго чувства или настроенія. Такимъ образомъ «Идоменей» есть высшій типъ прежней героической или *opera seria*; «Похищеніе изъ серала» — превосходное сочетаніе картинъ весенней поры любви и оттѣнковъ вѣшняго, нѣсколько грубоватаго комизма. Поэзія «Свадьбы Фигаро» въ музыкѣ заслоняетъ собою комическій элементъ оперы и становится на первый планъ; сочетаніе высочайшаго трагическаго паѳоса и реальныхъ картинъ комическаго оттѣнка въ «Донъ Жуанѣ» или крайняя идеализація религіозно-мистическаго настроенія въ «Волшебной флейтѣ», — все это созданія, имѣющія свой собственный отпечатокъ каждое, кромѣ общаго отпечатка, налагаемаго на нихъ артистической натурой ихъ творца. «*Così fan tutte*» принадлежитъ къ числу такихъ же законченныхъ произведеній, но рамки его, опредѣляемыя драмой, гораздо бѣднѣе и уже. Литературная сторона оперныхъ либретто имѣетъ иныя требованія и задачи, нежели обыкновенная драма; въ либретто на первомъ планѣ стоитъ ловкость построенія сценарія, выполненіе же его стихами имѣетъ значеніе второстепенное. Такимъ образомъ либретто «Жизни за Царя», несмотря на неуклюжесть и дубовость его стиховъ, нужно признать весьма хорошимъ, ибо оно даетъ послѣдовательный и живой рядъ картинъ и положеній удобныхъ для музыки, а музыка, въ свою очередь, даетъ то, чего нѣтъ въ стихахъ, т. е. облекаетъ въ плоть и кровь всѣ дѣйствующія лица и даетъ жизнь сценическому

дѣйствию. Въ «Русланъ и Людмилъ» хотя и преобладаютъ стихи Пушкина, но либретто построено такъ, что между его отдѣльными сценами нѣтъ непосредственной логической связи; повѣствованія и описанія берутъ верхъ надъ дѣйствіемъ, и либретто оказывается далеко неудовлетворительнымъ, хотя и не въ такой степени, какъ принято говорить. Изъ русскихъ либретто оперъ едва ли не лучшее либретто «Русалки» Даргомыжскаго, если не считать балетнаго заключенія, мало, или даже совсѣмъ невяжущагося съ предшествующимъ дѣйствіемъ. Либретто «Cosi fan tutte» соединяетъ въ себѣ почти всѣ недостатки, свойственные этого рода литературнымъ произведеніямъ и не имѣетъ никакихъ почти выгодныхъ сторонъ. Содержаніе основано на ничтожномъ анекдотѣ во вкусѣ Скаррона, а остроуміе и мораль не возвышаются надъ уровнемъ фарсовъ самаго низменнаго пошиба, вродѣ дающихся и теперь на загородныхъ и ярмарочныхъ театрикахъ въ Италіи. Вѣроятно ни Моцарту, ни его либреттисту Да Понтэ не пришло бы въ голову избрать такой сюжетъ; но онъ былъ указанъ самимъ императоромъ Іосифомъ II, и, говорятъ, былъ основанъ на истинномъ происшествіи, случившемся тогда въ Вѣнѣ съ двумя офицерами. Скептикъ — императоръ былъ, вѣроятно, не особенно большимъ почитателемъ женщинъ, его позабавилъ случай, гдѣ быть можетъ играли роль представительницы тѣхъ беззаботныхъ красавицъ, составляющихъ отличительный признакъ Вѣны, которыя оставляютъ самыя пріятныя воспоминанія о себѣ въ туристахъ, почитателяхъ женской красоты, посѣщающихъ прекрасную столицу Габсбургской монархіи. Весь сюжетъ сводится къ тому, что двое молодыхъ офицеровъ держатъ пари съ однимъ изъ своихъ пріятелей, что невѣсты сохранятъ имъ вѣрность, если и подвергнутся ихъ соблазнамъ. Они будто бы отправляются въ походъ, но на самомъ дѣлѣ переодѣтыми являются къ своимъ невѣстамъ и начинаютъ за ними ухаживать, а тѣ, послѣ короткаго сопротивленія, сдаются и готовы выйти замужъ за своихъ новыхъ поклонниковъ; разочарованные женихи сначала хотятъ покинуть невѣрныхъ, но потомъ прощаютъ и женятся на нихъ. Сюжетъ пробовали много разъ передѣлать, и различныя его обработки давались на многихъ сценахъ въ Германіи и въ Парижѣ; но все осталось тщетнымъ, и первоначальная редакція все-таки считается теперь сравнительно болѣе удовлетворительной, нежели всѣ позднѣйшіе варианты. Въ значительной степени музыка мѣшаетъ какимъ-либо крупнымъ отступленіямъ, ибо Моцартъ все таки нашелъ въ сюжетѣ реальныя, жизненныя стороны и обрисовалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ такъ индивидуально и характерно, что всякая новая подкладка сюжета совсѣмъ не вяжется съ музы-

кой. Характеристика Моцарта относится главнымъ образомъ къ тому, какъ нѣжное чувство любви отражается на главныхъ дѣйствующихъ лицахъ оперы сообразно съ особенностями ихъ натуръ и какое впечатлѣніе производитъ на обоихъ жениховъ горькое разочарованіе въ прочности привязанности ихъ царицъ сердца. Музыка Моцарта написана очень тонкими, нѣжными штрихами, и пожалуй, по своему стилю и складу не подходитъ къ нашимъ теперешнимъ, огромнымъ театрамъ, какъ не подошло бы исполненіе классическаго струннаго квартета къ большой концертной залѣ. Оперныя композиціи, наиболѣе распространенныя въ наше время, приучили насъ къ письму болѣе сильному и виѣстѣ съ тѣмъ грубому, похожему на декорационную живопись; между тѣмъ какъ музыка Моцарта есть изящная миниатюра. Конечно, если слушатель заранее уяснитъ себѣ точку зрѣнія, съ которой возможно и должно разсматривать извѣстное художественное произведеніе, тогда онъ будетъ въ состояніи понять и оцѣнить его, но если слушатель будетъ укорять квартетъ Гайдна въ отсутствіи красокъ симфонической поэмы Листа, или оперу Моцарта за отсутствіе эффектовъ оперъ Мейербера или Верди, тогда ему трудно будетъ остаться удовлетвореннымъ. Какъ это ни странно, но сужденія, обоснованныя подобными сравненіями, случается слышать не особенно рѣдко. Относительно музыки оперы «Cosi fan tutte» едва ли можно спорить. Она по самому свойству сюжета и его обработкѣ не можетъ стоять такъ высоко, какъ «Свадьба Фигаро» или «Донъ Жуанъ», но должна занять по совершенству своей детальной отдѣлки почетное мѣсто среди композицій ея великаго автора.

Для консерваторскихъ спектаклей преимущественно избираются оперы Моцарта; такимъ образомъ въ нихъ были раньше поставлены «Донъ Жуанъ», «Волшебная флейта», «Свадьба Фигаро». «Cosi fan tutte» является четвертой въ этомъ ряду, обнимающемъ главнѣйшія произведенія величайшаго изъ оперныхъ композиторовъ классическаго періода музыки, а можетъ быть и всѣхъ временъ. Причина такого особаго предпочтенія заключается главнымъ образомъ въ полнотѣ содержанія и безукоризненности формъ въ музыкѣ Моцарта; сверхъ того и для голосовъ онъ писалъ съ такимъ умѣньемъ, какъ немногіе. Это дѣйствительно классическая, образцовая законченность письма, чуждая всякой вычурности, всякой погони за расплывшимися въ музыкѣ за послѣднее время такъ называемыми драматическими эффектами, состоящими въ сущности изъ грубаго подчеркиванія отдѣльных фразъ въ ущербъ цѣлому. Ничего, словомъ, здѣсь нѣтъ такого, гдѣ возможно было бы приложеніе аффектированной манерности исполненія, выработанной

итальянскими пѣвцами новѣйшаго времени и представляющей въ большинствѣ случаевъ явленіе антихудожественное. Добросовѣстное, внимательное изученіе и исполненіе оперъ Моцарта, какъ высшихъ образцовъ формы, составляетъ едва ли не лучшее оружіе музыкальной школы противъ развращающаго вліянія практики нашихъ оперныхъ сценъ, страдающихъ музыкальнымъ безвкусіемъ итальянцевъ и стремленіемъ къ фальшивой аффектаціи декламационнаго стиля нѣмцевъ. Руководствуясь подобными соображеніями, консерваторія естественно старается держаться классическаго репертуара въ своихъ оперныхъ спектакляхъ.

Въ нынѣшнемъ году консерваторіи едва не пришлось отказаться отъ выбранной для спектакля оперы, такъ какъ назначенныя исполнительницы главныхъ партій двухъ сестеръ-невѣстъ должны были по болѣзни отказаться отъ нихъ. Пришлось обратиться къ ученицамъ низшихъ классовъ и одной изъ нихъ, г-жѣ Китаевой, пришлось даже выучить довольно большую партію всего въ какихъ-нибудь 4—5 дней. Исполнителей мужскихъ партій мѣнять не приходилось, всѣ онѣ были исполнены оканчивающими курсъ учениками. «Cosi fan tutte» шла въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Всѣ онѣ таковы!». Разучена была опера подъ руководствомъ В. И. Сафонова чрезвычайно тщательно, и всѣ тонкіе штрихи музыки Моцарта были выполнены съ тѣмъ пониманіемъ стиля, какого и можно было ожидать отъ такого искренняго поклонника Моцарта, какимъ г. Сафоновъ уже заявилъ себя въ своей артистической карьерѣ. Задача оркестроваго исполненія была не изъ легкихъ; главною трудностію, какъ и во

всѣхъ сочиненіяхъ Моцарта, была та кристально-ясная прозрачность музыки, которая не терпитъ не только фальшивой ноты, но и никакого не соответствующаго стилю отъѣнка. Консерваторской оркестръ за послѣдніе годы получилъ уже установившуюся репутацію, которую онъ въ полной мѣрѣ поддержалъ и на этотъ разъ. Хору на этотъ разъ было немного дѣла, ибо онъ принимаетъ небольшое участіе въ оперѣ. Что касается исполнителей-солистовъ, то они съ точки зрѣнія школьнаго спектакля, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ требованія ансамбля и строгой точности выполненія предписаній композитора, — выполнили свое дѣло вполне удовлетворительно, не исключая и тѣхъ ученицъ, которымъ пришлось, какъ мы говорили выше, выучить свои партіи въ относительно весьма короткій срокъ. Ансамбль сценической также заслуживалъ похвалы: вся опера шла гладко, стройно и въ исполнителяхъ совсѣмъ не было замѣтно ученической неопытности; всѣ свободно держались па сценѣ, знали что имъ нужно дѣлать. Планировка группъ въ сценахъ была сдѣлана также вполне умѣло. Спектакль вообще прошелъ весьма удачно. Можно еще припомнить, что «Cosi fan tutte» Моцарта дана была въ Москвѣ въ первый разъ, а въ Россіи, должно быть, во второй; ибо, просматривая различныя свѣдѣнія о нашихъ сценахъ, мы нашли только въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа извѣстіе, что «Cosi fan tutte» исполнялась въ Петербургѣ въ сезонѣ 1830—31 гг. на сценѣ итальянской оперы, въ репертуарѣ которой находились, кромѣ 10-ти оперъ Россини, также двѣ оперы Моцарта: «Don Giovanni» и «Cosi fan tutte».

Н. Кашкинъ.

Выставка картинъ и художественныхъ произведеній изъ частныхъ собраній Москвы.

(Окончаніе.)

III.

Изъ картинъ историческаго жанра въ отдѣлѣ новой европейской живописи, которыхъ на выставкѣ очень немного, собственно историческій бытъ представляютъ только двѣ: Беккера—«Посольство венеціанцевъ» и Луна—«Споляріумъ».

Беккеръ страстный любитель писать богатые костюмы: шелки, парчу, атласъ и бархаты. Для этого онъ выработалъ свою, совершенно особенную, ему только свойственную,

манеру, довольно пріятную, хотя и условную, по которой его картины можно узнать издали съ перваго взгляда. Палитра его элегантная, колоритная, съ мягкимъ свѣтомъ и теплыми, прозрачными тѣнями. Согласно съ такимъ направленіемъ техники сюжеты его картинъ всегда вращаются среди сценъ аристократической знати въ роскошномъ декорумѣ костюмовъ и обстановки. Весь интересъ художника сосредоточивается на этомъ декорумѣ, а самое событіе, представляемое въ картинѣ, равно какъ и характеры и типы дѣйствующихъ лицъ

отодвигаются имъ на второй планъ. «Посольство венеціанцевъ» въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ его извѣстныхъ картинъ на темы изъ трагедій Шекспира: Отелло, Ромео и Юлія и друг.

Луна во многомъ представляетъ противоположность Беккеру, хотя типы людей и у него не имѣютъ первенствующаго значенія. Но самое событіе взято гораздо характернѣе, интенсивнѣе. Главное-же его различіе съ Беккеромъ, заключается въ симпатіяхъ къ низшему классу къ униженнымъ и оскорбленнымъ, и рядомъ съ этимъ его техника и колоритъ носятъ на себѣ соотвѣтствующій грубо-реальный характеръ. Страшная сцена въ споляріумѣ, куда сволокиваютъ трупы убитыхъ въ циркѣ гладиаторовъ, въ общую кучу, производитъ мучительно-гнетущее впечатлѣніе, которое какъ-бы усиливается еще энергически-грубымъ, жесткимъ письмомъ и прозаическимъ холоднымъ свѣтомъ, разлитымъ по покатоумосту, съ сбѣгающими съ него струйками крови. Отвратительное впечатлѣніе бойни не смягчается здѣсь никакой деталью, на которой можно было-бы отвести душу. Таковы-же его послѣднія картины, бывшія на выставкахъ Марсова поля въ Парижѣ въ 1890 и 91 гг., «*Les moins malheureux*» изъ жизни нищихъ, ожидающихъ пріюта у дверей ночлежнаго дома и похороны въ картинѣ «*Les ignorés*». Всюду нищета, страданіе и никакого просвѣта, никакой надежды на лучшее будущее.

Нѣсколько другихъ жанровыхъ картинъ этой выставки, хотя онѣ и не представляютъ современныхъ бытовыхъ сценъ, нельзя однако назвать и историческимъ жанромъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего историческаго кромѣ костюмовъ; событія-же и лица, ими трактуемая, относятся безразлично ко всѣмъ временамъ культурнаго человѣчества. Къ этимъ жанрамъ можно причислить «Отдыхъ» Мейсонье*), «Шахматныхъ игроковъ» Фишеля, «Идилію» Фридриха Каульбаха и «Курильщика» Клауса Мейера.

Лучшая изъ этихъ вещей безспорно Мейсонье. Сюжетъ ее довольно незначительный, легковѣсный. Два всадника остановились въ лѣсу и, пустивъ своихъ коней на подножный кормъ, сами расположились отдохнуть подъ тѣнистымъ деревомъ, по дорожному закусили и предаются пріятному кейфу, обмѣниваясь веселыми фразами по поводу какой-то забавной исторіи. Такой сюжетъ, кажется, не могъ бы надолго привлечь вниманіе зрителя. Но эти два собесѣдника до такой степени живые люди, разлеглись они на травѣ такъ естественно-просто, выраженіе ихъ лицъ такъ поразительно непринужденно, жизненно и подвижно,

наконецъ вся обстановка, этотъ привлекательный уголокъ рощи, весь пронизанный яркими солнечными пятнами, такъ гармонируетъ съ веселымъ настроеніемъ отдыхающихъ путниковъ, что картинка эта на долго останавливаетъ передъ собой cadaго посѣтителя выставки и не выходитъ потомъ изъ памяти. Замѣчательная техника, которой такъ прославился Мейсонье, въ этой картинѣ блистаетъ во всю силу какъ въ лицахъ, костюмахъ, такъ и въ пейзажѣ, не говоря уже о лошадяхъ, хотя вся картина не превышаетъ шести вершковъ въ квадратѣ, а каждая лошадь легко помѣщается въ квадратномъ вершкѣ. При такомъ микроскопическомъ размѣрѣ Мейсонье одинаково-хитро ухитряется выполнить всѣ мельчайшія детали, всю мускулатуру и сухожилия лошади, сбрую, даже ремешки и гайки, не впадая при этомъ въ сухость письма, неизбѣжную въ подобномъ случаѣ у всѣхъ менѣе сильныхъ живописцевъ, какъ на примѣръ Фишель («Шахматные игроки»), или наши миниатюристы г.г. Бакаловичъ, Рицconi, Степановъ и друг. Эта сторона таланта Мейсонье впрочемъ достаточно прославлена и въ средѣ знатоковъ вошло уже въ традиціонный обычай приносить ей дань удивленія. У покойнаго Д. П. Боткина, владельца этой картины, возлѣ нея обыкновенно лежала луна, чтобы каждый посѣтитель галереи могъ съ помощію ее любоваться шириной и сочностью мазка кисти, будто-бы неувимыхъ простымъ глазомъ. И дѣйствительно, простые глаза посѣтителей улавливали въ луну эти мазки, но упускали изъ виду другія, гораздо болѣе крупныя достоинства этой картины, а именно жизненность, красоту и правду выраженія идеи, удивительную гармонію содержанія и формы, дающую зрителю, смотрящему на картину самымъ простымъ глазомъ, полную иллюзію жизни.

Спрашивается: необходима-ли была здѣсь эта изумительная тонкость отдѣлки во всѣхъ мелочахъ, чтобы достичь такой иллюзіи? Оттого-ли фигуры эти до обмана кажутся живыми, что художникъ, исполняя ихъ, не пожалѣлъ своихъ глазъ и употребилъ самыя микроскопическія кисти? Никимъ образомъ! Фотографія съ натуры такого-же сюжета дастъ неизмѣримо болѣе детальныхъ подробностей, но не передастъ и сотой доли той жизни, которую дышетъ картина Мейсонье. Весь секретъ этой жизни въ творествѣ, въ созданіи къ данному случаю подходящихъ типовъ, въ приданіи имъ соотвѣтствующихъ смыслу задачи выраженій и позъ, въ умѣнны безъ малѣйшей натяжки окружить ихъ объясняющей и оправдывающей ихъ положеніе обстановкой и потомъ, уже послѣ всего этого, въ относительномъ отсутствіи погрѣшностей въ рисунокѣ, свѣта-тѣни и краскахъ. Мы говоримъ — послѣ

*) Снимокъ см. „Артистъ“ № 21.

всего, потому что отсутствіе погрѣшностей въ исполненіи не есть необходимое условіе жизненности художественнаго произведенія, да оно едва ли и достижимо. На свѣтѣ нѣтъ произведеній безъ техническихъ недостатковъ и въ данной картинѣ Мейсонье ихъ нетрудно найти всякому специалисту по живописи. Такъ дальняя лошадь написана сильнѣе и отчетливѣе фигуръ на первомъ планѣ, зелень травы и древесной листвы слишкомъ красочна-зелена, наконецъ эта самая роскошь техники, эта чрезвычайная детальность письма, при всей ея виртуозности, все-таки производить впечатлѣніе нѣкоторой сухости въ общемъ и отвлекаетъ вниманіе отъ главнаго разсказа, вызывая усиленное напряженіе зрѣнія и наводя на мысль о лупѣ. Это излишняя расточительность, это прихоть страстнаго миниатюриста-любителя, выдѣлывающаго кружева изъ слоновой кости. А между тѣмъ добрая половина славы Мейсонье обязана именно этой прихоти. Большинство людей, надкихъ на выходящія изъ ряда диковинки, и не подозреваетъ, что Мейсонье остался-бы высокимъ художникомъ и въ томъ случаѣ, еслибъ писалъ свои картины крупными кистями на большихъ холстахъ. Но разумѣется, онъ тогда не пользовался-бы такой исключительной извѣстностью и цѣны на его картины были-бы настолько же ниже настоящихъ, насколько его кисти и холсты были-бы крупнѣе.

Маленькая картинка Фридриха Каульбаха «Идиллія», изображающая влюбленную парочку на берегу ручья въ старомъ паркѣ, въ костюмахъ временъ директоріи, обнаруживаетъ стремленіе нѣмецкихъ художниковъ писать во французскомъ стилѣ. У Каульбаха есть чувство тона и нѣкоторая доля того вкуса, которымъ такъ богато одарены французы. Въ этой картинкѣ пріятный эффектъ достигается особеннымъ пріемомъ живописи, тонкой и мелочной, детальной на фигурахъ и декоративно-широкой и небрежной въ пейзажномъ фонѣ, написанномъ какъ-бы шутя, но мастерски. Въ общемъ, однако, эта вещь значительно уступаетъ французскимъ образцамъ этого рода.

«Курильщикъ» Клауса Мейера — прекрасный этюдъ, и по сюжету и по исполненію сильно напоминающій голландскихъ мастеровъ добраго стараго времени.

Обращаясь къ жанрамъ изъ современной намъ жизни въ этомъ отдѣлѣ, мы должны сказать, что еслибъ мы взяли перечислить здѣсь всѣ существенные признаки и выдающіяся достоинства произведеній этого отдѣла, заслуживающихъ особеннаго вниманія, то намъ не пришлось-бы обойти молчаніемъ почти ни одной картины и отзывъ нашъ растянулся-бы на много страницъ. Поэтому ограничимся указаніемъ только на немногія изъ этихъ преле-

стныхъ картинъ, предпославъ ему нѣсколько общихъ разсужденій.

Обходя маленькую залу, обставленную 60-тью слишкомъ *chef-d'oeuvre* ами, преимущественно очень небольшихъ размѣровъ, но съ очень большими именами Жюль Бретона, Милле, Розы Бонёръ, Детайля, Вотье, Мадрацо и друг., невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ отражается современная жизнь въ творческомъ духѣ каждой національности, имѣющей здѣсь своихъ представителей? Но желаніе провести эту параллель остается неудовлетвореннымъ, во-первыхъ, по малочисленности экспонатовъ каждой націи, а во-вторыхъ потому, что выборъ всѣхъ этихъ произведеній, въ ущербъ характернымъ національнымъ признакамъ, нивелируется здѣсь вкусомъ пріобрѣтателей, почти исключительно русскихъ, выбравшихъ эти вещи сообразно своимъ симпатіямъ и своему русскому міровоззрѣнію, хотя, можетъ быть, иные изъ нихъ и думали, что, собирая свою коллекцію всесвѣтнаго искусства, они были свободны отъ своихъ почвенныхъ предрасположеній и что поэтому ихъ коллекціи представляютъ ассортиментъ самыхъ типичныхъ национальных особенностей тѣхъ цвѣтущихъ расадниковъ искусства, съ которыхъ собранъ ими этотъ медъ. До нѣкоторой степени такой недостатокъ характерности могъ здѣсь произойти, благодаря еще другому фильтру, а именно выбору изъ частныхъ галлерей Москвы, сдѣланному комитетомъ выставки. Но мы знаемъ большинство этихъ галлерей и можемъ сказать съ увѣренностію, что еслибъ все, что имѣется въ нихъ по части новаго европейскаго искусства, было выставлено вмѣстѣ, то русскій вкусъ, руководившій выборомъ, сказался-бы еще интенсивнѣе. На выставку почему-то не попала ни одна картина Кнауца, котораго такъ любятъ москвичи, ни Дефрегера, ни Грюцнера. А ихъ довольно много въ Москвѣ и онѣ болѣе всего приближаются къ русскимъ воззрѣніямъ на задачи искусства.

Какъ-бы то ни было, національность не выражалась ярко въ произведеніяхъ этой выставки. Беккеръ и Фридрихъ Каульбахъ, о которыхъ мы уже говорили, въ данныхъ картинахъ не типичны, какъ нѣмецкіе художники: они немного смахиваютъ на французовъ. Ж. Бретонъ, Детайль, Лермитъ и Бастіанъ Лепажъ (въ эскизѣ извѣстной его картины «Свиданіе») не даютъ понятія объ отличительномъ направленіи французской школы. То же самое, хотя и въ меньшей степени, можно сказать объ испанцахъ Мадрацо и Тапиро, объ итальянцахъ Микетти, Пасини, Путееани и друг. Все это превосходныя картины съ замѣчательной правдой передающія реальную дѣйствительность во всей красотѣ и силѣ красокъ подъ лучами южнаго солнца, новъ то же время

въ нихъ нѣтъ тѣхъ специфическихъ свойствъ, которыя являются результатами особаго склада жизни, исторіи и міросозерцаній каждой націи и которыя такъ бросаются въ глаза иностранцу во всѣхъ проявленіяхъ общественной и частной жизни посѣщаемой имъ страны, несмотря на ассимилирующую роль цивилизации. Свойства эти особенно замѣтны въ искусствѣ и на всемірныхъ выставкахъ, гдѣ каждая нація представляетъ наиболѣе полный отчетъ своей художественной дѣятельности. И на нашей французской выставкѣ 1891 года было не мало такихъ вещей, которыя, такъ сказать, заключали въ себѣ концентрацію французскихъ міровоззрѣній. Возьмите, напримѣръ «Слѣпокъ ночи» Дантана, «Голоса набата» Меньяна, картины Тудуза, Обле, Гролерока и т. д. Одна картина Дусэ «Flirtation», если бы ее поставить сюда на выставку частныхъ владѣльцевъ, ярко отгѣнила-бы собою всю особенность французскаго искусства. Художникъ германской расы, — нѣмецъ, англичанинъ, или голландецъ — напишетъ картину гораздо болѣе значительную по глубинѣ содержанія; испанецъ или итальянецъ, можетъ быть, создастъ вещь колоритнѣе, изящнѣе и горячѣе по глубинѣ страсти; но никто не сумѣетъ съ такой обворожительной легкостью и граціей передать незначительный по содержанію рассказъ, соединить благородство съ пикантностію и реальную прозу съ поэтической фантазіей, какъ это сдѣлаетъ французъ. Ни одной подобной картины не было на разбираемой нами выставкѣ.

Ближе всего къ этому характеру изъ картинъ французской школы подходили двѣ маленькія вещицы Шаплена, двѣ женскія фигурки, полуодѣтыя въ костюмъ пятидесятихъ годовъ, когда онѣ и были написаны, да еще изъ фантастическаго жанра прелестная картинка Діаза «Венера и амуръ» (рядомъ съ которой вспоминается почему-то классическая Венера Калипигосъ) и Густава Моро «Ручей», представляющая утомленную Леду съ улетающимъ отъ нея лебедемъ. Горячій лучъ солнца, пробивающійся сквозь сумракъ листвы въ центрѣ картины, и теплые рефлексы отъ него, играющіе на обнаженномъ тѣлѣ Леды — вотъ сюжетъ картины, полный аромата страсти и зазорнаго, возбуждающаго эффекта. Но это эскизъ, набросокъ, взятый прямо изъ міра фантазіи.

Реальные-же сюжеты, какъ «Сборъ колосьевъ» Ж. Бретона, «Жницы» Лермита, «Пастухъ» Милле, «Угольщикъ» Розы Бонѣръ и «Прогулка кирасировъ» Дешайля, хотя и полны художественнаго настроенія, отзываются трезвостью объективнаго наблюденія, болѣе космополитическаго свойства.

Изъ картинъ другихъ національностей очень близко подходятъ къ французскому духу граціозная маленькая картинка итальянца Микет-

ти «Дѣвочки съ овцами» и Гейльбута (кажется, австрійца) «Прогулка въ лодкѣ». Въ обѣихъ этихъ вещахъ нѣтъ реальной правды, но очень много чувства красоты, лучше сказать, миловидности, пріятнаго тона и вкуса.

Юмористическая картинка Путеани „Смотръ гвардіи“ отзывается мѣстнымъ итальянскимъ комизмомъ, ведущимъ свою родословную отъ чистокровнаго народнаго пульчинелли, духъ котораго такъ и проглядываетъ здѣсь въ болшинствѣ фигуръ, очень мило и весело написанныхъ.

Въ картинѣ испанца Мадраца «Площадь въ Морокко» очень типичныя фигуры туземцевъ, но въ обстановкѣ, въ строеніяхъ, окружающихъ площадь, много крикливой красочности и сухость письма, лишающія картину воздуха и глубины. Превосходна картина другаго испанца Тапиро «Служба въ католической церкви», удивительно колоритная, гармоничная и по силѣ и свѣжести тона, равно какъ и по мѣткости живыхъ типовъ духовенства, одна изъ лучшихъ вещей на всей выставкѣ.

Нѣмецкая школа характернѣе всего была представлена въ картинкѣ Вотье «У адвоката». Типъ стараго нѣмца-судьи, всю жизнь шляющагося по судамъ и адвокатамъ и прикрывающаго темныя стороны своей тяжбы казуистическими изворотами, схваченъ до-нельзя правдиво и, несмотря на нѣкоторую тусклость красокъ и вообще недостатокъ рельефа и силы въ живописи, картинка производитъ глубоко-жизненное впечатлѣніе. Надъ этой группой адвоката и пресвителя-судьи невольно застыть и задумается зритель, вникая въ ихъ внутреннюю жизнь и отойдетъ онъ отъ этой картины съ новымъ вкладомъ въ душѣ, какъ послѣ бесѣды съ умнымъ и симпатичнымъ рассказчикомъ. Какая разница съ впечатлѣніемъ, получаемымъ, напримѣръ, отъ картины Винеа «Остерія». Сколько тутъ блеску, рельефа, свѣжести красокъ, веселья и смѣху! Присутствіе хорошенькой молодой женщины среди веселой попойки съ пѣніемъ и музыкой придаетъ всей этой сценѣ въ остеріи жизнерадостный колоритъ. Но художникъ видимо скользитъ только по внѣшности; онъ не улавливаетъ сути, субстанціи жизни въ этомъ весельѣ и потому зритель, отойдя отъ картины тотчасъ-же забываетъ ея содержаніе, какъ и мы теперь не можемъ возстановить въ памяти, въ чемъ собственно заключается рассказъ этой картины. Помнится только, что все это было красиво, цвѣтисто, слишкомъ нарядно, а стало быть и по внѣшности не совсѣмъ натурально. Новизна и щегольство костюмовъ въ опрятномъ и блестящемъ, какъ стеклышко, подвалѣ остеріи производитъ хотя и пріятное впечатлѣніе, но не похоже на правду, которая прежде всего должна быть существенной задачей

бытовой, реальной картины изъ дѣйствительной жизни.

Точно такъ-же излишество нарядности мы нашли въ картинѣ Петтекофена «У корчмы», въ сущности очень колоритно и хорошо написанной. Все въ ней какъ-бы вымыто, подчищено и приглажено. Происходитъ-ли это отъ особеннаго предрасположенія къ чистотѣ и аккуратности въ письмѣ и подборѣ красокъ, какъ въ рѣчи бываетъ у иныхъ людей любовь къ изысканному, вылощенному слогу, или - же у художника такъ видитъ глазъ, но только эта щепетильная отчетливость манеры и тоновъ кажется ложной, искусственной и послѣ такой живописи очень пріятно обратиться къ картинѣ менѣе тщательнаго письма и съ менѣе опредѣленными красками. Въ нихъ больше простора для воображенія, для иллюзіи натуры, всегда почти неопредѣленной и загадочной какъ въ формахъ, такъ и въ краскахъ.

Укажемъ еще на картину Израэльса «Сосѣдка», какъ на крайнюю противоположность только что описанной. Двое дѣтей съ ближняго двора пришли навѣстить свою сосѣдку — свинью, заключенную въ тѣсную клѣткушку. Скомпанованъ или, какъ говорятъ художники, *взятъ* этотъ сюжетъ очень недурно. Но живопись и краски, хотя и пріятныя въ общемъ тонѣ, здѣсь уже до того неопредѣленны и блѣдны, что плотно это также далеко отъ правды, какъ и «У корчмы», только въ обратную сторону и скорѣй можно его назвать неряшливымъ эскизомъ, чѣмъ картиной.

Заканчивая обзоръ этого отдѣла, слѣдуетъ упомянуть еще о превосходной «Головѣ старика» Теди, очень типичной и замѣчательно выльплеввой, по тонкости живописи напоминающей работы Денпера. Нельзя обойти молчаніемъ и прекрасно исполненную фигуру «Швеи» Пагліано съ симпатичнымъ красивымъ профилемъ, написанную широко, сочно и колоритно. Была въ этой залѣ еще одна «Женская головка» Жаке, но ее можно было и не выставить безъ малѣйшаго ущерба для выставки.

IV.

Переходимъ къ бѣднѣйшему изъ отдѣловъ этой выставки, къ русской живописи, помѣщавшейся въ самой маленькой залѣ, первой отъ входа.

Почему такъ могло случиться, что въ Москвѣ, въ центрѣ Россіи, комитетъ, состоящій изъ русскихъ людей, — любителей искусствъ и первоклассныхъ художниковъ, устраивая выставку въ пользу голодающаго русскаго народа, почти обходитъ русское искусство, отводя ему самое тѣсное помѣщеніе, которое для него оказывается все-таки очень просторнымъ, потому что представительство его за цѣлое столѣтіе его исторіи, начиная отъ Боровиковскаго

и Левицкаго и кончая новѣйшими произведеніями г.г. Бакаловича и Харламова, ограничивается 33-мя картинами большею частію очень незначительныхъ размѣровъ?

Положимъ, что дѣло не въ количествѣ и не въ размѣрахъ. Достаточно и десяти картинъ, чтобы ярко выразить характеръ и направленіе школы любой національности, а тѣмъ болѣе русской, вообще небогатой художественной продуктивностью. Стоитъ только умѣло сдѣлать выборъ. Но что-же представлялъ здѣсь русскій отдѣлъ? Изъ 33-хъ вещей 14 принадлежали къ началу и первой половинѣ столѣтія, когда наша живопись была исключительно подражательная иностраннымъ образцамъ. Въ ней нѣтъ ничего русскаго кромѣ Федотова и Иванова. Венеціановъ въ своей картинѣ «Дѣвушки гадаютъ» смахиваетъ на руссофильствующаго иностранца. Изъ остальныхъ-же 19-ти картинъ г.г. Семирадскій, Харламовъ, Бакаловичъ, Гунъ и Лемавъ еще болѣе чужды всему русскому, чѣмъ Боровиковскій и Венеціановъ. Тѣ хотъ писали русскихъ людей, а эти всецѣло перенесли на чужбину и утратили всякую нравственную связь съ родной почвой. Ихъ произведенія можно было-бы помѣстить въ отдѣлѣ иностраннаго искусства съ такимъ-же правомъ, какъ это сдѣлалъ комитетъ съ картинами Дюкера, уроженца Россіи и воспитанника нашей Академіи Художествъ. Но остается еще 14 нумеровъ, среди которыхъ конечно присутствуютъ самыя выдающіяся имена русской школы и безъ которыхъ нельзя получить представленія о новомъ русскомъ искусствѣ. Такихъ именъ немного: Перовъ, Крамской, г.г. Рѣпинъ, Вл. Маковский, Суриковъ и много, если еще прибавить пять, шесть именъ: 14 нумеровъ для нихъ болѣе чѣмъ достаточно. Но увы! Ни одного названнаго нами художника не было на выставкѣ. Изъ современнаго жанра была только одна выдающаяся типичная русская картина г. Виктора Васнецова — «Картинная лавочка» и затѣмъ нѣсколько хорошихъ пейзажей г.г. Куинджи, Шишкина, Боголюбова, Полѣнова и Лагоріо. Но вотъ и все. Чѣмъ-же руководствовался комитетъ, выбрасывая вышеназванныя имена изъ состава русскаго отдѣла выставки? Достать ихъ картины въ Москвѣ несомнѣнно не представляло никакого затрудненія. Если-же комитетъ не задавался мыслью собрать въ этомъ отдѣлѣ что-нибудь цѣльное и характерное въ національномъ смыслѣ, а ограничился только выборомъ вообще интересныхъ въ художественномъ отношеніи вещей, независимо отъ именъ ихъ авторовъ, то почему-же онъ помѣстилъ на выставку этюдъ В. В. Верещагина, ничѣмъ кромѣ имени не замѣчательный, зачѣмъ тамъ явились двѣ картины г. Степанова (римскаго), ничтожныя во всѣхъ отношеніяхъ, или «Лавочка въ Помпей» г. Бакаловича, съ безвкусно

засушенной живописью на подобіе либиховскаго консерва? Зачѣмъ здѣсь «Дѣтскій портретъ» г. Харламова, плоскій и безжизненный, какъ плохо увеличенная фотографія, съ однотоннымъ коричневымъ лицомъ, совершенно убитымъ шикарно и сочно написаннымъ фономъ? Зачѣмъ здѣсь картина г. Сѣдова, названная въ каталогѣ «Василисой Мелентьевной», потому что главная фигура—Иванъ Грозный такъ далеко отъ своего оригинала, что картина не имѣетъ никакого права называться его именемъ? Мы ужъ не спрашиваемъ, зачѣмъ здѣсь пейзажъ г. Клевера, такъ какъ при всей его незначительности онъ все-таки представляетъ несомнѣнные художественныя достоинства и далеко превосходить всѣ трафаретныя зорі, закаты и лунныя ночи того-же г. Клевера, показанные намъ на его послѣдней отдѣльной выставкѣ.

Выставка картинъ К. Е. Маковского и Ю. Ю. Клевера.

прѣльскій сезонъ художественныхъ выставокъ въ Москвѣ закончился недавно закрытіемъ двухъ послѣднихъ изъ нихъ, а именно картины К. Е. Маковского «Подъ вѣнецъ», помѣщавшейся въ Обществѣ Любителей Художествъ, и выставки картинъ Ю. Клевера, бывшей въ Газетномъ переулкѣ. Обѣ эти выставки не пользовались успѣхомъ, сравнительно съ одновременными съ ними XX передвижной и выставкой изъ частныхъ собраній Москвы, и задолго до опубликованнаго въ газетахъ срока ихъ формальнаго закрытія были, такъ сказать, закрыты de facto самой публикой, переставшей посѣщать ихъ.

Хотя такое обидное отношеніе нашего общества, жаднаго до зрѣлищъ и постоянно сѣтующаго на недостатокъ ихъ, къ столь извѣстнымъ своимъ избранникамъ, какъ К. Маковский и Ю. Клеверъ, заботливо доставляющимъ ему эти зрѣлища, отчасти объясняется на этотъ разъ не особенно высокимъ художественнымъ интересомъ ихъ выставокъ, но надо сказать правду, что въ Москвѣ подобный инцидентъ можетъ случиться и не съ такими избранниками, не съ такими выставками, если они совпадутъ съ разгаромъ дешовки или общественныхъ увеселеній, являющихся всегда параксизмами среди нашей скучной, монотонной, будничной жизни. Только художники такого пошиба, какъ г. Сухоревскій или Жмурко, могутъ рассчитывать на постоянный и вѣрный успѣхъ и картины по-

Но не будемъ взыскательны къ комитетѣ выставки. Онъ работалъ безкорыстно, съ благотворительной цѣлью, составилъ выставку какъ умѣлъ и если въ его выборѣ выразилось болѣе симпатій къ иностранному, чѣмъ къ русскому искусству, а изъ иностраннаго болѣе къ старому, чѣмъ къ новому, то вѣдь съ одной стороны—это неизгладимая исконная черта нашихъ именитыхъ любителей, больше антикваріевъ, чѣмъ эстетиковъ и питающихъ нѣжную слабость ко всему иностранному. У насъ, еще Фамусовъ сказалъ:

«Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ, Особенно изъ иностранныхъ»...

а съ другой стороны все-таки это дало намъ случай увидѣть помимо хлама много интереснаго по части европейскаго искусства. А русское отъ насъ не уйдетъ.

А. Ки—левъ.

добныя «Нана» или «Первый день въ геремѣ» во всякомъ случаѣ найдутъ себѣ достаточный контингентъ поклонниковъ какъ среди публики, такъ и въ печати.

Картина «Подъ вѣнецъ» принадлежитъ къ цѣлой серіи очень крупныхъ картинъ К. Маковского, взятыхъ имъ изъ жизни царей и боярской знати до-петровской Руси. Серія эта началась съ картины «Боярскій свадебный пиръ», написанной въ 1883 году, когда г. Маковский еще былъ членомъ Товарищества Передвижныхъ выставокъ. Слава-ли, распространившаяся о высокихъ достоинствахъ этой картины еще до выхода ея изъ мастерской художника, общавшая ему блестящій успѣхъ, побудила его устроить свою отдѣльную отъ Товарищества выставку, или были тому другія причины, но съ этого года К. Е. Маковский уже не членъ Товарищества и картины его не появляются болѣе на передвижныхъ выставкахъ. «Боярскій свадебный пиръ» дѣйствительно имѣлъ огромный успѣхъ въ Россіи и за границей и съ Антверпенской выставки картина была продана въ Америку. Слѣдующая затѣмъ картина «Выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ» была написана по заказу въ Америку-же, далѣе появилась «Смерть Ивана Грознаго» и наконецъ послѣдняя пзъ этой серіи «Подъ вѣнецъ» была написана въ 1890 году и появилась у насъ уже послѣ парижскаго Салона, гдѣ она была выставлена въ прошломъ году.

Но изъ всѣхъ этихъ четырехъ картинъ луч-

шею остается «Свадебный пиръ». Той силы и богатства красокъ, того разнообразія и жизни въ типахъ, которыми отличается эта картина, не могъ уже достигъ г. Маковский въ послѣдующихъ работахъ и отличительныя достоинства его палитры и живописи идутъ регрессивно, ослабѣвая въ каждой картинѣ все болѣе и болѣе.

Однако все-таки картина «Подъ вѣнецъ», о которой мы намѣрены говорить здѣсь, стоитъ неизмѣримо выше самой послѣдней картины г. Маковского «Вакханалія», бывшей на академической выставкѣ этого года. Такого скачка сверху внизъ въ духѣ г. Сухаровскаго нельзя было ожидать отъ г. Маковского, не взирая на всѣ его живописныя жалости въ видѣ пано, ширмъ, экрановъ и т. д. Впрочемъ и въ женскихъ голевкахъ, и въ портретахъ, и даже въ историческихъ его картинахъ всегда сказывалось особенное расположеніе къ той сторонѣ женской красоты, которая обличаетъ въ ней только самку и ничего болѣе. Разумѣется, это нравится очень многимъ, тѣмъ болѣе, что г. Маковский обладаетъ очень пикантнымъ вкусомъ въ этомъ отношеніи. Но злоупотребленіе этимъ вкусомъ не можетъ пройти безнаказанно и женскіе типы г. Маковского все болѣе лишаются оригинальности, благородства и жизни.

Невѣста въ картинѣ «Подъ вѣнецъ» есть повтореніе далеко не первое этого типа и здѣсь обращается просто въ схему притворно-угнетенной стыдливости. Окружающія ее подруги, смѣющіяся и поющія, всѣ на одно лицо и тоже давно знакомы публикѣ по прежнимъ картинамъ г. Маковского. Старуха, расчесывающая волосы невѣсты, какъ и всѣ старухи въ его историческихъ картинахъ (кромѣ няньки Грознаго), съ жирнымъ подбородкомъ, улыбающаяся какою-то скоромною улыбкой, имѣетъ въ лицѣ что-то гадкое. Лучшая изъ фигуръ въ картинѣ—это подруга невѣсты, сидящая у ногъ ея. Въ ея лицѣ есть выраженіе болѣе благороднаго и глубокаго чувства, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ.

Но лучшее въ картинѣ—это *nature-morte*, костюмы и обстановка. Хотя и съ этой стороны живопись въ картинѣ «Подъ вѣнецъ» значительно уступаетъ прежнимъ работамъ г. Маковского, но и въ ней любители собственно живописи, щегольскихъ техническихъ приемовъ найдутъ много такого, чѣмъ полюбоваться: всѣ ткани, мѣха, бахрома, коверъ и разныя деревянныя украшенія переданы мастерски и съ большимъ вкусомъ. То же самое можно сказать о колоритѣ этой картины, очень пріятномъ и сильно въ свѣтахъ съ эффектнымъ подборомъ красокъ, такъ что въ общемъ съ внѣшней стороны картина производитъ впечатлѣніе нарядности и веселить глазъ.

Однако всѣ эти костюмы и обстановка, какъ-бы тщательно и мастерски ни были они пере-

даны въ картинѣ г. Маковского, не воскрешаютъ передъ нами той эпохи, изъ которой они взяты, не вѣютъ на насъ духомъ времени, потому что они облачаютъ здѣсь людей, ничѣмъ не связанныхъ съ этимъ временемъ, равно какъ и съ событіемъ приготовленія къ вѣнцу, не живущихъ вовсе той жизнью, о которой рассказываетъ художникъ. Мы видимъ здѣсь только красивыхъ натурщицъ, равнодушнопозирующихъ въ живой картинѣ. Поэтому, при всѣхъ ея техническихъ достоинствахъ, она производитъ впечатлѣніе неотразимой скуки и очень скоро забывается.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о выставкѣ г. Клевера.

Прежде всего поражала на этой выставкѣ декоративная отдѣлка помѣщенія, напоминающая дешевый *café-chantant* или балаганъ странствующаго фокусника-жонглера, гдѣ можно увидѣть великана или карликовъ и услышать пѣніе искусственнаго соловья. Какъ нелѣпы были въ каменномъ помѣщеніи эти берестовые столбики и балюстрады, какъ не кстати среди картинъ торчали искусственные букеты травъ и цвѣтовъ и чучелы птицъ! Каковы-бы ни были картины, выставляемыя въ такихъ условіяхъ, если только это не лубочная, подворотная живопись, онѣ должны были потерять всякій художественный интересъ, по крайнѣй мѣрѣ по первому впечатлѣнію ихъ должна была погубить, низвести на степень лубка эта недостойная обстановка.

Къ декорированію своихъ выставокъ соответствующими предметами прибѣгали и другіе художники, какъ В. В. Верещагинъ, К. Е. Маковский и г. Сухаровскій. Восточные предметы, ковры и оружіе шли какъ нельзя болѣе къ военнымъ картинамъ г. Верещагина. Будущая обстановка къ картинѣ «Нана», полумракъ, цвѣты, тувельки на коврѣ и брошенный тутъ же дамскій костюмъ усиливали болѣе чѣмъ на половину то впечатлѣніе, котораго добивался г. Сухаровскій въ смыслѣ соблазна и зазыванья къ запретному плоду, и безъ этой обстановки картина его не имѣла-бы никакого успѣха и была-бы только противна, какъ противна для трезваго человѣка набѣленная и нарумяненная нагота среди бѣлаго дня.

Но картины г. Клевера все-таки до нѣкоторой степени художественныя произведенія. Между ними попадаются, хотя все рѣже и рѣже, прекрасные пейзажи, напоминающіе его прежнее искреннее и любовное отношеніе къ природѣ, и къ нимъ рѣшительно не подходятъ эти бутафорскіе пейзажные атрибуты, какъ клочки театральной декораціи, вынесенные подъ открытое небо, на солнечный свѣтъ. Мы говоримъ о той части его выставки, которая помѣщалась въ первой залѣ и освѣщалась дневнымъ свѣтомъ изъ оконъ.

Другое дѣло—его центральная картина «Лѣсной царь», этотъ перлъ фантазіи меркантильнаго свойства, запятанный, какъ въ западню, въ темный чуланъ и едва освѣщенный огнемъ больше сзади, чѣмъ спереди, съ расчетомъ на иллюзію луннаго свѣта, и съ цѣлыми натуральными кустами и камнями, расположенными передъ картиной въ совершенныхъ потемкахъ. Что это такое? Какъ не стыдно г-ну Клеверу, автору «Лѣсной глуши», «Запущеннаго парка», «Вечера на островѣ Рюгенѣ» и многихъ другихъ прекрасныхъ пейзажей, пускаться на такіе кунштштюки, оспаривая у г. Сухорова его дешевые, предосудительные лавры!? Мы лишены возможности, да и не имѣемъ охоты дать какую-нибудь оцѣнку картинѣ: она сама авторомъ поставлена внѣ условій художественнаго произведенія. Скажемъ только, что въ этой обстановкѣ она производитъ жалкое, мизерное впечатлѣніе и отъ нее уходитъ съ чувствомъ человѣка, грубо обманутаго недостойной шуткой.

Другія картины г. Клевера—все-таки картины, хотя большинство изъ нихъ откровенно обнаруживаютъ полное истощеніе таланта ихъ автора. Вѣрнѣйшая оцѣнка ихъ заключается въ двухъ словахъ: трафаретъ и шаблонъ. Г. Клеверъ любилъ когда-то въ природѣ красныя зори и розовые закаты. Онъ много наблюдалъ въ природѣ борьбу этихъ розовыхъ лучей съ безстрастными тонами похолодѣвшаго востока и ему удалось передать нѣсколько тонко-гармоничныхъ и глубоко-прочувствованныхъ мотивовъ въ этомъ родѣ, преимущественно въ зимнихъ пейзажахъ, занесенныхъ глубокимъ и дѣвственно-чистымъ снѣгомъ. Вещи эти очень понравились и на нихъ явился большой спросъ. Цѣны на такіа картины г. Клевера значительно

поднялись и вотъ онъ сталъ фабриковать ихъ дюжинами, безъ натуры, по горячему слѣду и заполнилъ спросъ. Но остановиться во время онъ уже не могъ. Рука разошлась,—и красные закаты, красные стволы березъ и красный снѣгъ заполнили всѣ выставки, гдѣ появлялся г. Клеверъ. Но чѣмъ больше повторялъ онъ эти мотивы, тѣмъ дальше удалялся отъ натуры, тѣмъ больше утрачивалъ художественное настроеніе, все болѣе переходя въ шаблонъ. Повторять одни и тѣ же мотивы можетъ художникъ безнаказанно, и даже съ успѣхомъ прогрессируя въ нихъ, если онъ постоянно подновляетъ впечатлѣнія непосредственнымъ общеніемъ съ натурой, изученіемъ ее, какъ это дѣлаетъ И. И. Шишкинъ. Но писать все одно и то же отъ себя, по памяти и наскоро, безъ внутренней потребности и любви къ этому дѣлу нельзя безнаказанно. Оттого-то всѣ нынѣшніе закаты, зори и зимки г. Клевера такъ безжизненно-трафаретны и скорѣе похожи на бездарныя очень плохія копіи съ его прежнихъ работъ.

Таковы и на послѣдней его выставкѣ были: «Домъ рыбака», «Вечеръ зимою», «Закатъ солнца въ лѣсу», «Оттепель», «Весна» и другія. Нѣсколько картинъ его другихъ мотивовъ были гораздо лучше. Назовемъ изъ нихъ: «Финляндскій видъ», вѣроятно писанный съ этюда, или прямо съ натуры и еще лучше его этюдъ «Видъ въ имѣніи г. Кузнецова, Фороссъ». Изъ картинъ недурны «Лѣтняя ночь» съ восходящей луной и «Лѣсъ». Но лучшая вещь на выставкѣ—это «Паркъ весной» съ бѣлой вазой среди зелени. Эта картина очень сильна и изящна по колориту и напоминаетъ самое цвѣтущее время художественной дѣятельности г. Клевера.

И. П.—въ.

3. Р. Кочетова.

30 марта русское искусство понесло неожиданную потерю: скончалась одна изъ талантливейшихъ и симпатичнѣйшихъ нашихъ оперныхъ пѣвицъ, Зоя Разумникова Кочетова (по мужу Немировичъ-Данченко), не перейдя и тридцатилѣтняго возраста, т.-е. въ пору, когда другія только начинаютъ свою артистическую карьеру. Первая вѣсть о ея ранней смерти произвела въ Москвѣ, хорошо помнявшей эту даровитую и изящную женщину,—невыразимое впечатлѣніе. Не хотѣлось вѣрить, что намъ предстоитъ хоронить еще недавнюю любимицу нашихъ меломановъ, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ бывшую кумиромъ молодежи, для которой каждое появленіе З. Р. на оперной сценѣ было артистическимъ празд-

никомъ. Мы не забыли эту красивую, тоненькую, воздушную Офелію именно такою, какою она явилась первый разъ на нашей оперной сценѣ съ ея несильнымъ, но чудесно обработаннымъ голосомъ, не знавшимъ никакихъ неодолимыхъ трудностей въ вокальномъ искусствѣ. Давно ли, кажется, мы каждый ея выходъ встрѣчали такими искренними и шумными аплодисментами. Еще не замерли послѣднія отзвучія ея голоса,—а намъ приходится уже заносить ея имя въ скорбный листъ угаснувшихъ русскихъ талантовъ!

З. Р. Кочетова родилась въ С.-Петербургѣ, но училась въ московской консерваторіи подъ руководствомъ своей матери, бывшей тогда законною гордостью оперной сцены, а те-

перъ одной изъ лучшихъ преподавательницъ пѣнія. Нѣкогда — тоже покойникъ, — Н. Г. Рубинштейнъ, изумляясь выдающейся даровитости юной ученицы, предсказывалъ З. Р., что она создастъ эпоху въ вокальномъ искусствѣ, если здоровье ея поправится. Но, увы! Это именно и было ея непосильнымъ крестомъ во всю ея жизнь. Сила таланта рядомъ съ хрупкостью организма, неудержимые порывы, сознаніе, что для исполненія широкихъ замысловъ хватить и таланта и умѣнія, и тутъ же постоянныя болѣзни, такъ рано подточившія это «трагическое» существованіе. Все — и феноменальная обработка ея голоса, и сердце, стремившееся къ вѣчнымъ идеаламъ добра и художественной красоты, и крупное дарованіе, и неутомимая жажда знанія, и впечатлительность, и страстная любовь къ сценѣ — все это рухнуло передъ неумолимою болѣзнію!...

Занявъ въ нашемъ Большомъ театрѣ амплу колоратурнаго сопрано, З. Р. такъ исполняла Джильду въ «Риголетто», Лучію, королеву въ «Гугенотахъ», Маргариту въ «Фаустѣ», Людмилу («Русланъ и Людмила»), Антониду («Жизнь за Царя»), что эти давно знакомые образы точно обновились. Ея артистическій темпераментъ не давалъ ей успокоиваться на легко достававшихся ей лаврахъ. Она продолжала работать надъ собою. Какъ колоратурная пѣвица — она мало имѣла соперницъ. Голосъ ея гибкій, серебристый, доходилъ до трехчертнаго «соля» Были партіи, которыя только она могла исполнять въ томъ тонѣ, въ какомъ онѣ написаны. Па концертной эстрадѣ она была еще цѣннѣе. Но молодой артисткѣ хотѣлось раздвинуть шире предѣлы своего амплу. Она мало-по-малу переходила на лирическія партіи. Голосъ ея крѣпъ, выигрывалъ въ медіумѣ, ничего не теряя въ верхнемъ регистрѣ. Казалось бы безуміемъ упустить такую артистку, но... Не она была первой и не она будетъ послѣдней. Въ исторіи нашей отечественной оперы не мало печальныхъ страницъ; лучшія ея силы должны

были часто уходить и искать себѣ простора или въ провинціи или за-границей — Лавровская въ свое время, Свѣтловская потомъ... Спѣвъ послѣдніе разы партію Антониды въ парадномъ спектаклѣ въ день коронаціи, и Людмилы, черезъ нѣсколько дней — она оставила русскую сцену навсегда! Ея отъѣздъ за границу тогда изумилъ всѣхъ! Долго наша публика не мирилась съ этимъ, ничего не понимая въ особой закулисной логикѣ!... Г-жа Кочетова, выйдя въ 1884 году замужъ за писателя Вас. И. Немировича-Данченко, не потерялась за границей. Она въ іюлѣ 1884 г. уже выступаетъ въ Миланѣ въ «Риголетто», въ октябрѣ того же года въ Венеціи въ «Ди-

норѣ», «Мартѣ» и «Травіатѣ». Зимой 1885 года она поетъ въ Мадридѣ, въ королевской оперѣ — Люцію, Джильду, Офелію, Маргариту, весною въ Teatro San Fernando — въ Севильѣ, слѣдующую зиму — въ Веронѣ Динору, Маргариту, Сѣверную звѣзду (Teatro Filarmonico). — Затѣмъ опять слѣдуютъ: Ницца, Миланъ, Парма и т. д. Знаменитый итальянскій музыкальный критикъ Филиппи, послѣ симфоническаго концерта въ Миланѣ, въ которомъ она участвовала, писалъ о ней въ газетѣ «La Perseveranza»: «Италія въ настоящее время изъ своихъ молодыхъ артистокъ не можетъ выставить ни одной пѣвицы, которая могла бы соперничать

обработкою и красотою, хотя и не сильнаго, голоса съ этимъ русскимъ соловьемъ...» Грамола въ «Corriere della Sera» говорилъ: «удивительна та страна, которая упускаетъ подобную артистку. Или театральные руководители ничего тамъ не понимаютъ, или они слишкомъ богаты талантами, такъ что могутъ швырять ихъ съ расточительностію мотовства». Но З. Р. не увлекали успѣхи за границей. Она была положительно больна тоскою по родинѣ. Кромѣ того, на итальянскихъ сценахъ оперные сезоны бываютъ короткіе и труппа собирается въ обрѣзъ, надо пѣть ежедневно. Ремесленники, не отдающіеся беззавѣтно сценѣ, выдерживаютъ это, но Ко-

четова, страстно любившая искусство, жившая имъ, слишкомъ много тратила своего здоровья на сценическія тревоженія. Она отдыхала, уѣзжая съ мужемъ въ далекія страны. Но ее неудержимо влекло на родину. Она была больна ею—этою, такъ несправедливо оттолкнувшею ее, родиной! Возвращаясь въ Россію, З. Р. сначала оправлялась. Къ сожалѣнію, привыкая уже къ теплomu климату юга, она съ наступленіемъ зимы болѣла и снова должна была оставлять Москву. Съ 1888 года она уже совсѣмъ покинула сцену. Когда въ Италіи узнали о томъ, что сильная простуда заставила молодую пѣвицу отказаться отъ карьеры, то Патуччи, одинъ изъ выдающихся писателей Ломбардіи, отмѣтилъ это «какъ большую утрату для искусства... Въ наши дни,—говорилъ онъ,—общаго огрубѣнія и пониженія вкусовъ ухоть со сцены Кочетовой весьма печаленъ. Съ нею мы теряемъ одну изъ немногихъ представительницъ когда-то такъ славившагося нашего bel-canto». Послѣдніе годы передъ этимъ голосъ ея значительно развился, выросъ въ медіумъ и обѣщалъ еще болѣе въ будущемъ. Изъ талантливой пѣвицы она дѣлалась уже замѣчательною артисткою. Она уже готовила такія партіи какъ Джоаконду, Карменъ, но должна была бросить все, съ отчаяніемъ сознавая, что для нея легче отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ сцены. Вмѣстѣ съ мужемъ она совершила много путешествій, объѣхала Испанію, Сицилію, Грецію, посѣщала Африку. Горячее солнце юга и его теплое море возвращали ей утраченныя силы, но съверъ немедленно убивалъ ихъ опять. Голосъ она потеряла во время дороги съ Кавказа въ Москву. На Гудаурскомъ перевалѣ ее, легко одѣтую, застала снѣговая мятель; по пути изъ Владикавказа въ Москву черезъ Воронежъ скверный душный вагонъ 1-го кл. съ отвратительною топкою—довершили остальное. Спасаясь отъ угара, З. Р. почти всю дорогу простояла снаружи и простудилась окончательно! Одинъ изъ нашихъ писателей въ напечатанныхъ имъ воспоминаніяхъ о ней, говоритъ: «разговаривать съ этой много видѣвшей и высокообразованной женщиной было истиннымъ наслажденіемъ. Это была щедро одаренная Богомъ натура, гибкій, свѣтлый умъ, развитый массой разностороннихъ свѣдѣній. Ея рѣчь была потокомъ живаго блестящаго остроумія. Нервная, въ высшей степени мягкосердечная, она оставила по себѣ добрую память среди московской учащейся бѣдноты»... Полная энергія, жаждущая живой и шумной дѣятельности, она изнемогала подъ бременемъ бездѣйствія, фатально присужденнаго ей недугами. Она старалась замѣнить одно искусство другимъ—начала заниматься литературою, и первый ея опытъ былъ очень удаченъ; стала піанисткой, обѣщая и въ этомъ

отношеніи выдающуюся силу; но лѣтомъ на Рюгенѣ она простудилась, а въ декабрѣ прошлаго года судьба ея уже была ясна... Всѣ эти мѣсяцы были тихой агоніей артистки, обреченной смерти. Болѣзнь сердца развивалась у нея съ неумолимою, поразительною быстротою... Но страстная жажда знанія не оставляла ее и въ этомъ послѣднемъ періодѣ жизни. Уже лежа въ постели, полуумирающая, она продолжала учиться и работать, не слушая ни мужа, ни матери... 29 марта, наканунѣ смерти, она попросила музыки: «я такъ давно ее не слыхала!» Ей хотѣлось слышать «Мейстерзингеровъ» Вагнера. Нотъ не оказалось и братъ исполнилъ для нея нѣсколько пьесъ. Изъ-подъ ея опустившихся вѣкъ выступили слезы... «Благодарю,—тихо проговорила она... Я простила теперь съ искусствомъ!» Утромъ 30-го кровь хлынула у нея горломъ... Тихо, въ полномъ сознаніи, безъ мученій, угасла она, прощаясь со всѣми, кого она любила, повторяя окружающимъ:

— О чемъ вы?.. Умирать вовсе не страшно... Вотъ я и спокойна... Мнѣ такъ легко теперь!.. Прощайте... Больная я была въ тягость всѣмъ... Какъ хорошо теперь!.. Какъ хорошо!..

Бѣдной Офеліи не стало... Ея блѣдныя губы улыбались—чему? Не новому ли открывшемуся ей міру?..

Большая церковь св. Бориса и Глѣба была сплошь полна пришедшими поклониться ей москвичами. Гробъ, утопавшій въ цвѣтахъ, едва можно было пронести на мѣсто. Тихая грусть лежала на всѣхъ лицахъ. Множество вѣнковъ было доставлено поклонниками ея таланта. Были даже присланные изъ Петербурга... Цвѣты, которые такъ любила покойная, покрываютъ и ея могилу въ Донскомъ монастырѣ...

Не задолго до смерти молодой артистки извѣстнымъ итальянскимъ поэтомъ Де-Кастро было посвящено и послано ей стихотвореніе, которымъ мы и заканчиваемъ нашъ некрологъ. Увы—стихи эти уже не застали бѣдную артистку въ живыхъ.

ALL ESIMIA ARTISTA DI CANTO

Z O E C O S E T O V A.

Vita suona il suo nome: il vivo sguardo,
Che brilla come del mattin la stella,
A me rivela il suo sentir gagliardo,
Che a forte e generosa alma assorella.

Quando ella parla, estatico la guardo,
E pendo dalla sua dolce favella;
Ha romane le forme e il cor lombardo,
Ma la faccia del corpo è ancor più bella.—

Dalla sua Nawa, ove di Pietro grande
Suona la fama, all' insubre dissende
Città che bel di lei nome già spande.

Di Gilda il canto, creatura d'Eva,
Di figlia e amante il puro amore accende,
Che l' uomo imparadisa e a Dio solleva.

Мы слышали, что романъ, такъ удачно начатый покойною—будетъ продолженъ и оконченъ ея мужемъ.

К. Т.

ПЕТЕРБУРГЪ.

«Князь Серебряный» г. Казаченко.—Дебюты.—Итоги опернаго сезона.—Концерты Придворной Капеллы.

а десять дней до закрытія русской оперы состоялось первое представленіе «Князя Серебрянаго» г. Казаченко, подъ личнымъ управленіемъ самого автора, которому публика оказала очень хорошій пріемъ. Но по мѣрѣ того, какъ картины (а ихъ цѣлыхъ 9) слѣдовали

одна за другой, первоначальное настроеніе слушателей все болѣе и болѣе расхолаживалось, такъ что автора къ концу вечера вызывала лишь небольшая группа неизбѣжныхъ радѣтелей первыхъ представленій. Черезъ день опера была повторена при неполномъ театрѣ, назначенныя же еще два представленія были отменены. Въ виду такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы не будемъ вдаваться въ подробный разборъ оперы, надъ которой состоялся такой суровый приговоръ. Сюжетъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы его передавать, въ музыкѣ же гораздо болѣе свойствъ утомляющихъ, чѣмъ интересующихъ; она вполнѣ прилична, но не увлекательна. У г. Казаченко хорошія намѣренія, много эрудиціи, онъ очень тщательно отнесся къ своему первенцу, самъ составилъ для него либретто; но у него нѣтъ творчества, вовсе нѣтъ оригинальности: въ этой новой оперѣ все давно знакомо. Къ тому же всѣ партіи, не исключая хоровыхъ, написаны на самыхъ неудобныхъ для голосовъ регистрахъ, вслѣдствіи чего пѣвцовъ почти совсѣмъ не слышать. Последнее обстоятельство всего страннѣе, такъ какъ авторъ состоитъ хормейстеромъ русской оперы и въ качествѣ такового имѣлъ полную возможность близко ознакомиться съ тѣмъ, что можно требовать отъ каждаго голоса. Это неумѣніе въ веденіи голосовъ и обусловило, главнымъ образомъ, неуспѣхъ оперы. Исполнители приложили всѣ свои старанія къ дѣлу, но изнемогли подъ непосильнымъ трудомъ проникнуть наиболѣе слабыми нотами своихъ голосовъ сквозь непомѣрно сильно звучащій оркестръ. Исключеніе составилъ г. Стравинскій, игравшій Грознаго, да и то потому, что пѣвцу при-

шлось больше играть, чѣмъ пѣть; онъ съ обычнымъ совершенствомъ воспроизвелъ суровую историческую фигуру, знакомую намъ по «Калашникову».

Прослушавъ «Князя Серебрянаго», невольно возникаетъ вопросъ: для чего нужно было ставить эту оперу, заставляя сотни лицъ хора и оркестра и болѣе двухъ десятковъ солистовъ трудиться надъ разучиваніемъ партій, положить столько труда на режиссерскую часть и т. д.? Принимая во вниманіе, что въ теченіе сезона, кромѣ «Эскалмонды», новинками были «Поэтъ», г. Кроткова, «Донъ-Жуанъ», г. Направника и «Князь Серебряный» г. Казаченко и что всѣ эти три композитора состоятъ на службѣ при театрѣ, является предположеніе, не въ награду ли за хорошую службу разрѣшается исполненіе «плодовъ досуга»? Можно бы, пожалуй, помириться и съ такими порядками, если бы рядомъ съ посредственностями ставились и другія выдающіяся произведенія. На дѣлѣ же выходитъ какъ разъ наоборотъ: «Поэтъ» и «Князь Серебряный» даются, а «Млада» г. Римскаго Корсакова откладывается въ долгій ящикъ.

Передъ закрытіемъ оперныхъ представленій состоялись еще дебюты г-жи Михайловой въ роли королевы въ «Гугенотахъ» и г. Лодія въ роли князя въ «Русалкѣ». Последній прекрасно исполнилъ свою партію и долженъ былъ повторить каватину. Голосъ его звучалъ отлично и вообще пѣвецъ насъ въ этой роли удовлетворилъ гораздо болѣе г. Фигнера. Тѣмъ не менѣе высказаннымъ нами въ прошедшемъ письмѣ надеждамъ видѣтъ г-на Лодія на казенной сценѣ, кажется, не суждено сбыться. Г-жа Михайлова обладаетъ хорошо обработаннымъ, довольно звучнымъ голосомъ, но еще весьма малоопытная пѣвица. Она и г-жа Рунге, по слухамъ, приглашены на сцену. Дебютъ г-жи Пономаревой въ роли княгини въ «Русалкѣ» лучше пройти молчаніемъ: онъ былъ очень неудаченъ.

Репертуаръ послѣдняго мѣсяца состоялъ изъ «Фауста», «Руслана», «Гугенотъ», «Нижегородцевъ», «Русалки», (по 2 раза), «Пиковой Дамы», «Демона» (по 1 разу) и «Жизни за

Царя» (3 раза). Подъ звуки «Руслана» русская опера закрыла свои двери 30 апрѣля, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончила и одинъ изъ самыхъ безотрадныхъ сезоновъ. Не говоря уже о постоянно уменьшающейся дѣятельности, въ смыслѣ постановки и выбора новыхъ вещей, о чемъ сказано выше, репертуаръ все болѣе и болѣе сокращается, ограничиваясь весьма замѣтно небольшимъ кругомъ заигранныхъ оперъ. Последнее явленіе находится, впрочемъ, въ прямой зависимости отъ состава труппы, которая почти не пополняется новыми силами, старая же теряетъ ежегодно. Въ нынѣшнемъ году мы едва не потеряли г-жи Мравиной и окончательно потеряли г. Васильева, а такъ какъ онъ пока никѣмъ не замѣненъ, то вся тяжесть теноровыхъ партій будетъ лежать на гг. Михайловѣ и Фигнерѣ, изъ которыхъ у перваго голосъ все болѣе и болѣе вибрируетъ, а второй только черезъ силу можетъ пѣть такія партіи, какъ, напримѣръ, Рауля въ «Гугенотахъ»; намъ больно было слышать артиста въ этой оперѣ и присутствовать при его настойчивыхъ, но тщетныхъ стараніяхъ давать верхнія ноты, которыхъ такъ много въ этой роли. Въ меньшей степени, но не менѣе ощутительно слабѣе сталъ также голосъ и г-жи Фигнеръ, которая уже съ трудомъ справляется, напримѣръ, съ партіей Валентины въ тѣхъ же «Гугенотахъ». А такъ какъ весь излюбленный публикою репертуаръ все болѣе и болѣе сосредоточивается на этихъ двухъ пѣвцахъ, то станетъ понятнымъ, если будущій сезонъ представляется намъ далеко не въ розовомъ свѣтѣ.

Рѣдкое наслажденіе выпало на долю тѣхъ лицъ, которымъ удалось достать билетъ на духовный концертъ *Придворной Пѣвческой Капеллы*, состоявшійся 12 мая, въ пользу недостаточныхъ учениковъ инструментальнаго класса Капеллы, въ небольшомъ, но чрезвычайно изящномъ залѣ ея, отличающемся удивительною акустикой. Чудные голоса и поразительно стройное, строгое исполненіе составляютъ традиціонныя качества этого хора, а нѣжное мягкое интонированіе совершенно очаровываетъ слушателя. Программа состояла изъ сочиненій: Азѣва, Бортнянскаго, Глинки, Грибовича, Ломакина, Львова, Макарова. Мы затрудняемся отдать предпочтеніе исполненію какой-нибудь отдѣльной вещи, но не можемъ не отмѣтить «Херувимской» Глинки, спѣтой просто удивительно. Какъ жаль, что Капелла такъ рѣдко устраиваетъ публичные концерты; а между тѣмъ спросъ на билеты такъ великъ, что послѣдній концертъ пришлось цѣликомъ повторить, чтобы дать возможность прослушать его всѣмъ неполучившимъ билетовъ на первый вечеръ.

Лель.

Петербургскія частныя сцены

(отъ нашего корреспондента).

„Этотъ май-чародѣй, этотъ май-баловникъ!“ какъ говорилъ поэтъ, въ дѣйствительности оказался чѣмъ-то хуже заклятаго врага для представителей Мельпомены. Адскій холодъ и чисто осенній дождь удручающе вліяли на актеровъ, пѣвцевъ и танцоровъ, принужденныхъ упражняться на открытыхъ сценахъ. Судить о талантѣ исполнителей или о голосѣ пѣвицы когда у нихъ зубъ на зубъ непопадаетъ—довольно затруднительно и потому укажемъ сначала на общій колоритъ нашихъ столичныхъ увеселеній. У насъ царитъ оперетка.. русская, французская, интернаціональная, нѣмецкая и скоро, какъ говорятъ, будетъ даже чухонская. „Скажи мнѣ, что ты любишь—я скажу кто ты..“ Мы—любимъ веселье, но сами веселиться не умѣемъ и одинаково брюжжимъ, говоря: „дайте намъ оперетку!“, когда смотримъ драму и, требуя драму, когда слушаемъ оперетку. Угодить на истаго петербуржца не легко и только немногіе изъ увеселителей постигли сей выгодный секретъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ г. жа Линская-Неметти, въ саду которой всегда масса публики, и публики *довольной*, имѣющей своихъ любимцевъ и любимицъ и всюду превозносящихъ „свой“ садъ. В. А. Неметти ставитъ русскія оперетки и ставитъ прекрасно. Хорошіе исполнители, въ числѣ которыхъ находится Дора Беннати, г-жа Смолина, гг. Каменскій, Рудковскій и др., прекрасная обстановка, свѣжіе костюмы и строгое приличіе, все привлекаетъ вниманіе публики, и, чуждый газетной рекламы, уголокъ вѣчно биткомъ набитъ посѣтителями. Второе мѣсто занимаетъ Аркадія съ неутомимымъ г. Глицбургомъ во главѣ. Разнообразныя увеселенія въ саду и французская оперетка въ закрытомъ театрѣ, съ талантливыми исполнителями, но... не взирая на сообщенія газетъ, что „театръ набитъ биткомъ“, публика лѣнливо посѣщаетъ нѣкогда излюбленное загородное гулянье. Причина конечно погода, въ которую пріятнѣе сидѣть дома, чѣмъ зябнуть въ досчатомъ театрѣ. Возродившаяся изъ пепла Ливадія, подъ названіемъ „Эрмитажа“, только что открыла свои двери. Тамъ блещутъ красотой и нарядами, но пока что—трудно сказать что-либо опредѣленное какъ о репертуарѣ, такъ и объ исполнителяхъ. Спектакли начались „Наслѣдствомъ Тупинеля“ и только одинъ изъ артистовъ, комикъ г. Жуковский, имѣлъ серьезный успѣхъ. Остальные... Но имъ было холодно и они не выучили или забыли свои роли, а когда артисты говорятъ „отъ себя“—критикъ смолкаетъ. Затѣмъ въ Эрмитажѣ выступаетъ г. Вязовскій, а вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ переносится „Коршевскій“ репертуаръ, которымъ мечтаютъ и завлечь и развеселить брюжжашаго петербуржца.

На Крестовскомъ, тамъ, гдѣ еще недавно исполнялось „Горе отъ ума“, и гдѣ черезъ нѣсколько дней, подъ руководствомъ М. В. Аграмова, пойдутъ новыя мелодрамы въ родѣ „Брата дьявола“ и „Сестры чорта“, даетъ свои представленія „король клоуновъ“ (?) г. Дуровъ, а маленькія крысы, мыши и другое дисциплинированное звѣрье, замѣняетъ *grande dames, ingenue* и первыхъ любовниковъ, возбуждая точно такія же рукоплесканія, какъ и г. Бабиновъ, когда онъ игралъ Любима Торцова или Расплюева. *Sic transit...* Если судить о культурной жизни Петербурга по тѣмъ развлеченіямъ, которые предлагаются столичному обывателю, то пришлось бы вывести печальное заключеніе, но... развлеченія *предлагаются*, а публика не идетъ на такія приманки...

Загородные театрики, въ которыхъ даются драматическія представленія, еще не открылись. Въ Лѣсномъ, антрепренершей, г-жею Бахтіаровой, для перваго спектакля ставится пьеса М. П. Садовскаго „Душа потемки“, въ Озеркахъ — „Гамлетъ“ съ гаст-ролеромъ г. Россовымъ, въ Стрѣльнѣ, въ новомъ театрѣ г. Степанова, „Лѣсъ“, но... не спѣшите хвалить репертуаръ. Плохо обставленные и еще хуже спетованные, съ любителями, вмѣсто опытныхъ артистовъ, и эти пьесы не сдѣлаютъ сбора и антрепренеры выбранныя конечно не себя, а избранный, но чьему либо совѣту, репертуаръ, и будутъ ставить „Двѣ сиротки“ или фарсы, возбуждающіе

желудочный смѣхъ какъ ни скажи ту или другую виѣшне-комичную фразу.

Да, развлеченій у насъ много. Первые страницы газетъ пестрятъ объявленіями и афишами со словами: „г-жа Н. Н. — фуроръ!“ „г-жа Х. У. — эффектъ“ и т. п., но въ дѣйствительномъ смыслѣ ни одинъ изъ увеселительныхъ уголковъ не даетъ еще интереснаго и достойнаго вниманія.

Говорить о „Зоологическомъ садѣ“, „Помпѣ“, садѣ Лаврова и т. д. мы не будемъ. Для нихъ существуетъ особая публика, особые рецензенты и особые читатели.

Ск — цѣ.

Корреспонденціи.

Вильна (отъ нашего корреспондента). Съ 10-го апрѣля играла у насъ труппа русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Кропивницкаго. До 3 мая давались ежедневно спектакли въ зимнемъ городскомъ театрѣ, а затѣмъ труппа перешла въ лѣтній театръ Шумана въ городскомъ саду. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ театрѣ сборы далеко не блестящіе: половинный сборъ считался очень удачнымъ.

Спектакли малорусскихъ артистовъ у насъ новость. Вильна видѣла у себя труппы гг. Садовскаго, Старицкаго и Саксаганскаго, восхищалась чудной игрой г-жи Заньковецкой, гостившей у насъ, къ сожалѣнію очень недолго, видѣла и другія извѣстныя силы малорусскаго театра. Что-же можетъ привлечь публику на спектакли г. Кропивницкаго? Репертуаръ все тотъ-же и, надо сказать, очень ограниченный, все видѣнное уже много разъ, новинокъ никакихъ. Только громадный талантъ г-жи Заньковецкой могъ заставить въ прошломъ году публику бѣжать въ 20-й разъ смотрѣть драмы: „Ой, не ходы Грицю, та на вечерницы“ и „Наймичку“, а въ труппѣ г. Кропивницкаго выдающихся, талантливыхъ артистовъ мало, исключая его самого.

Изъ женскаго персонала пользуются симпатіями публики г-жи Зарницкая и Марковичъ.

Въ нѣкоторыхъ роляхъ имѣютъ также успѣхъ гг. Науменко и Суходольскій.

Въ концѣ мая ожидается у насъ оперная труппа, составленная г. Шуманомъ. Опера въ Вильнѣ лѣтомъ — это новое и рискованное предпріятіе. Хотя лѣтній театръ и даетъ до 800 руб. сбора, но лѣтомъ городъ пустуетъ и рассчитывать на порядочные сборы мыслимо только при очень хорошемъ составѣ труппы. Составъ ожидаемой труппы, по крайней мѣрѣ главныхъ ея персонажей, уже извѣстенъ: колоратурное сопрано — г-жа Лысенко-Матеу; драматическое сопрано — г-жи Конча и Самойлова; меццо-сопрано — г-жа Корри; контральто — г-жа Кутузова; тенора — гг. Брушевскій, Ошустовичъ и Самойловъ; баритоны — гг. Буховецкій и Климовъ; басы — гг. Фиреръ и Левицкій.

Хоръ общаются въ 40 чел. Оркестръ — 25 чел. Режиссеръ — знакомый уже Вильнѣ г. Гельротъ. Капельмейстеръ — г. Дудышкинъ.

Виленьскій музыкально-драматическій Кружокъ любителей закончилъ этотъ сезонъ постановкой оперы Глюка „Орфей“ на французскомъ языкѣ. Опера эта требуетъ отъ солистовъ большихъ голосовыхъ средствъ, музыкальной школы и труда. Казалось вещь эта будетъ не по силамъ любителей. Однако спектакль увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Хоры справились со своей далеко не легкой зада-

чей очень хорошо, а небольшой оркестръ съ честію поддержалъ ансамбль.

Винница, Подольской губ. (отъ нашего корреспондента). 7 мая начались спектакли въ лѣтнемъ театрѣ въ саду г. Куриловича подъ управленіемъ Морозова. Составъ товарищества г-жи Свѣтлова, Марченко, Горлова, Неметти и др. гг. Калинина, Крамской, Разумовъ, Егоровъ, Морозовъ и др. Сезонъ Товарищество открыло пьесой „Соколы и Вороны“. Поставлены были слѣдующія пьесы: „Ни минуты покоя“, „На порогѣ великихъ событій“, „Испорченная жизнь“ и „Безъ вины виноватые“. Сборы до сихъ поръ не превышали 75 р., причиною чего отчасти является дурная погода.

Владикавказъ (отъ нашего корреспондента). Весенній сезонъ настоящаго года весьма оживленъ. 10-го мая открылись въ городскомъ театрѣ спектакли русско-французскаго опереточнаго Товарищества подъ управленіемъ г. Лассаль; въ составѣ труппы значились: г-жи Лассаль, Слободина, Козаченко, Бюиссонъ, Пальмская и др. гг. Лассаль, Эспе, Яковлевъ (В. Л.), Віязи, Пальмскій, Блажевъ, Бюиссонъ и др. Дирижировалъ оркестромъ дирижеръ тифлискаго казеннаго театра г. Энгель. Хоры изъ 20 лицъ. Пріемъ былъ очень successfulный.

Матеріальные результаты сезона оказались не столь блистательными, хотя убытка Товарищество и не потерпѣло, выработавъ жалованье полнымъ рублемъ и расплатившись полностью со всѣми, не входившими въ его составъ.

Сумма валового сбора за 11 данныхъ спектаклей равнялась 3.338 рублямъ, т.-е. по 303 р. 75 к. на кругъ. Спектакли Товарищества закончились 6-го мая.

Вслѣдъ за этими спектаклями начались концерты, не привлекавшіе, однако, публики и врядъ-ли окупавшіе даже расходы.

Первымъ состоялся концертъ владикавказскаго Кружка любителей музыки, исполнившаго кантату П. И. Чайковскаго „Москва“ и нѣсколько оркестровыхъ вещей. Затѣмъ появились малороссійскіе артисты: г-жа Подвышецкая (значущаяся на афишѣ лирической пѣвицей), г. Зіенко-Квитко (виртуозъ на усовершенствованномъ инструментѣ „Цимбалино“) и г. Бондаренко (соло-куплетистъ и пр.). Эти квазі-артисты сдѣлали 34 р. сбору, ограничились однимъ только вечеромъ и уступили мѣсто гурійскому оркестру, заинтересовавшему публику не столько своей игрой, сколько фантастическими костюмами и національными плясками, исполняемыми ими въ антрактахъ.

Наконецъ, послѣ концерта пѣвицы г-жи Софіи Симичъ, въ театрѣ появится Товарищество арти-

ство С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ. Во составъ Товарищества входятъ: гг. Давыдовъ, Ленскій (П. Д.), Апполонскій, Осокинъ, Лошивскій, Павловъ, Ожаровскій, г-жи Мичурина-Самойлова, Пальчикова, Сахарова, Павлова и др. Первый спектакль назначенъ на 14-е мая. Идетъ „Свадьба Кречинскаго“ съ В. Н. Давыдовымъ—Расплюевымъ и П. Д. Ленскимъ—Кречинскимъ.

Кандидатами на зимній сезонъ въ городскомъ театрѣ записаны гг. Надлеръ, Славянский, Архиповъ, Лассаль и др., но за кѣмъ останется дѣло, сказать пока трудно.

Б.

Воронежъ (отъ нашего корреспондента) 30 апрѣля открылся лѣтній театръ, пріютившій у себя на нынѣшній сезонъ оперно-опереточное Товарищество подъ управленіемъ г. Соломина. Первые шаги дѣятельности товарищества можно признать вполне удачными: труппа публикѣ понравилась; спектакли подъ режиссерствомъ г. Ленни ставятся хорошо сренетованными и прилично обставленными. За первые 10 спектаклей Товарищество взяло 4.000 р.; т.-е. по 400 рублей на кругъ. Сборы несомнѣнно были-бы и еще лучше, если-бы Товарищество держалось менѣе заиграннаго репертуара, — до сихъ поръ оно поставило много разъ шедшія уже въ Воронежѣ оперы: „Гальку“ и „Русалку“ и оперетты. Наибольшій успѣхъ и въ оперѣ и въ опереткѣ имѣетъ г-жа Иванова. Кромѣ г-жи Ивановой въ труппѣ есть и еще двѣ примдонны, тоже пользующіяся успѣхомъ—г-жи Платонова и Уфѣгина. Въ мужскомъ персоналѣ пользуются успѣхомъ: гг. Давѣринъ-Кравченко (теноръ), Ленни и Шостацкій, Мадатовъ (теноръ), Валентиновъ, Шостацкій и Кравченко, басъ г. Васильевъ, комики гг. Лени и Соломинъ, дирижеръ г. Апрѣльскій. Для легкой комедіи, представленія которой должны начаться па этихъ дняхъ, имѣются въ труппѣ г-жи Воронцова-Ленни, Колышева, Разсказова и Левицкая.

Екатеринбургъ (отъ нашего корреспондента). Въ Екатеринбургѣ, кромѣ городского театра, существуетъ еще театръ гг. Казанцевыхъ, въ которомъ играютъ любители. Театръ устроенъ въ особомъ домѣ, имѣетъ 110 мѣстъ партера (7 рядовъ по 15-ти мѣстъ и 5 приставныхъ) и 9 ложъ въ два яруса сзади. Сцена 11 аршинъ глубины и столько же ширины, но у занавѣса въ аркъ только 9 аршинъ. Декораций значительное количество: пять пейзажей, 12 павильоновъ, теремъ, три залы, изба, всевозможныя пристановки. Есть полная обстановка для „Горе отъ ума“. При театрѣ фойе и особая курильная; хорошія уборныя для артистовъ. Лѣтомъ изъ зрительной залы выходъ на террасу, съ которой идетъ лѣстница въ садъ, занимающій около десятины. Театръ не въ центрѣ города, верстахъ въ 2-хъ отъ центра. Въ текущемъ сезонѣ было поставлено 9 спектаклей изъ слѣдующихъ пьесъ: „Свѣтитъ да не грѣетъ“, „Карьера“, „Петербургскіе проказники“, „Опасные люди“, „Честь“, „Любовь и предразсудокъ“, „Каширская старина“, „Гроза“ и „Дочь невѣста“. Со всѣхъ 9-ти спектаклей совершенно домашняго характера, такъ какъ билеты раздавались только знакомымъ владѣльца театра и лицамъ, знакомымъ съ участвующими, съ условленной платой на покрытие расходовъ отъ 50 до 75 к. съ человѣка, собрано валовой суммы 680 р., изъ которыхъ отчислено 205 рублей въ пользу голодающихъ. Пьесы, благодаря дружному, стигравшемуся кружку любителей, серьезно относящихся къ дѣлу, сходили вполне удовлетворительно. Отъ нихъ оставалось, по отзывамъ публики, *впечатлѣніе*, а это рѣдко можно встрѣтить въ про-

винціальномъ театрѣ. Обстановка, благодаря В. Г. Казанцеву, извѣстному нейзажисту, писавшему декорации, была вполне художественная. Не допускалось ни малѣйшей небрежности и въ аксессуарахъ. Театръ устроенъ въ декабрѣ 1879 г., но только послѣдніе 4 года образовался около него болѣе или менѣе прочный кружокъ серьезныхъ любителей драматическаго искусства, что начало привлекать къ нему и почитателей. Театръ этотъ теперь служить чѣмъ-то въ родѣ практической школы сценическаго искусства, такъ какъ уже трое любителей поступили изъ него къ антрепренерамъ на службу: двое къ г. Медвѣдеву въ Тюмень и одинъ въ Пермь къ г-жѣ Карцевой. Спектаклей, устроенныхъ въ 1891 г. г. Казанцевымъ, было 12, другими кружками любителей 10, всего 22. Съ 1 января самимъ г. Казанцевымъ дано 5 спектаклей, а другихъ кружковъ же было ни одного. Комедія „Честь“ въ этомъ театрѣ поставлена раньше, чѣмъ въ городскомъ театрѣ.

Екатеринодаръ (отъ нашего корреспондента). Ни театра зимняго, ни постоянной труппы драматической въ Екатеринодарѣ нѣтъ, и зимніе сезоны проходятъ у насъ тихо и безшумно; въ рѣдкихъ случаяхъ любители драматическаго искусства ставятъ какую-нибудь пьесу на сценѣ (въ зданіи городской женской гимназіи). Лѣтъ 6—7 тому назадъ въ Екатеринодарѣ существовалъ официально признанный драматическій Кружокъ, имѣвшій свой театръ и ставившій серьезные пьесы; онъ насчитывалъ въ своей средѣ много выдающихся дарованій. Теперь оставшіеся любители съ трудомъ собираются, чтобы дать два-три представленія во всю зиму.

Лѣтомъ насъ посѣщаютъ Товарищества, — въ позапрошломъ году А. А. Агарева, а въ прошломъ Г. М. Черкасова, Т-во г. Агарева (драма) имѣло несомнѣнный успѣхъ и выручило за три мѣсяца около 18 тысячъ, несмотря на то, что въ томъ же сезонѣ нашъ музыкальный Кружокъ далъ четыре оперныхъ представленія, отвлекшихъ вниманіе публики отъ драмы. Въ общемъ Т-во г. Агарева держалось серьезнаго репертуара и ставило (въ бенефисы) даже „Бориса Годунова“, „Горе отъ ума“, „Гамлета“, „Ревизора“, „Отелло“, „Короля Лира“ и др. при хорошихъ сборахъ. Опереточная труппа г. Черкасова въ первый свой пріѣздъ (до появленія Товарищества г. Агарева) имѣла солидный успѣхъ, а въ прошломъ году—никакого; труппа разѣхалась въ срединѣ сезона. На смѣну оперетки явилась драма, влачившая по истинѣ скорбные дни, хотя публика и восторгалась превосходной игрой г. Черкасова. Въ текущемъ сезонѣ къ намъ ѣдетъ г. Бабиновъ, везущій драм. и оперет. труппы. Малороссы пожинали у насъ всегда лавры. Симпатіи кубанцевъ имъ всегда обезпечены. Существовать у насъ уже три года *Музыкальное Общество*. Года два тому назадъ оно поставило въ лѣтнемъ театрѣ „Трубадура“, „Фауста“ (одно дѣйст.) и „Аиду“ (одно дѣйст.), за четыре спектакля собрано было свыше 4 тысячъ; въ настоящемъ году, на пятой недѣлѣ вел. поста, нашъ Кружокъ поставилъ (три спектакля) *своими силами* оперу „Страделла“, которая прошла въ нѣкоторыхъ частяхъ съ успѣхомъ. Кромѣ оперныхъ представленій нашъ муз. кружокъ устраиваетъ концерты.

Елецъ (отъ нашего корреспондента). Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Бравича окончило сезонъ довольно благополучно. Сборы за послѣднее время поднялись, хотя масляная недѣля не оправдала надеждъ. Въ общемъ Товарищество получило до 60 к. за рубль.

Репертуаръ смѣшанный; пьесы за исключеніемъ „Зайца“ г. Мясническаго, повтореннаго 3 раза, не повторялись. Удачнымъ бенефисомъ, въ смыслѣ сбора, былъ бенефисъ г-жи Карчагиной, благодаря участію въ спектаклѣ тенора г. Закржевскаго, пользующагося симпатіями елецкой публики.

Товарищество остается и на будущій сезонъ. Арендаторы городского театра, входя въ нужды артистовъ, сбавили арендную плату за театръ.

За первый мѣсяцъ съ 20 сентября по 20 октября Товарищество получило 18,5 коп. на рубль. За второй мѣсяцъ съ 20 октября по 20 ноября—по 23 коп. на рубль. За третій мѣсяцъ съ 20 ноября по 20 декабря—по 40¹/₂ коп. на рубль.

На праздникахъ было поставлено 11 спектаклей вечернихъ и одинъ утренній. Лучшій сборъ 26 декабря („Зайца“ и „Аспидъ“) 380 р. За двѣ праздничныхъ недѣли Товарищество раздѣлило по 71 к. на рубль.

Кромѣ спектаклей Товарищества, 12 января поставленъ былъ любительскій спектакль въ пользу недостаточныхъ студентовъ—ельчанъ. Шла „Шалость“ г. Крылова и водеvil „Сама себя раба бьетъ“. Исполненіе было дружное, сборъ хорошій.

Постомъ, 26 февраля, оставшимися артистами данъ былъ литературно-музыкальный вечеръ съ живыми картинами, давшій сбору до 70 р. 15 марта въ залѣ женской гимназіи данъ былъ концертъ скрипача г. Зено и пѣвистки г-жи М. Россини. Успѣхъ былъ полный, но сборъ незначительный.

Казань (отъ нашего корреспондента). Лѣтній театръ Паваева, снятый г. Перовскимъ, антрепренеромъ городского зимняго театра, не будетъ имѣть постоянной труппы, какъ предполагалось раньше. Сюда будутъ вѣзжать гастролирующія труппы.

Для начала явились малороссы подъ управленіемъ г. Мирова-Бедюхъ.

1-го мая послѣдовало открытіе сезона ком. Шевченко „Назаръ Стодоля“. Труппа за весьма малыми исключеніями оказалась слабою. Г-жи Романовская, Мирова, Камирова, Мирославская, гг. Мировъ, Мирославскій, Шепило, Иваненко, Левченко и др.—имена болѣе или менѣе неизвѣстныхъ для казанцевъ.

Пьесы обставляются довольно недурно, но исполненіе оставляетъ желать лучшаго. Оркестръ плохой.

Въ пьесахъ принимаетъ участіе казанскій театральнй хоръ и сильно скрашиваетъ недостатки исполненія главныхъ персонажей.

Въ саду развлеченій тоже немного. На эстрадѣ кака-то плохенькая пѣвчиха и чтецъ старыхъ заѣзжашныхъ стихотвореній и разсказовъ.

На открытой сценѣ ставятся весьма ординарно одноактные комедіи и водевили и тоже не представляютъ для публики никакого интереса.

Начало сезона было крайне неудачно: страшный холодъ, стоявшій первые три дня, отбилъ всякую охоту идти въ садъ, и публики, благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ какъ въ саду такъ и въ театрѣ бываетъ весьма немного.

Въ 20-хъ числахъ ожидается изъ Москвы пріѣздъ труппы, состоящей отчасти изъ артистовъ Императорскаго Малаго театра съ г. Левицкимъ во главѣ. Какъ слышно, главной приманкой этой труппы будутъ нѣсколько гастролеровъ.

Калуга (отъ нашего корреспондента). Вначалѣ апрѣля подъ управленіемъ г. Перлова и режиссерствомъ г. Любимова составилось Товарищество оперныхъ артистовъ. Составъ труппы слѣдующій: сопрано — г-жи Крапоткина, Мелодистъ, Яновская, Манухина, Зыкова; меццо-сопрано — Леонтьева и Славина; компримари — Горина и Николаева; тенора — гг. Морской, Бога-

тыревъ, Любимовъ; баритоны — Салтыковъ, Михайловъ, Перелли; басы — Дементьевъ, Бедлевичъ, Измаиловъ; компримари — Грачукъ, Ивановъ; капельмейстеръ — Плотниковъ, хормейстеръ — Шимавъ; хоръ изъ 20 человекъ и оркестръ изъ 15 человекъ,— всего 58 человекъ. Предполагаемый Товариществомъ маршрутъ: Тула, Калуга, Орель, Курскъ, Полтава, Кременчугъ, Елизаветградъ, Николаевъ, Херсонъ, Кишиневъ, Севастополь. Первые спектакли на Пасхѣ въ г. Тулѣ, оказались не вполне удачными — 6 оперъ: „Жизнь за Царя“, „Фаустъ“, „Риголетто“, „Жидовка“, Евгений Онегинъ“ и „Трубадуръ“ дали валоваго сбора около 2500 руб. Далѣе въ Калугѣ на Оминой недѣлѣ даны были Товариществомъ три спектакля — „Фаустъ“, „Трубадуръ“ и „Демонъ“, которые вмѣстѣ принесли 900 руб. сбора. Въ Орлѣ дѣла Товарищества улучшились — первые два спектакля дали болѣе 1500 руб.

Кіевъ (отъ нашего корреспондента). Вторая половина концертнаго сезона кіевского отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества состояла, подобно первой, изъ трехъ симфоническихъ собраній, трехъ квартетныхъ вечеровъ (2-й серіи) и двухъ ученическихъ вечеровъ музыкальнаго училища. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе лишь на симфоническихъ концертахъ, какъ на самыхъ выдающихся моментахъ нашей музыкальной хротики. Третій очередной симфоническій сеансъ имѣлъ мѣсто 25-го января по слѣдующей программѣ: ми-бемоль—мажорная симфонія Шумана (№ 3) ор. 97; музыкальная картина А. Рубинштейна „Юдашъ Грозный“; двѣ пѣсни безъ словъ Мендельсона („Весенняя пѣснь“ и „Прялка“) въ оркестровомъ переложеніи Гиро (обѣ были повторены); „Карнавалъ“ Гиро (для оркестра). Драматическій тепоръ оперной труппы минувшаго сезона г. Кошицъ исполнилъ любовный монологъ Зигмунда изъ 1-го акта „Валкиріи“ Вагнера; г. Антоновскій спѣлъ арію Зороастра изъ „Волшебной флейты“ Моцарта. Кромѣ монументальной „кельнской“ симфоніи Шумана, превосходно исполненной подъ талантливымъ управленіемъ А. Н. Виноградскаго, интересъ вечера сосредоточился еще на двухъ необыкновенно изысканныхъ и виртуозныхъ оркестровыхъ переложеніяхъ Гиро; заигранные образцы фортепианной музыки получаютъ новую свѣжесть, благодаря выдающемуся мастерству французскаго инструментатора, который показалъ въ своемъ бойкомъ „Карнавалѣ“ оркестровую технику à la Римскій-Корсаковъ, преимущественно со стороны труднаго искусства владѣть всей массой инструментальныхъ средствъ. Въ слѣдующемъ (4-мъ) очередномъ симфоническомъ собраніи шла въ первый разъ въ Кіевѣ 2-я симфонія Бородина. Эта трудная партитура была отлично разучена и поставлена подъ управленіемъ г. Виноградскаго, который удостоился, послѣ исполненія симфоническаго шедевра русской школы, выдающейся оваціи, служащей отраднымъ доказательствомъ оцѣнки заслугъ почтеннаго дѣятеля, столь много способствовавшаго подъему музыкальнаго уровня въ нашемъ городѣ. Дирекція мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества вручила на симфонической эстрадѣ г. Виноградскому дипломъ на званіе почетнаго члена отдѣленія.

Остальные номера концерта состояли изъ хора Мусоргскаго „Исусъ Навинъ“ (соло было исполнено ученицей класса г. Эверарди—Залютинской, обладающей прекраснымъ голосомъ), трехъ этнографическихъ „хоровъ“ изъ „Вавилопскаго столпотворенія“ А. Рубинштейна (семитовъ, камитовъ, афамитовъ), трехъ инструментальныхъ отрыв-

ковъ изъ „Иродіады“ Массе (вступленіе и танцы: гальскій и финикійскій), соль-минорнаго фортепіаннаго концерта Сенъ-Санса, исполненнаго пианисткой А. Н. Штоссъ-Петровой — которая прибавила еще фортепьянное соло на бисъ (рапсодію Листа). Вечеръ закончился неувадаемой „Аррагонской хотой“ Глипки. 26 марта состоялось 2-е добавочное или „экстренное“ собраніе сезона; на этотъ разъ оно было устроено въ пользу оркестра и представило по части оркестровыхъ вещей слѣдующія пьесы: фантазію къ „Бурѣ“ Шекспира — П. И. Чайковского; увертюру „Коріолана“ Бетховена, сюиту Годара: „Scènes poétiques“ (последній номеръ ея: „au village“ былъ повторенъ); вступленіе къ ораторіи „Потопъ“ Сенъ-Санса (скрипичное соло, исполненное г. Шевчиномъ, вызвало тоже бисъ); танецъ „Гузу“ изъ оп. „Генрихъ VIII“ того-же автора (повторено); до-милорный венгерскій маршъ Шуберта, инструментованный Листомъ. Къ такой обширной и разнообразной оркестровой программѣ прибавилось еще два вокальных номера; послѣдній изъ нихъ оказался вполне лишнимъ балластомъ описываемаго концерта и состоялъ изъ варіацій Проха, исполненныхъ ученицей одесскаго преподавателя пѣнія г. Каульбарса, который аккомпанировалъ дебютантку на фортепьяно. Пѣвица, взявшаяся за эту бравурно-колоратурную вещь, не проявила почти никакихъ данныхъ къ успѣшному разрѣшенію задачи, столь мало подходящей къ эстрадѣ симфоническаго концерта. Она выказала лишь извѣстную природную гибкость голоса и способность къ трелямъ, натуралистически расплывающимся по неопредѣленнымъ интерваламъ. Пѣвица въ сопровожденіи „маэстро“ спѣла еще алябьевскаго „Соловья“ (1) Весь этотъ траги-комическій инцидентъ доказываетъ лишній разъ, какъ слѣдуетъ быть осторожнымъ по отношенію къ вождѣніямъ современныхъ вокальных педагоговъ, желающихъ блеснуть своей „собственной“ методой. Другое вокальное соло (съ оркестромъ) было исполнено г-жей Залютинской и состояло изъ аріи Гуно („Царица Савская“); въ голосѣ пѣвицы, находящейся еще въ классѣ г. Эверарди, много прекрасныхъ данныхъ; ея теплый и звучный тембръ имѣетъ значительную металличность и отличается притомъ тембромъ, напоминающимъ голосъ г-жи Лукки въ молодости. Г-жѣ Залютинской слѣдуетъ бороться противъ склонности къ пониженію; въ случаѣ успѣшнаго устраненія этого недостатка, пѣвица можетъ выработаться въ крупную артистическую силу на оперномъ горизонтѣ.

Виртуозные концерты минувшаго сезона были немногочисленны: однимъ изъ симпатичѣйшихъ изъ нихъ былъ концертъ московскаго скрипача г. Колаковскаго, явившагося къ намъ съ тремя товарищами по части смычковаго квартета. Къ сожалѣнію этотъ концертъ прошелъ при почти пустомъ залѣ. Наряду съ г. Колаковскимъ весьма замѣтны были артистическія данныя гг. Литвинова (2-я скрипка) и Эрлихъ (виолончель). Г. Рейзенауэръ далъ здѣсь 3 концерта; этотъ пианистъ продолжаетъ притягивать массы, несмотря на стереотипность своихъ программъ, въ которыхъ преобладаютъ пьесы, имъ уже игранныя и переигранныя. Последній концертъ г. Рейзенауэра былъ данъ съ участіемъ мѣстнаго пианиста г. Ходоровскаго, сыгравшаго съ концертантомъ „патетическій концертъ“ Листа на двухъ фортепіано. Сборъ былъ пожертвованъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра. Въ началѣ февраля состоялся ежегодный концертъ мѣстнаго скрипача г. Сикорди, съ участіемъ талантливыя пианистки г-жи Парашенко. Ожидавшійся пріѣздъ

пианиста г. Юсифа Сливинскаго не состоялся. Вокальные концерты были слѣдующіе: г-жи Фостремъ, супруговъ Фигнеръ (по одному) гг. Михайлова и Чернова (2). В. Чечоттъ.

—
Великопостный сезонъ начался спектаклями французской опереточной труппы подъ управленіемъ гг. Де-Бокуръ и Шарлѣ. Предварительный апонсъ извѣщалъ о парижскихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, о 20 спектакляхъ, между которыми даже были назначены оперы: „Карменъ“ и „Миньона“. На первые спектакли („Маскотъ“, „Корпевильскіе колокола“) собралось значительное количество публики. Но плохое исполненіе и отсутствіе среди главныхъ персонажей сколько-нибудь выдающихся артистовъ сильно разочаровало любителей „легкой музыки“. Слѣдующіе спектакли давали очень плохіе сборы, такъ что антрепренеры прекратили спектакли и уѣхали въ Житомиръ.

Г. Блюменталь-Тамарилъ снялъ на лѣто „Новый театръ“, гдѣ будутъ даваться оперетки. „Новый Театръ“ существуетъ всего 2 года и принадлежитъ здѣшнему купеческому обществу.

Построивъ этотъ театръ, совѣтъ старшинъ общества рѣшилъ ни подъ какимъ видомъ не отдавать театръ подъ оперетку. Дѣйствительно, два лѣтнихъ сезона въ „Новомъ театрѣ“ просуществовала драма. Последній сезонъ въ матеріальномъ отношеніи былъ крайне незавиденъ, что, вѣроятно, и послужило причиною измѣненія первоначальнаго постановленія.

28 и 29 февраля въ городскомъ театрѣ состоялись спектакли г. Коклена. Оба спектакля дали хорошій сборъ.

Въ составъ драматической труппы, по слухамъ, на будущій сезонъ приглашены г-жи Глама-Мещерская, Немировичъ и г. Шмидтгофъ. Изъ прежнихъ артистовъ остаются: г-жи Анненская, Глѣбова; гг. Нехлыновъ, Песокій, Соловцовъ, Чужбиновъ и Самойловъ-Мпчуринъ.

—
Въ № 17 „Артиста“ мы указывали, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится наше Драматическое Общество и какія мѣры слѣдовало бы принять для поддержки падающаго дѣла.

Тогда уже мы замѣчали, что играть въ большомъ театрѣ, гдѣ даются спектакли постоянной драматической труппы, да еще при цѣнахъ слишкомъ высокихъ для любительской сцены, значитъ губить свои скудные матеріальныя средства.

Дѣйствительно, Общество послѣ неудачнаго въ матеріальномъ отношеніи спектакля („Горе отъ ума“) побоялось дѣлать слишкомъ смѣлые шаги и отмѣнило свое намѣреніе играть два раза въ мѣсяцъ, а довольствовало попытками разъ въ 2 мѣсяца поиграть то въ одномъ, то въ другомъ театрѣ, въ надеждѣ на какой-нибудь сборъ.

Эти попытки оканчивались, по большей части, плачевно, принося Обществу значительный убытокъ. Такимъ образомъ, можно было ожидать скорая паденія Общества, но счастье на время улыбнулось ему. Представилась возможность пригласить на гастроль М. К. Заньковецкую и г. Садовскаго, давно не бывшихъ въ Киевѣ. Было назначено два спектакля, которые дали совершенно полные сборы (полный сборъ въ городскомъ театрѣ—1300 р.). Въ среду 8 апрѣля шла малорус. пьеса М. Старицкаго „Не такъ склалось, якъ жадалося“ и драмат. этюдъ Октава Фелье „Сѣдой волось“. Публика восторженно принимала гастролеровъ, прекрасно исполнившихъ свои роли: г-жа Заньковецкая — Катрю, г. Садовскій — Дмитра Ковбана. Пьеса старательно была разучена членами Общества и прошла съ ансамблемъ.

Второй спектакль — „Черноморци“, „Кумъ Ми-

рошникъ“, „Свадьба Кречинскаго“ (2-й актъ) прошелъ съ немалымъ успѣхомъ. Благодаря гастролямъ малорусскихъ артистовъ, существованіе Общества продлилось на нѣкоторое время, но надо помнить, что это только счастливый случай, который больше, быть можетъ, не повторится, а потому слѣдуетъ Обществу принять болѣе правильное, а не случайное направленіе въ своей дѣятельности.

8 апрѣля въ театрѣ Сѣтова пачались спектакли Товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соловцова. Спектакли открылись ком. Островскаго „Послѣдняя жертва“. Затѣмъ были поставлены: „Жаворонокъ“, „Ошибки молодости“, „Шиповникъ“, „Болтушка“, „Бѣшеные деньги“, „Скюливанъ“, „Въ бѣгахъ“, „Дѣтнія грезы“, „Дикарка“ (бенефисъ г-жи Кошевой), „Въ старые годы“ (бен. г. Рощина-Инсарова), „Какъ проживешь, такъ и прослывешь“ (бен. г-жи Глѣбовой), „На маневрахъ“ (бенефисъ г. Свѣтлова) и послѣдній спектакль „Заяцъ“ (бенефисъ г. Соловцова). Всѣхъ спектаклей состоялось 13.

Въ Товарищество вошли, кромѣ г-жъ Глѣбовой и Измайловой, гг. Долинова, Недѣлина, Соловцова и Чужбинова, игравшихъ зимній сезонъ въ Кіевѣ, еще г-жи Звѣрева, Кошева, ОмUTOва, Сивельникова, гг. Рощинъ-Инсаровъ, Свѣтловъ и Яковлевъ. Товарищество и въ этомъ весеннемъ сезонѣ дало нѣсколько вполне удачныхъ спектаклей. Къ такимъ спектаклямъ, главнымъ образомъ, слѣдуетъ причислить ком. „Жаворонокъ“ („Die Haubenlerche“), поставленную два раза. Комедія была разыграна артистами очень дружно, причемъ особенный успѣхъ имѣла г-жа Кошева (Лена). Роль Германа была поручена г. Долинову, исполнившему ее весьма недурно. Изъ остальныхъ исполнителей замѣтно выделялись г. Рощинъ-Инсаровъ въ роли Лангенталя и г-жа ОмUTOва (Юлія).

Большой интересъ возбудила „Дикарка“ въ исполненіи г-жи Кошевой. Къ сожалѣнію, талантливая артистка не вполне освоилась съ этой нелегкою ролью, такъ что, хотя и были отдѣльные прекрасные моменты, цѣльнаго впечатлѣнія не получилось. Въ положительную сторону выдавались г-жа ОмUTOва (Ашметьева) гг. Рощинъ-Инсаровъ (Мальковъ) и Свѣтловъ (Вершинскій). Въ особенности хорошъ былъ г. Рощинъ-Инсаровъ, вызвавшій экспрессивной и вмѣстѣ съ тѣмъ правдивой игрой въ 4-мъ актѣ массу аплодисментовъ. Еще болѣе успѣхъ имѣлъ г. Рощинъ въ „Скюливанѣ“. Спектакли закончились 22 апрѣля съ хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ: по извѣстію здѣшней газеты, Товарищество заработало по 2 рубля на рубль.

21 и 22 апрѣля въ городскомъ театрѣ состоялись два гастрольныхъ спектакля г-жи Горевой, пріѣхавшей съ Товариществомъ драматическихъ артистовъ. Первый спектакль—„Марія Стюартъ“ собралъ достаточное количество публики (600 р. сбору) и сопровождался громаднымъ внѣшнимъ успѣхомъ г-жи Горевой. Артистку вызывали по 5—6 разъ послѣ cadaго акта, не смотря на узаконенные 3 раза. Труппа, сопровождающая г-жу Гореву, оказалась слишкомъ посредственной для исполненія шиллеровской трагедіи. Еще хуже себя чувствовали артисты въ трагедіи „Федра“: не разъ г-жа Аграмова (Энона), гг. Вронченко (Тезей), Черновъ (Терамень) вызывали смѣхъ въ публикѣ своимъ будничнымъ тономъ, умѣстнымъ въ какой-нибудь современной пьесѣ, но никакъ не въ расиновской трагедіи. Гастролерша имѣла и во второй спектакль такой же большой успѣхъ, причемъ ей особенно удалась сцена ревности въ 4-мъ актѣ.

Недурнымъ Ипполитомъ былъ г. Аяровъ, если бы прибавилъ къ своимъ монологамъ болѣе юношескаго пыла.

26 апрѣля въ театрѣ Сѣтова, лишь только уѣхала соловцовская труппа, открыло свои спектакли харьковское драматическое Товарищество во главѣ съ М. Г. Савиной—ком. М. Чайковскаго „Симфонія“. Театръ былъ совершенно полонъ, г-жу Савину встрѣчали очень шумно и сердечно.

Труппа, сопровождающая г-жу Савину, оказалась далеко неполной харьковской труппой. Въ составъ Товарищества вошли: г-жи Свободина, Барышева, Петипа, Виноградова, Лебедева, Зорина, гг. Петипа, Агаревъ, Гаринъ, Рюминъ, Чернышевъ, Чинаровъ, Соловьевъ 2-й и др. Однако спектакли проходили съ весьма приличнымъ ансамблемъ „Симфонія“ сошла очень гладко. Особенно хороши были: г-жа Петипа (Милочка), гг. Петипа (Ходаковъ) и Чинаровъ (Розенфельдъ). Г. Агаревъ, исполнявшій роль Ладогина, по внѣшности весьма подходилъ къ этой роли, но мало-разработанный голосъ вредить ему въ сильныхъ мѣстахъ. Кромѣ того у него замѣчаются провинціальныя приемы. На первомъ спектаклѣ въ заключеніе былъ поставленъ этюдъ г. Гнѣдича „Женя“ съ г-жей Савиной въ заглавной роли; исполненіе г-жи Савиной этой роли производитъ неотразимое впечатлѣніе. Второй спектакль—„Часть жизни“ (Ольга Ранцева) также далъ полный сборъ.

Затѣмъ состоялись слѣдующіе три спектакля: „Вааль“, „Если женщина рѣшила“ (28 апрѣля), „Татьяна Рѣпина“, „Я игралъ Гамлета“ соч. г. Чинарова (29 апрѣля), „Собака садовника“, „Заяцъ“ (30 апрѣля). Всѣ 3 спектакля дали хорошіе сборы и прошли съ успѣхомъ. Драма „Вааль“ А. Писемскаго ставилась въ Кіевѣ въ первый разъ. Роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Бургмейеръ (г. Рюминъ), Клеопатра Сергѣевна (г-жа Савина), Миронъ (г. Агаревъ), Куницынъ (г. Петипа), Руфинъ (г. Гаринъ), Трехсоловцова (г-жа Свободина-Барышева). Пьеса, несмотря на всѣ свои достоинства, большого успѣха не имѣла. „Собака садовника“ тоже явилась новинкой для Кіева и тоже не имѣла большого успѣха. Сверхъ этихъ назначенныхъ 5 спектаклей Товарищество дало еще шестой, въ бенефисъ г-жи Савиной. Шли комедія Островскаго „Невольницы“ и 2-й актъ ком. „Тетенька“. Театръ, не смотря на довольно высокія бенефисныя цѣны, былъ переполненъ.

Спектакли Товарищества во всѣхъ отношеніяхъ закончились блистательно. За 6 спектаклей было выручено болѣе 7 тысячъ рублей.

Вслѣдъ за харьковской труппой въ томъ же театрѣ съ 3 мая начались спектакли опереточной труппы г. Парадиза. Труппа имѣла хорошій успѣхъ. Вмѣсто назначенныхъ 6 спектаклей состоялось 11. Изъ оперетокъ особенный успѣхъ имѣли: „Продавецъ птицъ“, „Проказы студентовъ“ и „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“.

3 мая въ здѣшнемъ „Новомъ театрѣ“ открылись спектакли опереточной труппы г. Блюменталь-Тамарина. Вслѣдствіе дурной погоды, первые двѣ недѣли театръ посѣщался плохо. Не мало вліяла на сборы и конкуренція г. Парадиза. Составъ труппы: г-жи Кестлеръ, Ренаръ (первая лирич. сопрано), Никитина, Калмыкова (каскад. роли), Зимина, Щетинина (роли старухъ), Кравецкая, Ани-Вартъ, Волкова, Зорина, (2 роли), гг. Мазуровъ, Зайцевъ (лирич. теноръ), Кручининъ (баритонъ), Щетининъ (комикъ-буффъ), Воронинъ (теноръ-простакъ), Блюменталь-Тамаринъ (характер. роли), Павловъ, Шабельскій, Шейнъ, Воронковскій (2 роли). Режиссеръ—г. Блюменталь-Тамаринъ,

дирижеры—гг. Энко и Каратаевъ. Хоръ—26 человекъ. Оркестръ изъ 24 человекъ.

Кострома. (Отъ нашего корреспондента). Во время великаго поста въ нашемъ городскомъ театрѣ былъ данъ спектакль. Сборъ былъ 108 руб. Спектакль устроенъ оставшимися здѣсь по окончаніи зимняго сезона второстепенными артистами. Поставлены были сцены изъ водевилей „Женское любопытство“ съ иѣніемъ и „Водевилъ съ переодѣваніемъ“. Сборъ былъ только 15 р. и инициаторы спектакля понесли порядочные убытки, хотя администрація театра отдала имъ залъ безвозмездно.

26-го марта любителями драматическаго искусства данъ былъ спектакль (XIII исполнительное собраніе Общества любителей музык. и драматическаго искусства); были прочитаны сцены изъ пьесы г. Гнѣдича „На хуторѣ“. Не говоря уже о небогатыхъ сценическихъ данныхъ многихъ исполнителей и исполнительницъ главныхъ ролей, они видимо не сретовали какъ слѣдуетъ пьесу, не знали своихъ мѣстъ на сценѣ, шли паполовину по суфлеру, неуверенно, безъ всякой игры, — вообще производили на публику очень печальное, томительное впечатлѣніе. Водевилъ „Не бывать бы счастья“ сошелъ педурно и нѣсколько оживилъ спектакль. — Сборъ былъ очень небольшой, большинство публики состояло изъ членовъ Кружка.

Музыкальные вечера, къ сожалѣнію, пріостановились, — а между тѣмъ они шли гораздо удачнѣе чѣмъ драматическіе и собирали больше публики. Очень будетъ жаль если музыкальный Кружокъ прекратитъ свою дѣятельность. Мы слышали, что любительскій оркестръ уже разошелся.

Мелитополь (Тавр.) (отъ нашего корреспондента). Съ 17 по 24 апрѣля Товариществомъ малорусскихъ артистовъ быв. подъ управленіемъ г. Старицкаго, нынѣ г. Грицяя, проѣздомъ въ г. Симферополь, дапо 7 спектаклей. Сборы на кругъ до 200 руб. Представленія давались въ домѣ Общественнаго Собранія. Съ 1 мая въ здѣшнемъ лѣтнемъ театрѣ будетъ играть Товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Кубалова и режиссерствомъ Никольскаго. Въ составъ Товарищества входятъ: г-жи: Кольцова, Волинская, Полонская, Арнольд, Козичъ и гг. Фабіанскій, Григорьевъ, Бунинъ, Райскій и др.

Г. Николаевъ (отъ нашего корреспондента). Николаевъ не можетъ похвалиться процвѣтаніемъ театрального дѣла. Истекшій годъ показалъ ясно, что не публика виновата въ этомъ. Одной изъ главныхъ причинъ невниманія ея къ театру — служить недостатки зданій театровъ. Здѣсь ихъ два: Ковалева и Монте. Театръ Ковалева отдѣланъ довольно порядочно, хорошо освѣщался, содержался опрятно, и публика посѣщала его охотно, хотя для антрепренеровъ онъ не былъ удобенъ, такъ какъ полный сборъ въ этомъ театрѣ былъ сравнительно съ сборами другаго театра — малъ. Театръ Монте — значительно хуже по своимъ удобствамъ. Г. Монте въ началѣ этого года купилъ театръ г. Ковалева и такимъ образомъ, приобрѣтя монологію въ театральномъ дѣлѣ, сталъ совершенно игнорировать публику и сдавать антрепренерамъ театръ безъ всякихъ поправокъ, зная, что теперь придется волей неволей примиряться съ обстоятельствомъ. Пресѣчь зло можно только постройкой городского театра, до чего Николаеву еще далеко.

За истекшій годъ перебивали труппы: г. Михайлова — одна изъ тѣхъ, которыя сразу возникаютъ, сразу начинаютъ свою дѣятельность и сразу

же ее кончаютъ, гг. Саксаганскаго, Кронивницкаго, Грицяя (малороссійскія), Императорскаго Московскаго Малаго театра съ г-жею Оедотовой, г. Ліанова и другія. Изъ всѣхъ этихъ труппъ замѣчу только о труппѣ г. Ліанова, какъ недавно бывшей (декабрь — январь). Организована она была въ широкихъ размѣрахъ, съ большимъ составомъ, и вначалѣ именовалась „опереточно — драматической“. Но произошелъ какой-то переворотъ, послѣ котораго осталось только „опереточная“ труппа, куда перешли и артисты, поступившія при организациі труппы только на драматическія роли. Труппа уѣхала въ срединѣ января въ Херсонъ.

Послѣ отъѣзда труппы — въ Николаевѣ затишье, прерываемое время отъ времени концертами скрипачей, артистовъ итальянской оперы и пр.

Николаевскій артистическій Кружокъ за свою недолгую дѣятельность успѣлъ устроиться довольно прочно и поставилъ цѣлый рядъ спектаклей, причемъ на ряду съ мелкими драматическими произведеніями ставятся и такія какъ „Каширская старина“, „Соколы и Вороны“, „Плоды просвѣщенія“, „Честь“ (9 апрѣля) и др. На пасхальной недѣлѣ давала представленія захватывая сюда часть варшавскаго балета.

Съ конца пасхальной недѣли начались спектакли Товарищества драматическихъ артистовъ, предпринявшихъ поѣздку по всему югу Россіи. Репертуаръ слѣдующій: „Честь“, „Уголокъ Москвы“, „Сафо“, „Перчатка“, „Нина“, „Компаніоны“, „Новое дѣло“, „Залцъ“, „Татьяна Рѣпина“, „Ольга Ранцева“, „Цѣпи“, „Василиса Мелентьева“ и „Отелло“. Составъ труппы: г-жи: Никитина, Шеня, Стеблинская, Медвѣдева, Тинская, Петрова, гг.: Бастуновъ, Михайловъ, Владиміровъ, Тинскій, Шенинъ, Осиповъ, Медвѣдевъ, Суховъ, Дасевичъ, Брыкинъ и Надежинъ.

Пенза (отъ нашего корреспондента). Пензенскій веселнй сезонъ закончился крайне неудачно. За 16 спектаклей (съ 8-го апрѣля по 27-е) было взято 3.800 рублей.

Послѣдніе спектакли („Честь“, „Вѣтерокъ“, „Любовь и предразсудокъ“, „Уголокъ Москвы“, „Медовый мѣсяцъ“ и „Въ неравной борьбѣ“) прошли менѣе удачно, вслѣдствіе отъѣзда нѣкоторыхъ необходимыхъ персонажей труппы. Отвѣтственные роли зачастую поручались неопытнымъ актерамъ и, само собою разумѣется, дружнаго исполненія быть не могло, а прощальный спектакль даже не состоялся...

Лѣтнй сезонъ у насъ начнется 14-го мая. Въ составѣ труппы г. Дубовицкаго находятся: г-жи Томсонъ, Любомирская, Марлинская, Діевская и др.; гг.: Кегель-Королевъ, Сарматовъ (любовникъ), Рыбаковъ (комикъ) и др. Кромѣ того, говорятъ о гастролѣхъ г-жъ Ермоловой и Лешковской.

Для открытія спектаклей пойдетъ драма кн. Сумбатова „Соколы и вороны“.

Рига (отъ нашего корреспондента). За послѣдніе два мѣсяца — съ половины марта по первую половину мая — Рига музицировала не особенно много. 22 марта состоялось музыкальное утро въ театрѣ въ пользу одного изъ мѣстныхъ скрипачей, г. Кремера. Бенефициантъ сыгралъ Мендельсоновскій концертъ для скрипки. Тонъ у него слабый, но пріятный, слухъ тонкій, музыкальный, техника порядочная, темпераментъ довольно вялый. 22-го же марта вечеромъ въ залѣ Ремесленнаго Общества концертировали извѣстный виртуозъ на арфѣ г. Цабель и баритонъ петербургской оперы г. Брыкинъ. Мастерство, съ какимъ владѣетъ г. Цабель своимъ благороднымъ по звуку,

но въ сущности однообразнымъ инструментомъ, общеизвѣстно: онъ достигаетъ на арфѣ эффектовъ тембра и кантилены; всего красивѣе звучить у него пассажъ, въ особенности въ высокомъ регистрѣ.

Виртуозъ игралъ свои сочиненія, изъ которыхъ „Элегія“ наиболѣе приспособлена къ характеру инструмента. Что касается до г. Брыкина, то онъ памятенъ рижанамъ со времени представленій заѣзжей оперной труппы г. Картазова, года четыре тому назадъ. Съ тѣхъ поръ голосъ его, металлическаго, мужественнаго тембра, выровнялся и прогрессъ въ техническомъ отношеніи не подлежитъ сомнѣнію. Г. Брыкинъ выразительно слѣлъ, между прочимъ, арію Игоря изъ оперы Бородина, а съ аккомпаниментомъ арфы — Эпителиму изъ „Нерона“ г. Рубинштейна. — 26 марта, въ залѣ Черноголовыхъ, состоялся вечеръ камерной музыки; солистами были скрипачи мѣстнаго оркестра, которые не могли бы привлечь своимъ искусствомъ публики, если бы не постарались сдѣлать программу позаманчивѣе. Сыграна была новинка — струнный квинтетъ (G-dur) Брамса, ор. 111. Это характерное произведеніе во вкусѣ *fin de siècle*, по мастерству голосоведенія, филигранной отдѣлкѣ контрапунктическихъ подробностей и архитектурному изяществу отдѣльных частей, принадлежитъ къ лучшимъ композиціямъ Брамса. Затѣмъ съ большимъ удовольствіемъ слушались бетховенскія варіаціи D-dur, отличающіяся той простотой выраженія, которая столь симпатична у дѣйствительно сильныхъ людей. — 29 марта на сценѣ мѣстной оперы шелъ „Вильгельмъ Телль“ Россини, съ отвратительными хорами. — 17 апрѣля въ залѣ Черноголовыхъ далъ концертъ въ пользу голодающихъ бывшій профессоръ С.-Петербургской консерваторіи извѣстный віолончелистъ (а отчасти и критикъ) — Арведъ Портенъ. То былъ послѣдній большой концертъ виртуоза, прекратившаго свои артистическіе разбѣды, и понятное въ такихъ случаяхъ волненіе не могло не отразиться на деталяхъ технической игры и художественной передачи; но въ общемъ артистъ выказалъ всѣ преимущества и достоинства первокласснаго віолончелиста: выровненный во всѣхъ регистрахъ тонъ, чуждый всякой слащавости, мужественный и благородный, длинный смычекъ, столь же пѣвучій въ кантиленѣ, сколь точный въ ударѣ при стоккато или началѣ музыкальной фразы; темпераментъ нервный, но сильный, замѣчательное чувство формы и общей идеи композиціи, выражающееся въ широкой разработкѣ мелодическаго рисунка и въ глубокомъ проникновеніи въ духъ композиціи. Артисту равно удалось и размашистая соната г. Рубинштейна и тонко выписанныя мініатюры Шумана „Дѣтскія сцены“.

Къ музыкальнымъ новинкамъ должно отнести и постановку на здѣшней нѣмецкой сценѣ байроновскаго „Манфреда“ съ музыкой Шумана. Чисто-музыкальных №№ въ этой трагедіи немного, но зато шумановскій Манфредъ крайне любопытенъ, какъ комментарий къ общей эстетикѣ искусства, какъ разграниченіе сферъ поэтической и музыкальной. Музыка въ описаніяхъ рефлексій и реальныхъ страстей не можетъ соперничать съ поэзіей, — вотъ что, повидимому, съ крайнею смѣлостью заявляетъ Шуманъ, лишая почти всю роль Манфреда музыкальной поддержки. Зато великое преимущество средствъ музыки надъ средствами поэзіи — въ изображеніи стихійныхъ волненій и фантастики; поэтому съ особеннымъ тщаніемъ разработаны всѣ тѣ моменты драмы, которые посвящены природѣ во всѣхъ ея непосредственныхъ проявленіяхъ: отсюда эти хоры духовъ, альпійскій рожокъ въ горахъ, сцена появ-

ленія Астарасы и т. д. Въ общемъ, въ соединеніи съ словами Байрона, эта музыка даетъ впечатлѣніе болѣе могучее, чѣмъ дала бы цѣлая опера, написанная на этотъ сюжетъ. „Манфредъ“ въ такомъ видѣ шелъ 19 апрѣля, утромъ.

Вечеромъ 19 апрѣля шелъ „Баль-маскарадъ“ Верди, вновь разученный, съ превосходнымъ ансамблемъ.

Гастроли начинаются у насъ обыкновенно въ концѣ апрѣля, — такъ, 22 апрѣля выступила въ партіи Анды вѣнская драматическая примадонна г-жа Шлегеръ. Голосъ ея — обширное меццо-сопрано, располагающее діапазономъ высокаго сопрано; нижній регистръ великолѣпный, средній соченъ и красивъ, но въ верхнемъ сказывается усиленіе. Лирическія мѣста мало благодарны для этого грузнаго голоса. Артистка немолода и не обладаетъ сценической наружностью, но въ патетическихъ моментахъ своихъ партій достигаетъ художественнаго впечатлѣнія. 25 апрѣля она пѣла въ „Трубадурѣ“, 28 — въ „Царицѣ Савской“ Гольдмарка, 29 — въ „Лукреціи Борджіи“ Доницетти, 1 мая — въ „Валкиріи“. Значительно меньшій интересъ представили гастроли г-жи Марокетти и г. Конти. 6 мая гастролеры выступили въ „Кармэнъ“, въ партіяхъ Кармэнъ и Эскамильо, а 8 мая — въ „Фаустъ“, въ партіяхъ Маргариты и Валентины. — 15 мая была вновь поставлена старомодная опера Флотова „Страделла“; г-жа Нольденъ, въ партіи Леоноры, дала нѣсколько очень красивыхъ верхнихъ нотокъ и трелей.

— Въ воскресенье, 12 апрѣля, въ залѣ „Улья“ начались представленія труппы драматическихъ артистовъ съ участіемъ г-жи Мазуровской. Шло „Сумашествіе отъ любви“; затѣмъ во вторникъ давали драму Виктора Гюго „Анжело“. Уже во второе представленіе публика рѣшительно блистала своимъ отсутствіемъ. Причина такого полнаго неуспѣха г-жи Мазуровской — самый невозможный составъ труппы. За исключеніемъ г-жи Равичъ, вѣрво подыгрывавшій г-жѣ Мазуровской, остальные артисты не могли бы, кажется, и нарочно сыграть такъ плохо, какъ они играли. Рижане слишкомъ избалованы труппою г-на Фаддѣва для того, чтобы находить удовольствіе въ подобныхъ зрѣлищахъ. Естественно, что игра и самой г-жи Мазуровской, при такомъ жалкомъ антуражѣ, не имѣла того успѣха, какой несомнѣнно выпалъ бы ей на долю при другихъ условіяхъ; да и самой артисткѣ было, конечно, мудрено вполне развернуть свои недюжинныя силы, когда хохотъ публики надъ ея товарищами то и дѣло перебивалъ реплики. Во всякомъ случаѣ, какъ ни прискорбна неудача гастролей г-жи Мазуровской, въ этой неудачѣ есть одна хорошая сторона, урокъ гастролерамъ не разсчитывать исключительно на свои силы; требованія рижанъ настолько велики, что удовлетворить ихъ безъ соотвѣтственнаго ансамбля не такъ-то легко.

Изъ новинокъ на сценѣ нѣмецкаго городского театра заслуживаетъ нѣкотораго вниманія драма Ганса Ольдена „Der Glückstifter“. Извѣсто то вліяніе, которое оказываютъ въ настоящее время на германскую литературу Золя и Ибсеновская драма. Пьеса Ольдена можетъ служить примѣромъ пьесы, навѣянной не только этимъ вліяніемъ, но и русскою литературою. Въ этой безъ нужды растянutoй драмѣ есть и наслѣдственность, и героиня стремящаяся à la Нора къ освобожденію отъ брачнаго ига, и слабохарактерный герой, страдающій какъ бы параличомъ воли, и прямая противоположность ему — его братъ авантюристъ, который убиваетъ перваго мужа героини, чтобы братъ могъ на ней жениться. Едва ли не лучшее мѣсто

песы когда старый адвокат-психологъ ловить на словѣ и уличаетъ преступника, играя съ нимъ какъ кошка съ мышью; вся эта сцена III акта до мелочей напоминаетъ сцену между Раскольниковымъ и Порфиріемъ Порфирьевичемъ и въ театрѣ производитъ глубокое впечатлѣніе, не смотря на весьма посредственную игру мѣстныхъ актеровъ. Успѣха пьеса почти не имѣла, какъ не имѣла она и въ Берлинѣ, гдѣ она была дана въ первый разъ 6 октября 1891 г.

На праздникахъ спосно въ отношеніи ансамбля были поставлены „Орлеанская дѣва“ и „Разбойники“. Въ послѣдней пьесѣ гастролировалъ въ роли Франца молодой еще артистъ Лейпцигскаго театра г. О. Vischer, кажется многообещающій въ будущемъ. Интересно, въ какомъ видѣ идутъ у нѣмцевъ „Разбойники“. Въ передѣлкѣ шиллеровской пьесы для сцены разбойники приводятъ Франца къ Карлу, который, прощая его, обнимается съ нимъ, а затѣмъ отдаетъ его на произволъ разбойниковъ, и они уже сами отъ себя бросаютъ его въ подземелье, гдѣ сидѣлъ старый Моръ. Кончается эта безвкусная передѣлка, придуманная очевидно въ угоду вкусамъ публики, какъ у Шиллера. Жаль, хорошо бы было выдать Амалию за Карла и заставить стараго Мора нянчить внучатъ.

Не безынтересно сравнить цифры числа посѣтителей въ театрахъ и циркѣ. 6 апрѣля (второй день праздника Пасхи) въ городскомъ театрѣ 884 человекъ, въ латышскомъ 758; въ циркѣ днемъ 515, вечеромъ 1997. Накаунѣ въ гор. театрѣ 736, въ латышскомъ 612; въ циркѣ 1893. 7-го апрѣля въ город. театрѣ утромъ (представленіе съ пониженными цѣнами, „Юлій Цезарь“) 806, вечеромъ („Орфей въ аду“) 992 посѣтителя; въ циркѣ 1715 человекъ. Разница въ пользу цирка слѣдовательно достигаетъ порядочныхъ размѣровъ.

В. Ч.

Симферополь (отъ нашего корреспондента). Лѣтній театралъный сезонъ открытъ въ нынѣшнемъ году 26 апрѣля труппою малороссійскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Грицаца, составившаго свою труппу частью изъ артистовъ, бывшихъ въ труппѣ г. Старицкаго, частью изъ новыхъ силъ. Поставленная для открытія сезона оперетка „Сорочинскій ярмарокъ“ привлекла въ театръ многочисленную публику—сборъ былъ почти полный—и хотя въ общемъ оперетка прошла довольно гладко, — тѣмъ не менѣе недочеты въ исполненіи нѣкоторыми артистами своихъ ролей были большіе и вообще замѣчено отсутствіе того ансамбля, которымъ отличались малороссы два-три года назадъ. Особенно замѣтно также отсутствіе въ труппѣ артиста на роли простаковъ, въ чемъ мы особенно убѣдились на слѣдующій день, когда шла комедія „Пилипъ музыка“. Труппа пробудетъ здѣсь до 1 іюня, когда, на смѣну ей, приглашена драматическая труппа г. Делева-Вучетича, которая уступитъ театръ въ іюлѣ оперной труппѣ г. Черкасова, изъ Ростова на Дону; закончится-же сезонъ, какъ предполагается, опереткою. Для сада приглашенъ изъ Одессы оркестръ г. Люблинера.

Сувалки (отъ нашего корреспондента). 20 апрѣля, въ нашемъ клубѣ любители въ первый разъ взялись за исполненіе пьесы Островскаго.

Комедія „Не такъ живи, какъ хочется“ оказалась исполнителемъ не по силамъ; большинство исполнителей были необыкновенно наивны въ передачѣ ролей. Срепетована пьеса слабо. Водевиль „Мышеловка“ сошелъ удачнѣе.

Весьма желательно, чтобы любители ставили пьесы Островскаго, — мы, русскіе, вообще мало

знаемъ и изучаемъ нѣшихъ классиковъ; но пусть это дѣло будетъ ведено серьезно и съ любовью, а не случайно и на авось. Первая попытка была неудачна: пусть она не остановитъ энергіи... въ добрый часъ!

Томскъ (отъ нашего корреспондента). Театралъный сезонъ, сверхъ ожиданія, окончился у насъ очень печально. Сборъ за весь сезонъ простирался до 33,700 р. Несмотря на это, антрепренеръ нашего театра г. Крыловъ не могъ въ точности исполнить всѣхъ принятыхъ на себя обязательствъ передъ артистами и нѣкоторые изъ нихъ недополучили жалованья за послѣдніе 15 дней, хотя со всѣми третъестепенными „маленькими“ артистами и хористами г. Крыловъ расчелся добросовѣстно. Недополучили жалованье, преимущественно, новые персонажи—получавшіе солидное содержаніе.

Печальнымъ окончаніе сезона я считаю вслѣдствіе скандала, происшедшаго въ прощальный бенефисъ антрепренера г. Крылова, 16 февраля. За послѣднее время у насъ, въ Томскѣ, образовалась партія противниковъ оперетки, рѣшившая выразить свое несочувствіе къ ней. 16 февраля была поставлена оперетта „Бѣдный Іонафанъ“. Поднялся занавѣсъ и началось представленіе. Какъ только началъ свою роль г. Крыловъ, изображавшій въ опереттѣ антрепренера, изъ бенеуара и партера раздались шумныя рукоплесканія по его адресу; но, затѣмъ, какъ бы въ разрѣзъ имъ — раздались и свистки изъ галлерей и бельэтажа. Сначала эти свистки были робкіе и тихіе, по потомъ стали все усиливаться. Въ театрѣ наступилъ положительный хаосъ, занавѣсъ былъ спущенъ, такъ какъ рѣшительно невозможно было продолжать представленіе. Прошло нѣсколько минутъ среди общаго крика, шума и свиста, занавѣсъ поднялся. Но, выходя г-жи Смолиной былъ встрѣченъ такимъ-же шумомъ сдѣлавшимся еще сильнѣе при аплодисментахъ, раздавшихся при выходѣ г. Рутковскаго, къ ногамъ котораго бросили голикъ. Г. Рутковскій началъ говорить, что „многіе еще до сихъ поръ привыкли смотрѣть на актера, какъ на шута и скомороха, — что актеръ часто подвергается незаслуженнымъ оскорбленіямъ, къ сожалѣнію — иногда оскорбленія наносятся изъ-за угла и не представляется возможнымъ отвѣчать на нихъ достойнымъ образомъ. Вотъ и теперь — закончилъ онъ свою рѣчь — какіе-нибудь два три нахала наносятъ изъ-за угла, и совершенно незаслуженно, оскорбленіе нашему уважаемому антрепренеру М. М. Крылову“. Слова г. Рутковскаго были покрываемы неумолкаемымъ свистомъ и, затѣмъ, свистъ уже не прерывался втеченіи всего хода спектакля. По окончаніи же его, когда публика стала расходиться, свистъ начался въ разныхъ мѣстахъ и продолжался далеко за полночь. Кучка свистящихъ оставалась въ театрѣ и тогда, когда были потушены почти всѣ лампы. Со свистящими нѣсколько разъ выходили на сцену объясняться г. Крыловъ и другіе артисты.

Слѣдуетъ замѣтить, что у насъ театралъное дѣло поставлено въ очень тяжелыя условія. Субсидіи на театръ ни откуда не полагаются, а собственникъ зданія театра г. Королевъ взимаетъ солидную арендную плату за сезонъ. Сборъ за сезонъ въ Томскѣ всегда колеблется между 34 и 38 тысячами, и больше этого Томскъ дать не можетъ. Драма никогда не окунала у насъ расходовъ и поэтому нельзя удивляться, что антрепренеръ предпочелъ драмѣ оперетку, разсчитывая на болѣе лучший сборъ. И до сихъ поръ — какъ это ни грустно — большинство томичей изъ посѣщающихъ театръ предпочитаютъ оперетку всякой драмѣ. Если г.

Крыловъ не свелъ концы съ концами, то это потому что у него было нѣсколько лишннихъ персонажей и въ тоже время—были плохіе хоры.

На слѣдующій сезонъ, должно быть, антрепризу театра оставить за собой самъ его владѣлецъ, а г. Крыловъ, по его порученію, отправится въ Россію для сформированія труппы, которая будетъ исключительно драматическая.

Втеченіи поста у насъ даются концерты любителями и здѣшнимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Музыкальнаго Общества. Они привлекаютъ довольно много публики.

В. С.

Уфа. (*Отъ нашего корреспондента*). Съ начала мая въ Уфѣ играетъ драматическая труппа подъ управленіемъ Г. Е. Стояра. Составъ труппы: г-жи Кручинина, Вольская-Дарская, Некрасова, Крузова, Смирнова и др., гг. Липтваревъ, Вольскій, Невѣровъ, Горинъ и Федоровъ. Режиссеръ, — г. Вольскій. Для первыхъ трехъ спектаклей было поставлено: „Соколы и Вороны“, „Женитьба Бѣлугина“ и „Гроза“. Г-жа Кручинина актриса не безъ дарованія и не безъ темперамента, обладаетъ для сцены внѣшностью, тѣмъ не менѣе игра ея не производитъ должнаго впечатлѣнія на зрителя. Шаблонная передача ролей портитъ все дѣло. Г-жа Некрасова очень симпатичная актриса, видимо много работаетъ надъ ролями. Г-жа Вольская-Дарская была-бы недурная водевильная актриса, если бы исполненіе ролей не отличалось утировкой.

Г. Липтваревъ въ роляхъ драматическихъ любовниковъ очень недуренъ. Игра его отличается обдуманностью, простотой и не лишена искренности. Г. Вольскій играетъ комическія роли довольно вяло и безцвѣтно. Г. Невѣровъ—резонеръ—какъ опытный актеръ, ролей не портитъ. Г. Горинъ въ роляхъ фатовъ слабъ, а простаковъ играетъ недурно.

Харьковъ (*отъ нашего корреспондента*). Весенній театральнй сезонъ въ этомъ году отличался у насъ большимъ оживленіемъ и разнообразіемъ. Со втораго дня Пасхи въ драматическомъ театрѣ начались спектакли харьковскаго драматическаго Товарищества съ участіемъ г. Иванова-Козельскаго. Первые спектакли сопровождались большимъ матеріальнымъ успѣхомъ, но послѣдніе уже не дали особенно большихъ сборовъ, такъ что въ сущности отъ этихъ гастролей, въ виду громадныхъ вечеровыхъ расходовъ, Товарищество почти ничего не выручило: одному г. Иванову-Козельскому приходилось платить разовые по 150 рублей за спектакль. Особенно выдающагося художественнаго интереса спектакли эти не представляли: дарованіе г. Иванова-Козельскаго, достаточно хорошо извѣстное нашей публикѣ, сужено слишкомъ тѣсными рамками не обновляющагося въ теченіе многихъ лѣтъ репертуара. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы этотъ репертуаръ не былъ интересенъ: хотя въ немъ и стоятъ рядомъ двѣ такихъ несоизмѣримыхъ величины, какъ „Гамлетъ“ и безобразная переделка на русскіе нравы пѣмедкой драмы „Отъ судьбы не уйдешь“, въ которой у г. Козельскаго есть, положимъ, очень благодарная роль, исполняемая имъ дѣйствительно очень эффектно. Въ Харьковѣ, кромѣ двухъ названныхъ нами сейчасъ пьесъ, г. Козельскій сыгралъ еще слѣдующія: „Женитьба Бѣлугина“, „Семья преступника“, „Уріэль Акоста“, „Кинъ“, „Разбойники“, „Коварство и любовь“, „Блуждающіе огни“, „Испорченная жизнь“, „Шейлокъ“, и, наконецъ, „Шпильки и сплетни“. Артисту гораздо лучше удаются роли бытоваго репертуара, нежели классическаго, хотя напр. роль Франца Моора у него отдѣлава прекрасно и въ ней онъ произво-

дит большое впечатлѣніе. Коронными же ролями въ его репертуарѣ можно считать роли Бѣлугина и Курчаева, хотя, для первой изъ нихъ онъ уже становится вѣскольکو тяжеловатъ. Наименѣе же удачными ролями мы считаемъ роли Гамлета и Акосты: въ этихъ двухъ роляхъ у артиста видна довольно тщательная работа, но вся она употреблена для того, чтобы подражать великимъ образцамъ въ родѣ Сальвины. вмѣстѣ съ г. Козельскимъ въ качествѣ гастролерши выступала также бывшая любимица мѣстной публики г-жа Апвесская, неимѣвшая особеннаго успѣха.

Очень заинтересовали публику гастролы г-жи Савиной, объявленныя сначала съ 6 апрѣля, затѣмъ перенесенныя, было, на 15-е и наконецъ, начавшіяся только 23-го. Такія перемѣны, въ зависѣвшія ни отъ Товарищества, ни отъ самой гастролерши, повели къ тому, что г-жа Савина могла здѣсь дать только три спектакля, такъ какъ съ 26 апрѣля драматическій театръ былъ отданъ Товариществу г. Соловцова. Г-жа Савина выступила въ роляхъ Елены Протичъ („Симфонія“) Татьяны Рѣпиной и Ольги Ранцевой. Артистка едва могла играть, потому что была серьезно больна, но, даже несмотря на болѣзнь, г-жа Савина имѣла громадный успѣхъ, выразившійся не только въ шумныхъ и восторженныхъ оваціяхъ, но и въ полныхъ сборахъ, достигнувшихъ затри спектакля 3,650 рублей. Отсюда Т-во направилось въ Кіевъ и Екатеринославъ и по возвращеніи въ Харьковъ т. е. за двѣ недѣли заработало по 3 рубля на рубль, несмотря на то, что гастролерша получаетъ за каждый спектакль по 300 р., а г. и г-жа Петипа по 100 рублей. Съ 10 по 15 мая включительно Товарищество съ участіемъ г-жи Савиной дало пять спектаклей — „Невольницы“ (10 мая), „Перчатка“ и „Тетенька“ (11 мая), „Собака садовника“ и „Лѣтнія грезь“ (12 мая), „Вѣтерокъ“ (14 мая) и „Въ неравной борьбѣ“ (15 мая). Хотя большинство, входившихъ въ составъ репертуара г-жи Савиной, произведеній не отличаются ни новизной, ни особенно выдающимся литературными достоинствами, но игра талантливой артистки искупала многіе недостатки этихъ произведеній и публика, ходившая смотрѣть г-жу Савину въ большомъ количествѣ, получала все-таки рѣдкое эстетическое удовольствіе. Передъ окончаніемъ гастролей г-жи Савиной изъ состава Товарищества были г. и г-жа Петипа, отказавшіеся продолжать дальнѣйшую поѣздку.

Товарищество г. Соловцова дало здѣсь всего четыре спектакля: „Вѣшныя деньги“, „Жаворонки“, „Шиповникъ“ и 2-й актъ изъ „Свадьбы Кречинскаго“ и „Друзья-пріятели“. Несмотря на выдающіяся силы, Товарищество не имѣло здѣсь никакого матеріальнаго успѣха и понесло довольно значительные убытки.

Такой же неудачный матеріальный результатъ имѣли здѣсь спектакли опереточной труппы г. Парадиза, дававшіеся въ зимнемъ театрѣ клуба съ 6 апрѣля по 1 мая. Только нѣкоторыя новинки дѣлали довольно сносные сборы.

Лѣтній сезонъ у насъ обѣщаетъ принять чисто кафе-шантаннй характеръ, потому что никакихъ мало-мальски приличныхъ развлеченій въ садахъ не предполагается, кромѣ развѣ пачинающихся съ 20 мая въ лѣтнемъ театрѣ коммерческаго клуба спектаклей малорусскаго Товарищества съ гг. Манько и Деркачемъ во главѣ. Товарищество это предполагаетъ здѣсь пробыть всего мѣсяцъ. Единственный въ городѣ, доступный для приличной публики, садъ коммерческаго клуба, по примѣру другихъ садовъ, превратился теперь въ самый откровенный шантанъ.

Б. И.

Х р о н и к а.

МОСКВА.

Въ Большомъ театрѣ въ сентябрѣ предполагены къ постановкѣ: „Русланъ“, „Робертъ“, юбилейный спектакль оперы М. И. Глинки — „Жизнь за Царя“, съ роскошной новой обстановкой и костюмами, „Пиковая дама“, „Невѣста-Лунатикъ“, „Лоэнгринъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Демонъ“, „Ролла“, „Травиата“, „Баль-Маскарадъ“ и возобновленіе оперы Верди—„Аида“.

Въ началѣ октября предполагается первое представленіе оперы Вагнера „Зигфридъ“, затѣмъ будутъ поставлены: „Гугеноты“, „Лючія“, „Сонъ на Волгѣ“, „Фаустъ“, „Русалка“ и „Пиръ Бальсаруссура“. Въ ноябрѣ появятся: „Отелло“, „Жидовка“, „Іоаннъ Лейденскій“, „Трубадуръ“ и состоится первое представленіе оперы „Лакмэ“, еще не шедшей на русскомъ языкѣ, съ г-жей Фостремъ въ заглавной роли. Въ декабрѣ предстоятъ возобновленія моцартовскаго „Донъ-Жуана“ и „Африканки“, а въ январѣ 1893 года состоится первое представленіе оперы г. Римскаго-Корсакова „Снѣгурочка“ и будетъ поставлена опера г. Чайковского „Черевички“.

Сверхъ того готовится къ постановкѣ феерія г. Виктора Крылова „Кольцо любви“.

Въ Маломъ театрѣ, первой новой пьесой будутъ сцены г. Деденева „Ночи безумныя“, затѣмъ пойдутъ: драма П. Н. Полеваго „За право и правду“, пьеса П. П. Гнѣдича, — „Перекажи-поле“, новая драма Н. В. Шпагинскаго „Жертва“, комедія В. А. Крылова „Лѣтнія грезы“, бенефисъ А. П. Ленскаго, который предполагаетъ возобновить „Ричарда III“ Шекспира, затѣмъ: комедія Н. А. Салова „Гусь лапчатый“, бенефисъ О. А. Правдина, комедія Зудермана „Честь“ и драма Бьернсонъ-Бьернштерна „Марія Шотландская“, въ переводѣ г. Гансена.

На январь 1893 года приходится два бенефиса: О. П. Горева и М. П. Садовскаго. Г. Горевъ ставитъ драму Коппе, въ переводѣ г. Слѣпцова, „Якобиты“.

Кромѣ того предусмотрено возобновленіе мольеровскаго „Скупяго“, съ г. Правдинымъ въ роли Гарпагона.

Въ репертуарѣ Малаго театра сняты съ очереди три пьесы: „Жрица искусства“ г. Карпова, „Арсеній Гуровъ“ г. Михеева и „Богатѣй“ г. Гославскаго. Комедія „Богатѣй“ будетъ поставлена въ будущемъ сезонѣ на петербургской сценѣ. Вопросъ о постановкѣ новой пьесы П. М. Невѣжина „Въ родномъ углу“ будетъ рѣшенъ окончательно не ранѣе сентября.

Изъ состава труппы Малаго театра вышли г-жа Стрѣлкова и г. Дьяконовъ.

Н. М. Медвѣдева, въ виду утомленія отъ долгой сценической дѣятельности, просила объ отставкѣ съ тѣмъ лишь преимуществомъ, чтобы получаемая ею пенсія была увеличена до 3,000 руб. Отвѣтнымъ распоряженіемъ это ея желаніе уважено, но съ оставленіемъ ея на дальнѣйшей службѣ и назначеніемъ жалованья въ годъ сверхъ пенсіи по 6,000 руб.; при этомъ добавлено, что труды заслуженной артистки должны быть сообразованы съ ея здоровьемъ и теперешнимъ состояніемъ ея

силъ. Такимъ образомъ, Малый театръ, къ счастью для русской сцены, сохраняетъ въ лицѣ Н. М. Медвѣдовой одну изъ славнѣйшихъ хранительницъ его неувядаемыхъ традицій.

„Князь Игорь“ въ будущемъ сезонѣ въ Большомъ театрѣ не поидетъ.

Артистка московской оперы А. О. Каратаева покидаетъ московскую сцену и уѣзжаетъ осенью за границу.

Слѣдующій приѣздъ въ Москву г. директора театра Н. А. Всеволожскаго предполагается въ двадцатыхъ числахъ августа.

Въ составъ оперной труппы приглашены на одинъ годъ: г-жа А. М. Маркова (драматическое сопрано) и г. В. С. Мирковъ (басъ).

Г. Клементьевъ принятъ въ труппу Большаго театра на окладъ въ 3,000 руб. Ему дано на будущій сезонъ 10 партій, въ томъ числѣ Фауста и Рауля въ „Гугенотахъ“.

Г. Корсовъ возобновилъ контрактъ съ дирекціей московской казенной оперы еще на одинъ годъ.

Дирекціей Императорскихъ театровъ возобновленъ контрактъ съ примадонной г-жей Альмой Фостремъ на будущій сезонъ. Г-жа Фостремъ будетъ пѣть въ новыхъ въ ся репертуарѣ операхъ „Жизнь за Царя“, „Снѣгурочка“, „Лакмэ“ и „Динора“.

Баритонъ г. Соколовъ принятъ на сцену Большаго театра на окладъ въ 2,000 руб.

Дирижеръ оркестра Императорскаго Малаго театра г. Богуславъ оканчиваетъ срокъ службы. Г. Богуславу назначена пенсія по 1-му разряду въ размѣрѣ 1,143 руб.

Баритонъ П. А. Хохловъ и басы гг. Власовъ и Трезвинскій возобновили на два года контрактъ съ дирекціей нашего Большаго театра.

Дирижеръ нашей казенной оперы г. Альтани получилъ командировку въ Байрейтъ, чтобы посмотрѣть вагнеровскаго „Зигфрида“, въ виду предстоящей постановки его на нашей казенной сценѣ. Главнѣйшій машинистъ и декораторъ Императорскихъ театровъ К. О. Валковъ ѣдетъ на вѣнскую театральную выставку, а затѣмъ въ Парижъ и Лондонъ, для ознакомленія съ выдающимися новинками.

Въ нашемъ театральномъ училищѣ уже окончилъ выпускные экзамены по балетному отдѣленію. Среди выпускныхъ въ кордебалетъ и корифейки ученица—г-жа Рославлева выпущена прямо съ званіемъ солистки 2-го разряда. Выпускъ прямо въ солистки—явленіе довольно рѣдкое.

Фотографъ К. А. Фишеръ (пріемникъ Дяговченко) утвержденъ г. министромъ двора въ званіи фотографа Императорскихъ театровъ.

Помощникомъ режиссера балетной труппы назначенъ Л. И. Горскинъ.

Драма г. Шпагинскаго „Въ старые годы“ переведена на французскій языкъ и, какъ говорятъ, будетъ поставлена на одной изъ парижскихъ сценъ.

Приступлено къ постройкѣ лѣтняго театра

„Скоморохъ“ въ Сокольникахъ на мѣстѣ Овчинниковской фабрики. Театръ строится по проекту художника Е. Ф. Вауэра и будетъ готовъ къ 1-му іюня. Зданіе новаго театра будетъ съ однимъ ярусомъ ложъ, которыхъ предполагено 18.

Составъ труппы лѣтняго театра „Скоморохъ“, въ Сокольникахъ, останется почти тотъ же. Главнымъ дирижеромъ оркестра будетъ Ѳ. А. Неруга.

М. В. Лентовскій напечаталъ въ московскихъ газетахъ письмо, что „при настоящемъ положеніи дѣла сада „Эрмитажъ“ онъ принужденъ уклониться отъ всякаго вмѣшательства въ веденіи дѣла, какъ театральнаго, такъ и увеселительнаго“. Отказъ М. В. Лентовскаго отъ заведыванія дѣлами сада *Эрмитажъ*, который былъ имъ основанъ и, благодаря его же энергіи и знанію дѣла, приобрѣлъ прочную любовь московской публики, не могъ, конечно, не отозваться на дѣлахъ сада. Г. Лентовскій имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на оживленіе сцены и всего предпріятія.

На сценѣ театра была для открытія поставлена оперетка Варне „Дочь Фаншонъ“ въ отчаянно плохомъ переводѣ г. Арбенина. Въ главной роли была очень недурна симпатичная артистка г-жа Рюбанъ. Остальныя главные роли исполняли извѣстные москвичамъ г-жа Шеръ и гг. Волховской, Леонидовъ, Богдановъ и Леоновъ. Новый теноръ г. Дунаевъ успѣха не имѣлъ.

Новая оперетка довольно богата недурными мотивами, хотя и мало оригинальна. Сюжетъ съ неудачной претензіей на новизну.

Слѣдующей новинкой поставлена оперетка Грюнеке „Америкаецъ изъ Чикаго“, довольно бѣдноватая и по музыкѣ, и въ особенности по сюжету. Въ ней выступили г-жа Военсъ, пѣвшая ранѣе въ Москвѣ, и г-жа Энглунтъ. Последняя—изящная, симпатичная артистка, съ небольшимъ голосомъ, которымъ она владѣетъ умѣло.

Капельмейстеръ г. Труффи, конечно, несравненно выше всѣхъ своихъ предшественниковъ въ московской опереткѣ.

Въ нынѣшнемъ году „Эрмитажъ“ открылся подъ дирекціей артиста Л. И. Гуляева-Леонидова, которымъ, по требованію администратіи, внесенъ залогъ въ размѣрѣ 10.000 руб.

Хотя труппа и не блещетъ новыми силами, тѣмъ не менѣе оперетки являются хорошо сренетованными, обстановка педурная, а любимые публикою артисты, конечно, сохраняютъ симпатіи москвичей къ саду „Эрмитажъ“, такъ долго бывшему наиболѣе излюбленнымъ публикою лѣтнимъ театромъ.

Садъ и театръ „Фантазія“ въ Петровскомъ паркѣ отдѣланы очень эффектно; самый садъ увеличенъ почти на половину, въ лѣвую, отъ большаго театра, сторону. На новой прирѣзанной части сада разбиты клумбы, цвѣтники и разставлены затѣйливой архитектуры киоски.

Для открытія сезона была поставлена феерія „Разбойникъ Нуръ—гроза Дагестана“, а на открытой сценѣ „На хуторѣ“, ком. П. П. Гнѣдича. Особо выдающихся исполнителей въ труппахъ этого сада нѣтъ, но постановка старательная и довольно приличная. Нѣкоторыя же сцены поставлены роскошно. Главенствуетъ балетъ. Г-жа Сарси очень недурная балерина и пользуется успѣхомъ. Она появилась въ балетѣ „Сильвія“. На открытой сценѣ поставлена комедія „Разрушеніе Помпеи“, а въ театрѣ оперетка „Свадьба при фонаряхъ“. Главное достоинство сада „Фантази“ — непрерывающійся рядъ зрѣлищъ,

безъ всякаго промежутка.—Публика не скучается, а потому надо думать, что „Фантазія“ будетъ пользоваться успѣхомъ.

Изъ окончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ музыкально-драматическаго училища Филармоническаго Общества: г-жи Шубина (контральто) принята въ Большой театръ, Левъ (сопрано) и Жуковская (меццо-сопрано) подписали контракты на зиму съ г. Прянишниковымъ. Теноръ г. Коваленко приглашенъ въ Тифлисъ, басъ г. Островидовъ—въ Кіевъ, а г-жа Струсь принята въ Александринскій театръ.

И. И. Чайковскій написалъ новую оперу—„Ион-тала“. Партитура ея печатается теперь въ Москвѣ у Юргенсона, и нашъ знаменитый композиторъ самъ держитъ корректуру своего новаго произведенія. Сюжетъ оперы очень поэтический и заимствованъ изъ лирической драмы Герца — „Дочь короля Рене“. Либретто составлялъ братъ композитора—М. И. Чайковскій. Опера уже переводится на французскій языкъ.

По слухамъ, г. Корещенко пишетъ оперу на сюжетъ Лермонтова „Ангель смерти“.

Опубликовано Высочайшее разрѣшеніе на принятіе Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Александрой Юсифовной званія предсѣдательницы Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

„Москов. Вѣдом.“ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, что исправляющимъ должность московскаго оберъ-полицеймейстера полковникомъ А. А. Власовскимъ не будутъ разрѣшаться частныя театральныя антрепризы въ Москвѣ безъ внесенія со стороны антрепренеровъ такого залога, который-бы вполне обезпечивалъ мѣсячное содержаніе всей труппы и служащихъ при театрѣ. Затѣмъ всѣ залогі, которые раньше вносились служащими антрепренерамъ, въ настоящее время также будутъ вноситься въ одинъ изъ банковъ на храненіе.

На предстоящій лѣтній сезонъ въ селѣ *Кусково*, расположенномъ близъ станціи Московско-Нижегородской желѣзной дороги „Кусково“, у графа С. Д. Шереметева театръ и садъ снялъ московскій купецъ Т. А. Антошинъ.

Въ селѣ *Богородскомъ*, въ нынѣшнемъ году, будетъ подвизаться правильно организованная труппа драматическихъ артистовъ, съ участіемъ гастролеровъ. Въ числѣ ихъ называютъ г-жъ Савину, Журавлеву, Патоцкую и Мартынову и гг. Соловцова, Рощина-Инсарова, Ильинскаго и др. Въ составъ постоянной труппы приглашены г-жи Панина, Вышинская, Тамарина, Морская, Полянская, Ильинская, Рябова; гг. Чинаровъ, Неволинъ, Николаевъ-Лужскій, Красовъ, Кондратьевъ и др. Садъ за-ново отдѣланъ, театръ подновленъ. Распорядителемъ, по-прежнему, г. Вейхель.

14-го мая состоялось открытіе сезона. Поставлена была комедія А. Н. Островскаго „Везъ вины виноватые“. Театръ былъ совершенно полонъ. Г. Ильинскій выступилъ въ роли Незнамова.

Второй спектакль привлекъ достаточное количество публики. Поставлена была трехактная драма Ѳ. Карѣева—„Забубенная головushка“ и фарсъ „Прежде скончались потомъ повѣнчались“.

Въ *Царьцитѣ* въ театрѣ, въ саду Диппмана, при станціи Московско-Курской желѣзной дороги, въ теченіе лѣтняго сезона, съ 24-го мая по 15 августа, подъ управленіемъ и режиссер-

ствомъ Л. К. Людвигова, будутъ устраиваться спектакли. Пойдутъ драмы и комедіи современнаго репертуара.

26 апрѣля въ Андроньевомъ монастырѣ совершена была заупокойная литургія, а послѣ нея панихида по основателѣ русскаго театра и первомъ русскомъ актерѣ **В. Г. Волковѣ**, погребенномъ на кладбищѣ этого монастыря. Слѣды могилы Волкова давно уже исчезли и до сихъ поръ на монастырскомъ кладбищѣ не было никакого вѣщественнаго указанія, которое обозначало бы, что здѣсь погребены прахъ чело-вѣка, знаменитаго въ исторіи нашего просвѣщенія. Желая почтить память Волкова, Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ устроило мѣдную массивную доску, которая послѣ панихиды была укрѣплена на южной сторонѣ кладбищенскаго храма, сооруженнаго **Е. І. Молчаповой**. Доска, послѣ ея укрѣпленія, была освящена мѣстнымъ духовенствомъ и здѣсь же была отслужена литія по Волковѣ. Размѣръ доски 12 X 10 вершк., надпись на ней слѣдующая: *Памяти перваго русскаго актера Федора Григорьевича Волкова, погребеннаго на семъ кладбищѣ (род. 1739 г., сконч. 1763 г.). Отъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ.*

Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ исправленію памятника на могилѣ Мочалова на Ваганьковскомъ кладбищѣ и къ приведенію могилы въ благообразный видъ. Обществомъ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ ассигновано на это сумма, достаточная для того, чтобы соорудить вокругъ могилы Мочалова, его отца (извѣстнаго въ свое время трагика) и его брата желѣзную рѣшетку, исправить памятники, поставить на нихъ кресты и проч. Чествованіе памяти Мочалова заупокойной литургіей въ церкви Ваганьковскаго кладбища и панихидой на исправленной его могилѣ предполагается осенью, когда съѣдется артистическій персоналъ.

Въ № 1 „Дневника Артиста“ ошибочно было напечатано сообщеніе, что ком. гг. Криницкаго и Воронежскаго „Навожденіе“ была одобрена Московскимъ Театрално-Литературнымъ Комитетомъ. Комедія эта вовсе не поступала на разсмотрѣніе комитета, а была принята Дирекціею до основанія новаго комитета.

Управляющій московской конторой Императорскихъ театровъ **П. М. Пчельниковъ** на-дняхъ уѣхалъ на лѣто въ Крымъ. Возвращеніе г. Пчельникова предполагается въ двадцатыхъ числахъ августа.

22-го марта происходило годичное засѣданіе *Общества любителей художествъ*. Въ засѣданіи былъ прочитанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1891 годъ. Въ отчетномъ году въ Обществѣ состояло 6 почетныхъ, 11 постоянныхъ, 158 членовъ-любителей и 77 художниковъ. Въ прошломъ году на выставкахъ Общества, не считая выставки въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, продано было 28 картинъ, на сумму 3.524 р. На двухъ бывшихъ аукціонахъ продано картинъ на сумму 3.552 р. Посѣтителей на всѣхъ выставкахъ было 6.011 чел., дѣтей и воспитанниковъ 847 чел. Доходъ Общества въ минувшемъ году равнялся 8.980 р., а расходъ—8.606 р. Къ 1-му января 1892 г. капиталъ Общества составлялъ 85.259 р. Засѣданіе закончилось выборами долж-

ностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ комитета избранъ **С. М. Третьяковъ**, членами-любителями: **П. М. Третьяковъ**, **Я. Ѳ. Гартунгъ**, **Н. В. Баснинъ**, **Н. А. Философовъ**, **С. С. Голоушевъ**, **С. Т. Морозовъ**, **П. Д. Боткинъ**, **Н. С. Мосоловъ** и членами-художниками: **Г. Ѳ. Ярцевъ**, **И. И. Левитанъ** и **Я. Е. Архиповъ**.

Г. Главачъ на электрической выставкѣ Императорскаго техническаго Общества будетъ дирижировать съ 1-го іюня большимъ симфоническимъ оркестромъ. Г. Главачъ приглашенъ на три мѣсяца. Помимо ежедневныхъ концертовъ, онъ намѣренъ давать симфоническіе.

Электрическую выставку въ Москвѣ предполагается соединить телефономъ съ театральнымъ заломъ Александрова въ Петербургѣ.

11-го апрѣля, состоялось общее собраніе членовъ *Общества драматическихъ писателей* и оперныхъ композиторовъ. Всего, съ довѣренностями, было 21 голосъ. Изъ отчета Общества видно, что въ минувшемъ году состояло 508 членовъ, изъ которыхъ 18 чело-вѣкъ вступило въ отчетномъ году. Всего авторскаго гонорара собрано за 1891 годъ 106,257 р. 50 к.,—т.-е. на 25 р. больше предшествовавшаго года. Выборы двухъ новыхъ членовъ комитета выразились, почти единогласно, въ пользу обоихъ выбывавшихъ членовъ. Такимъ образомъ комитетъ остается въ прежнемъ составѣ. Въ члены ревизіонной коммисіи избраны: **Н. И. Мясницкій**, **Н. И. Музиль**, **М. П. Садовскій**, **Ѳ. А. Коршъ** и **Д. А. Мансфельдъ**; кандидатами къ нимъ: **А. П. Чеховъ**, **С. Ѳ. Разсохинъ** и **Д. В. Гаришъ**. Затѣмъ было приступлено къ выбору судей по присужденію Грибоѣдовской преміи. Избранными оказались: **Н. С. Тихонравовъ**, **Л. И. Полнвановъ** и проф. **Ѳ. Е. Коршъ**, кандидатами къ нимъ: **С. В. Флеровъ**, **В. А. Гольцевъ** и **Н. И. Стороженко**.

На сооруженіе въ Москвѣ памятника **А. Н. Островскому** поступило къ 1-му января 1892 г. пожертвованій 11,287 руб. 85 к. Съ наступленіемъ зимняго сезона комитетъ Общества русскихъ драматическихъ писателей предполагалъ сдѣлать новое воззваніе къ пожертвованію на вышеупомянутый памятникъ, но въ виду неурожая, постигшаго многія мѣстности Россіи, счелъ это несвоевременнымъ.

Въ труппу г. Корша на будущій сезонъ приглашены извѣстный артистъ **М. Т. Ивановъ-Козельскій** и г. Соколовъ, кончившія курсъ въ школѣ Филармоническаго Общества въ 1890 г.

Г. Прянишниковъ намѣренъ въ будущемъ сезонѣ поставить слѣдующія русскія оперы: „Жизнь за Царя“—Глинки, „Князь Игорь“—Бородина, „Хованщина“—Мусорскаго, „Майскую ночь“—г. Римскаго-Корсакова, „Аскольдову могилу“—Верстовскаго, „Маккавей“, „Искатели жемчуга“ и „Гугеноты“. Приглашены сонорно г-жи **Одьяницкая**, **Мацулевичъ-Соловьева**, **Лаубе** и **Андреева** и контральто г-жа **Пономарева**, окончившій въ настоящемъ году курсъ консерваторіи г. **Серебряковъ**, г-жа **Лубковская** (на время); гг. **Антоновскій**, **Тартаковъ** (на время).

Русское оперное товарищество, подъ управленіемъ **И. П. Прянишникова**, съ 8 го по 30-е апрѣля, выручило 21.260 руб. Сумма эта вся ушла на уплату наемнымъ артистамъ и служащимъ: хору, оркестру съ капельмейстеромъ и г. Прянишникову. Самимъ артистамъ-товарищамъ ничего не пришлось получить.

Г. Тартаковъ приглашенъ на гастроли въ садъ „Эрмитажъ“. Зимній сезонъ г. Тартаковъ будетъ гастролировать въ кievской оперѣ г. **Сѣтова**, въ Харьковской оперѣ г. **Картавова** и,

наконецъ, въ Москвѣ, въ оперномъ Товариществѣ И. П. Приишеникова.

Извѣстный по любительскимъ спектаклямъ Секретаревскій театръ, на Кисловкѣ проданъ его владѣльцемъ—М. О. Стерлиговымъ въ врачу Бахрушинской больницы А. А. Корнилову для устройства водолѣчебнаго заведенія.

Московское отдѣленіе русскаго музыкальнаго Общества возбудило ходатайство предъ городскою Думою объ уступкѣ 1,440 кв. саж. земли на Театральной площади для сооруженія зданія консерваторіи съ достаточнымъ числомъ музыкальных и научныхъ классовъ, съ самостоятельною концертною залой для инструментальныхъ и оперныхъ исполненій консерваторіи, а также для квартетныхъ, симфоническихъ и другихъ исполненій музыкальнаго Общества. Комиссія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, на разсмотрѣніе которой передано было это ходатайство, предложила городской Думѣ отклонить его, въ виду того, что: 1) застройка центральныхъ городскихъ площадей, служащихъ какъ бы резервуарами воздуха, представляется

крайне нежелательной; 2) въ томъ мѣстѣ, гдѣ музыкальное Общество желаетъ построить зданіе консерваторіи, предположено Думою устроить проездъ съ Никольской улицы, чрезъ владѣніе греческаго монастыря, на Театральную площадь, и 3) уступка 1,440 кв. саж., стоящихъ 700 тыс. руб., является жертвой, несоразмѣрной съ городскими средствами. Предъ обсужденіемъ доклада комиссіи, прочитано было письмо на имя городского головы отъ директора консерваторіи В. И. Сафонова, въ которомъ онъ, сообщая, что московское отдѣленіе музыкальнаго Общества получило въ настоящее время одно выгодное предложеніе относительно постройки консерваторскаго зданія, просить приостановиться пока разсмотрѣніемъ его ходатайства. Городской голова предложилъ отложить обсужденіе ходатайства музыкальнаго Общества. Послѣ замѣчаній нѣсколькихъ гласныхъ, указывавшихъ на необходимость разсмотрѣнія этого ходатайства въ настоящемъ засѣданіи, Дума постановила отклонить просьбу объ уступкѣ земли на Театральной площади подъ зданіе консерваторіи.

15-го истекшаго мая редакція нашего журнала понесла тяжелую утрату. Послѣтяжкой и продолжительной болѣзни скончался секретарь и отвѣтственный редакторъ нашего журнала *Иванъ Ивановичъ Петровъ*.

Всѣ знавшіе покойнаго относились къ нему съ чувствомъ искренней любви и глубокаго уваженія, которыя покойный умѣлъ внушать своей искренностью, прямою, неуклонно-честнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, доброй, отзывчивой душой и готовностью помочь всѣмъ обращающимся къ нему. Это былъ рѣдкій человѣкъ, способный забыть о себѣ, ради блага другихъ.

Покойный умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, ему было всего 31 годъ.

Онъ родился въ Петербургѣ 15 января 1861 г. и окончилъ курсъ въ 1880 г. въ Кронштадтскомъ Техническомъ училищѣ и первое время служилъ въ корпусѣ морской артиллеріи, откуда въ 1884 г., въ чинѣ поручика, вышелъ въ отставку, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья.

Страдая нервной болѣзнью, покойный простудился въ водолѣчебномъ заведеніи, вслѣдствіе чего въ предрасположенномъ къ чахоткѣ организмѣ началась та страшная болѣзнь, которая и свела его въ преждевременную могилу.

Съ глубокой любовью относясь къ изданіямъ для народа, покойный сперва принималъ участіе въ трудахъ по изданію книгъ фирмой «Посредникъ», а затѣмъ нѣсколько лѣтъ редактировалъ изданія народныхъ книгъ фирмы г. Сытина.

Лѣтомъ 1890 года покойный занялъ мѣсто секретаря нашей редакціи, а въ іюнѣ 1891

г. былъ утвержденъ въ званіи официального редактора нашихъ журналовъ, послѣ того, какъ бывшій отвѣтственный редакторъ А. Р. Гиппиусъ былъ вынужденъ отказаться отъ этого званія, вслѣдствіе назначенія его въ городскіе судьи, каковая должность не могла быть совмѣщена съ званіемъ редактора.

Отдыхъ лѣтомъ 1891 г. и леченіе кумысомъ нѣсколько поддержали силы покойнаго, но суровая зима подорвала окончательно его здоровье и горловая чахотка быстро перешла въ туберкулезъ легкихъ.

Не смотря на тяжкую болѣзнь, покойный не хотѣлъ оставлять, даже на время, дѣло, къ которому онъ относился съ такой любовью, и буквально до послѣдняго дня слѣдилъ за его ходомъ. Всего за нѣсколько часовъ до смерти онъ подписалъ составленный имъ отчетъ по конторѣ, за послѣдній сезонный отчетный годъ изданія. Рѣдкая сила воли, безгранично строгое отношеніе къ своему долгу и любовь къ дѣлу не позволяли ему послушаться совѣтовъ его друзей, настоятельно требовавшихъ отъ него, чтобы онъ еще весной уѣхалъ отдохнуть и полечиться. Онъ не хотѣлъ допустить и мысли передать дѣло, хотя на время, въ другія руки и желалъ непременно самъ окончить все имъ начатое и устроенное.

Покойный похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ 17 мая. На отиѣваніи присутствовало много его друзей и родныхъ, а также сотрудниковъ нашего журнала.

Миръ праху твоему, добрый и незабвенный другъ и высоко-честный и истинно превосходный человѣкъ!

ПЕТЕРБУРГЪ.

На будущій сезонъ труппа русской оперы будетъ состоять изъ тридцати пяти человѣкъ. Наибольшій гонораръ получать г. и г-жа Фигверъ (45.000 руб.). Затѣмъ слѣдуютъ: г. Михайловъ (12.000 р.) и Яковлевъ (9.000 р.). По восьми тысячъ будутъ получать г-жи Совки, Славина и г. Черновъ. Г. Стравинскій — семь тысячъ. По 6.000 руб.—Фрей и Серебряковъ, и по 4.000—г-жи Ольгина, Долина, Пильцъ и г. Корикинъ. Вознагражденіе отъ 3.000 до 1.200 руб. получаютъ г-жи Мирковская, Каменская, Юпосова, Ширяева, Глѣбова, гг. Карелинъ, Угриновичъ, Кондораки, Ивановъ, Титовъ, Климовъ 1-й и 2-й, Поляковъ, Соболевъ, Брыкинъ, Ефимовъ и Беккеръ. Такимъ образомъ, уволены: г-жа Литвинъ, гг. Васильевъ 3-й и Трубинъ. Вновь приняты сопрано г-жа Михайлова и теноръ г. Шихломіанцъ. Въ общей сложности, персоналъ труппы въ будущемъ сезонѣ будетъ стоить дирекціи около 170.000 р.

Не смотря на всѣ толки, ходившіе въ концѣ зимы, администрація оперы остается та-же. Главнымъ режиссеромъ будетъ Г. И. Кондратьевъ, режиссерами А. Я. Морозовъ и О. О. Палечекъ, капельмейстерами гг. Направникъ и Кучера и хормейстерами гг. Помазанскій и Козаченко, а г. Крушевскій будетъ репетиторомъ солистовъ. Хоры и оркестръ остаются въ томъ же составѣ: хоръ—120 чел. и оркестръ—104 челов. Репертуаръ предположенъ изъ двадцати шести оперъ, а именно „Жизнь за Царя“ Глинки, „Русалка“ Даргомыжскаго, „Юдифь“ Сброва, „Князь Игорь“ Бородинъ, „Демонъ“ г. Рубинштейна, „Пиковая Дама“ г. Чайковского, „Снѣгурочка“ г. Римскаго-Корсакова, „Нижегородцы“ г. Направника, „Князь Серебряный“ г. Козаченко, „Аида“, „Отелло“, „Травиата“, „Джюконда“ Понкиели, „Мефистофель“ Арриго-Бойто, „Гугеноты“, „Пророкъ“, „Африканка“ Мейербера, „Фаустъ“ Гуно, „Карменъ“ Бизе и „Экслармонда“ Массене. Съ новой роскошной обстановкой будутъ даны въ началѣ сезона „Евгеній Онѣгинъ“ Чайковского по случаю 100-го представленія и въ ноябрѣ „Русланъ и Людмила“ Глинки по поводу 50-ти лѣтняго юбилея со дня первой постановки этой оперы. Возобновляются „Лоэнгринъ“ Вагнера, „Жидовка“ Галеви и „Донъ-Жуанъ“ Моцарта. Въ 1-й разъ дана будетъ фантастическая опера „Млада“ г. Римскаго-Корсакова.

Открытие сезона по традиціи назначено 30-го августа. Кромѣ торжества юбилея оперы „Русланъ и Людмила“ въ сентябрѣ состоится празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея службы почетнаго члена труппы И. А. Мельникова, формально еще не покинувшего сцену.

Въ оперѣ „Донъ Жуанъ“ главные роли исполняютъ: Донны Анны—г-жа Ольгина, Эльвиры—г-жа Славина, Церлины—г-жа Мравипа, Донъ Жуана—г. Яковлевъ, Лепорелло—г. Стравинскій, Оттавіо—г. Михайловъ и Командора—г. Фрей.

Новая обстановка „Руслана“ Глинки будетъ стоить, по слухамъ, дирекціи болѣе тридцати тысячъ рублей и по роскоши должна превзойти все, что до сихъ поръ составляло mise en scène этой безсмертной оперы. Въ юбилейный спектакль опера будетъ обставлена лучшими силами труппы. Такъ, по слухамъ, г. Фигверъ будетъ пѣть Баяна. Въ прологѣ, особо сочиняемомъ для этого случая, въ которомъ состоится вѣнчаніе лаврами бюста Глинки, примутъ участіе всѣ оставшіеся въ живыхъ исполнители ролей этой оперы.

По слухамъ, въ будущемъ сезонѣ на сценѣ Маринскаго театра возобновляется опера „Орлеанская дѣва“ П. И. Чайковского, не шедшая лѣтъ

пять. Иоанну Д'Аркъ будетъ пѣть г-жа Славина, Лйонеля вмѣсто И. А. Мельникова г. Яковлевъ.

П. И. Чайковскій окончилъ новый балетъ „Щелкунчикъ“, который въ будущемъ сезонѣ поставленъ будетъ на петербургской Маринской сценѣ.

Служившій уже въ труппѣ русской оперы лѣтъ десять, басъ г. Майборода, переведенный почему-то года два тому назадъ въ московскій Большой театръ, переведенъ обратно сюда. Г. Майборода подписалъ контрактъ съ дирекціей на три года съ жалованьемъ 4,000 рублей за каждый. Артистъ этотъ будетъ пѣть роли basso cantante.

По слухамъ теноръ г. Медвѣдевъ, переводимый изъ Москвы съ осени въ Маринскій театръ, будетъ дублировать г. Фигверъ въ „Отелло“, „Онѣгинъ“, „Пиковой дамѣ“ и др. операхъ.

Говорятъ, что новая опера Верди „Фольстафъ“, тотчасъ послѣ постановки ея зимой на сценахъ Италіи, будетъ приобрѣтена нашей театральной дирекціей для постановки и въ Маринскомъ театрѣ. Партитура „Фольстафа“ ожидается въ скоромъ времени и въ нашихъ музыкальных магазинахъ. По слухамъ, либретто новой оперы Верди совершенно разнится отъ либретто „Виндзорскихъ кумушекъ“ Николаи, хотя сюжетомъ для обоихъ произведеній послужила одна и та же пьеса Шекспира.

На сцену Маринскаго театра для будущаго сезона ангажированъ г. Нарциссъ Шаламианъ. Артистъ этотъ родомъ изъ Елисаветполя, на Кавказѣ, гдѣ онъ, послѣ окончанія педагогическихъ курсовъ, былъ учителемъ. Дирекція Императорскихъ театровъ сразу обратила вниманіе на его выдающійся голосъ и командировала его въ Италію, для усовершенствованія, гдѣ г. Шаламианъ учился у профессора пѣвія г. Де-Роксасъ. Окончивъ курсъ консерваторіи, Шаламианъ выступилъ въ концертахъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Брига, а послѣ на сценѣ королевскаго театра въ городѣ Мальта, въ „Травиатѣ“, „Джюкондѣ“, „Лучи“ и другихъ операхъ. Возвратившись въ Россію, Шаламианъ дебютировалъ въ „Аидѣ“ и „Джюкондѣ“. Г. Шаламианъ выступитъ въ операхъ: „Русланъ и Людмила“ и „Жизнь за Царя“.

Дебютанка г-жа Михайлова, выступившая въ Маринскомъ театрѣ въ оперѣ „Гугеноты“, заключила контрактъ съ дирекціей на три года съ жалованьемъ за первый годъ 1,800 рублей, за второй—2400 р. и за третій—3,000 рублей. Пѣвицѣ назначены партіи: Маргариты въ оперѣ „Фаустъ“, королевы—въ „Гугенотахъ“, Ивесы—въ „Африканкѣ“, Микаэлы—въ „Карменъ“, Антонида—въ „Жизни за Царя“ и Тамары—въ „Демонѣ“.

Артистъ московской казенной оперы г-жѣ Скомпской разрѣшенъ дебютъ на петербургской казенной сценѣ въ роли Татьяны („Евгеній Онѣгинъ“). Если г-жа Скомпская перейдетъ въ Петербургъ, ей будетъ поручена заглавная роль въ новой оперѣ Чайковского „Юнкта“.

Въ ряду приготовленій театральной дирекціи къ будущему сезону особенно выдается предстоящее празднованіе юбилея Фонъ-Визина. Въ текущемъ году исполняется сто лѣтъ со дня его кончины. Дирекція собирается почтить этотъ день постановкою на казенной драматической сценѣ „Бригадира“.

Жалованье всѣмъ суфлерамъ казенныхъ театровъ будетъ увеличено, по слухамъ, на 25 процентовъ; срокъ же выслуги пенсіи будетъ уменьшенъ на три года.

Завѣдующимъ драматическимъ репертуаромъ остается П. М. Медвѣдевъ.

Въ русской казенной драматической труппѣ произведены слѣдующія прибавки къ жалованью: г-жѣ Мичуриной—1,000 руб., г-жѣ Мусинъ-Пуш-

киной—1,000 руб., г. Корвинъ-Круковскому—600 р. и г. Дмитріеву—300 р.

Съ будущаго сезона предполагается ставить не-большіе балеты при русскихъ драматическихъ спектакляхъ въ Александринскомъ театрѣ вмѣсто водевилей. Танцовать въ этихъ балетахъ будутъ главнымъ образомъ молодыя танцовщицы.

Дирекція Императорскихъ театровъ пригласила на будущій сезонъ, взаменъ оставившей нашу сцену г-жи Бріанца—Антоньету Делль-Эра, первую танцовщицу королевскаго опернаго театра въ Берлиѣ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и ея предше-ственницу. Эта артистка, какъ говорятъ, выступитъ въ концѣ октября въ балетѣ „Спящая красавица“.

На драматическихъ курсахъ театральнаго учи-лища экзамены окончились 16-го мая. Говорятъ, почти всѣ учащіеся переведены въ слѣдующіе курсы, а изъ выпущенныхъ на Императорскую сцену приняты: г-жи Миронова, Кованько, Вино-градова; гг. Петровъ, Израилевъ, Добровольскій и Озоровскій. Всѣхъ окончившихъ курсъ по балет-ному отдѣленію въ этомъ году 18 человекъ, изъ нихъ 11 танцовщицъ и 7 танцовщиковъ. Всѣ вновь выпущенные приняты въ балетную труппу на го-довой окладъ жалованья въ 600 руб.

Больного артиста К. А. Варламова врачи отпра-вляютъ для пользованія въ Баденъ-Баденъ.

Артистка М. П. Томсонъ, игравшая въ минув-шемъ сезонѣ на сценѣ Александринскаго театра, покидаетъ Петербургъ, несмотря на то, что кон-трактъ съ нею заключенъ на 2 года. Разстроенное здоровье вынуждаетъ ее отправиться на югъ.

Въ будущемъ году дирекція даетъ бенефисъ за десятилѣтнюю службу артисту драматической труппы г. Аполлонскому, который, по слухамъ, ставитъ „Гамлета“ и появится въ заглавной роли.

Мы слышали, что ангажементъ дебютировавша-го недавно на александринской сценѣ г. Скурато-ва не состоялся. Говорятъ, что дирекціей были предложены условія, на которыя г. Скуратовъ не согласился.

Вновь принятымъ артисткамъ въ Александрин-скую труппу назначено жалованья: г-жѣ Потоцкой 3,000 р., а г-жѣ Уваровой—1,500 руб.

Главный режиссеръ балетной труппы г. Лан-гаммеръ увѣжаетъ заграничу, чтобы ознакомиться съ современнымъ положеніемъ иностранныхъ ба-летныхъ сценъ. Съ этой цѣлью г. Лангаммеръ посѣтитъ Вѣну, Миланъ, Туринъ, Парижъ и Лондонъ.

Первый танцовщикъ нашей балетной сцены г. Чекетти ангажированъ на лѣтній сезонъ въ лон-донскій „Empire theater“.

Сборъ съ зрѣлищъ и увеселеній установленъ въ пользу воспитательныхъ домовъ еще въ прошломъ столѣтіи. Хотя постановленія по этому предмету до сихъ поръ сохраняютъ свою силу, но ихъ практическое примѣненіе было крайне ограничено. Въ настоящее время предполагается преобразовать этотъ сборъ для взиманія его по всей имперіи, причемъ доходность его съ 39,000 руб., получав-шихся до сихъ поръ, должна, по приблизительно точному расчету, увеличиться до 300,000 руб. въ годъ.

Главные основанія новаго постановленія о сбо-рахъ съ зрѣлищъ и увеселеній сводятся къ слѣ-дующимъ правиламъ:

1) Сборъ съ зрѣлищъ и увеселеній устанавливается въ пользу Императорскихъ воспитательныхъ до-мовъ и взиманіе его составляетъ исключительное право вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

2) Сборъ назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ билетовъ цѣною менѣе 50 коп.—въ 2 коп. съ каждаго, съ билетовъ до 1 руб.—не свыше 5 коп.

и съ билетовъ въ 1 руб. и дороже и за каждое мѣсто въ ложѣ—въ размѣрѣ не свыше 10 коп. Сборъ уплачивается посѣтителями въ дополненіе къ цѣнѣ билетовъ. Съ билетовъ на право входа нѣсколькихъ лицамъ (въ ложѣ) или на извѣстное число представленій (по абонементу) сборъ взи-мается сообразно ихъ цѣнѣ, по расчету съ каж-даго лица или мѣста, за каждое представленіе, причемъ ближайшее установленіе единообразнаго размѣра этого сбора для увеселеній извѣстной категоріи предоставляется опекушему совѣту учреждений Императрицы Маріи.

3) Бесплатные билеты освобождаются отъ оп-латы ихъ сборовъ.

4) Контроль и порядокъ взиманія этихъ сбо-ровъ производится посредствомъ означенія на са-мыхъ билетахъ причитающагося съ каждаго изъ послѣднихъ дополнительнаго платежа (какъ это практикуется на желѣзнодорожныхъ билетахъ въ отношеніи государственнаго сбора), причемъ от-вѣтственность за правильное поступленіе ихъ воз-лагается на держателей театральнаго и увесе-лительныхъ заведеній.

Главному управленію вѣдомствомъ Императри-цы Маріи предоставляется, впрочемъ, взаменъ сбора съ билетовъ, входить въ соглашеніе съ пред-принимателями увеселеній объ улатѣ ими опре-дѣленной суммы сбора въ годъ или посезонно.

5) Срокомъ для введенія этихъ правилъ въ дѣй-ствіе предполагается назначить 1-е октября ны-нѣшняго года.

Красносельскіе спектакли откроются въ нынѣш-немъ году, какъ предполагаютъ, около 5 іюля. Режиссеромъ по прежнему будетъ г. Федоровъ-Юрковскій.

Къ осени настоящаго года, по слухамъ, вый-детъ въ свѣтъ небольшая библиографическая книж-ка, которая будетъ чрезвычайно полезна для антрепренеровъ, актеровъ и вообще театраловъ. Это длинный перечень всѣхъ пьесъ, помѣщенныхъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ указаніемъ деко-рацій, обстановокъ и числа дѣйствующихъ лицъ. Особенно большую службу она сослужитъ провин-ціальнымъ антрепренерамъ, которые бывають ча-сто въ критическомъ положеніи, когда пьесы, выписанныя ими изъ столичныхъ театральнаго библиотекъ, не приходятъ во время, а тѣмъ болѣе вовсе не отыскиваются въ этихъ не безукориз-ненно организованныхъ учрежденіяхъ. Съ помощью же этой брошюры, каждый будетъ въ состояніи выбрать что-либо подходящее изъ любой город-ской библиотеки, въ которой всегда имѣются жур-налы.

Выработанъ проектъ устава Русскаго Театраль-наго Общества. Оно имѣетъ цѣлью—содѣйствіе всестороннему развитію театральнаго дѣла въ Рос-сіи; 1) представительство о нуждахъ его и объ интересахъ русскихъ сценическихъ дѣятелей предъ административными и общественными учреждені-ями; 2) соотвѣтственнымъ задачамъ Общества по-средничествомъ между спросомъ и предложеніемъ театально-артистическаго труда во всѣхъ его формахъ, и 3) матеріальною всякаго рода помо-щью театральнымъ предпріятіямъ вообще и нуж-дающимся сценическимъ дѣятелямъ въ частности. Общество предполагаетъ издавать газету. Учре-дителями его состоятъ: М. Г. Савина, Е. Н. Жу-лева, И. А. Всеволодскій, А. А. Потѣхивъ, Д. В. Григоровичъ, Н. Ф. Сазоновъ, В. Н. Давы-довъ и Д. М. Леонова.

Капельмейстеръ русской оперы, Э. Ф. Направ-никъ, пожертвовалъ недавно довольно значитель-

вый капиталъ въ 3.800 руб., заключающійся въ русскихъ процентныхъ бумагахъ, для учрежденія при 2-й петербургской классической гимназій трехъ вѣчныхъ стипендій его имени, для обучающихся въ ней дѣтей артистовъ опернаго оркестра. Этимъ цѣннымъ вкладомъ почтенный артистъ желалъ увѣковѣчить память своихъ сыновей, получившихъ образование въ названной гимназій. На учрежденіе стипендій уже послѣдовало разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія. Артисты опернаго оркестра поднесли благодарственный адресъ Э. Ф. Направнику. Выборъ стипендіатовъ будетъ производиться закрытой баллотировкой и рѣшаться простымъ большинствомъ голосовъ. На состоявшемся на дняхъ первомъ засѣданіи артисты опернаго оркестра выбрали изъ своей среды трехъ, наиболѣе пугающихся товарищей, дѣтямъ которыхъ и назначены означенныя стипендіи (въ размѣрѣ 60 рублей каждая), въ видѣ платы за ихъ обученіе во 2-й классической гимназій.

Коммиссія, избранная петербургскимъ Обществомъ камерной музыки, для разсмотрѣнія присланныхъ на конкурсъ квартетовъ (въ числѣ 134), нашла достойнымъ первой преміи квартетъ подъ девизомъ: „Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“, а второй преміи—квартетъ подъ девизомъ: „Съ вами Богъ“. Но вскрытіи конвертовъ, оказались: авторомъ квартета, удостоеннаго первой преміи (350 р.)—Юсифъ Мирославъ Веберъ въ Висбаденѣ; авторомъ же квартета, удостоеннаго второй преміи (150 р.)—Н. А. Соколовъ. Общество камерной музыки объявляетъ новый конкурсъ (четвертый съ основанія Общества) на соисканіе струннаго квартета, но съ условіемъ, чтобы на этотъ разъ допускались къ участию только композиторы—русскіе подданные. Сумма назначается въ размѣрѣ 500 р., первая премія предполагается въ 300 р., вторая въ 200 руб., но, смотря по достоинствамъ представленныхъ сочиненій, могутъ быть выданы и 2 вторыхъ или нѣсколько третьихъ премій по 100 р. каждая. Къ участию въ конкурсѣ допускаются только русскіе композиторы, квартетъ долженъ быть написанъ для двухъ скрипокъ, альты и виолончели и состоять не менѣе какъ изъ четырехъ частей. Сочиненія допускаются нигдѣ неизданныя и публично не исполнявшіяся, должны быть представлены въ партитурѣ и четко переписанныхъ партіяхъ. Крайнимъ срокомъ для представленія сочиненія назначается 1-е января 1893 г. На сочиненіи долженъ быть девизъ, имя же автора съ адресомъ его прилагается въ запечатанномъ конвертѣ, снабженномъ тѣмъ же девизомъ, и должны быть присланы въ С.-Петербургское Общество камерной музыки, въ музыкальный магазинъ Г. Юргенсона (В. Морская, 9).

Дирекція сиб. отдѣленія Музыкальнаго Общества объявляетъ два конкурса. На первый, по духовному завѣщанію А. Б. Думашевскаго, согласовъ волѣ жертвователя, допускаются сочиненія композиторовъ русскихъ подданныхъ. Текстъ долженъ быть оригинальный русскій и соответствовать характеру застольныхъ пѣсенъ. Сочиненія могутъ быть какъ четырехголосныя, такъ и трехголосныя для мужского хора, а сарелла, въ видѣ партитуры съ приложеніемъ отдѣльныхъ голосовъ, по одному экземпляру каждого голоса. По этому конкурсу назначается сумма въ 650 руб., распределяемая слѣдующимъ образомъ: за сочиненія, удостоенныя первой преміи, назначается по 40 руб. за каждое, за сочиненія, удостоенныя второй преміи, по 25 руб. Срокъ для представленія—1-го октября. Дирекція сиб. отд. Музыкальнаго Общества оставляетъ за собою право напечатать и издать въ видѣ сборника удостоенныя премій сочиненія. Собственникомъ этого из-

данія считается сиб. консерваторія, авторамъ предоставляется бесплатно по три экземпляра этого изданія. Второй конкурсъ въ 500 рублей на полученіе преміи за сочиненіе симфоніи. Премія учреждается съ имѣющагося въ распоряженіи Музыкальнаго Общества капитала М. С. Кондратьева. Условія этого конкурса слѣдующія. Къ конкурсѣ допускаются сочинители русскіе подданные. Симфонія должна быть сочинена въ общепринятыхъ формахъ для этого рода сочиненій: должна быть представлена партитура и фортепьянное переложеніе. Сочиненіе, удостоенное преміи, будетъ исполнено въ одномъ изъ симфоническихъ собраній, причемъ партіи будутъ выписаны на счетъ дирекціи. Партитура симфоніи, удостоенной преміи, хранится въ библиотекѣ консерваторіи, но авторъ сохраняетъ за собою все авторскія права. Срокъ для представленія сочиненія на этотъ конкурсъ назначается 1-го ноября. Преміи на оба конкурса присуждаются художественнымъ совѣтомъ сиб. консерваторіи; о присужденіи премій будетъ объявлено не позже 3-го января 1893 г. Сочиненія, не удостоенныя премій, по окончаніи конкурса будутъ возвращены. Всѣ сочиненія посылаются въ сиб. консерваторію Музыкальнаго Общества (въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, Театральная ул.), съ девизомъ на партитурѣ и съ тѣмъ же девизомъ на запечатанномъ пакетѣ, заключающемъ имя, фамилію и адресъ композитора.

Директоръ с.-петербургской консерваторіи А. Г. Рубинштейнъ болѣе не вернется къ своему посту. Въ компетентныхъ сферахъ вопросъ этотъ считается окончательно рѣшеннымъ.

Въ Русскомъ музыкальномъ Обществѣ не отвѣчаетъ своему назначенію—хоръ. „Хористы“ посѣщаютъ сѣвки не аккуратно, составъ хора постоянно мѣняется и для исполненія хоровыхъ сочиненій приходится невольно приглашать наемныхъ лицъ. Дирекція заблаговременно приостановить на время занятія хора.

Перестройка зданія Большаго театра для помѣщенія въ немъ с.-петербургской консерваторіи продолжалась въ прошломъ году. Стоимость всѣхъ работъ исчислена въ 950,000 руб. Средства имѣются въ распоряженіи Общества на эту перестройку 81,844 р. Запасный капиталъ отдѣленія около 48½ тыс. руб.; имущество (библиотека и музыкальные инструменты) оцѣнивается въ 10 тыс. р. Бюджетъ консерваторіи болѣе 96 тыс. руб. Личный составъ профессоровъ и преподавателей консерваторіи состоялъ изъ 40 профессоровъ, 5 старшихъ и 10 младшихъ преподавателей, учителей по научнымъ предметамъ 13. Въ теченіе 1890—91 учебнаго курса учениковъ и ученицъ въ консерваторіи было 560: стипендіатовъ и стипендіатокъ 105, своекоштныхъ 250, вольнослушателей и вольнослушательницъ 32, учениковъ морскаго вѣдомства 35 и бесплатныхъ учениковъ и ученицъ 139; въ научныхъ классахъ обучалось 152 ученика и ученицы, изъ нихъ 17 окончили полный курсъ. Въ директоры отдѣленій избраны на будущій годъ: А. М. Климченко и А. С. Танѣвъ. въ кандидаты къ нимъ: А. А. Герке, П. П. фонъ Дервизъ и княгиня А. А. Оболенская. Въ ревизіонную комисію—М. А. Битенажъ, И. Ф. Досъ и баронъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ.

10-го мая, въ театрѣ Михайловскаго дворца, происходилъ экзаменъ опернаго класса консерваторіи. Выступили учащіеся классова г-жъ Цванцигеръ, Ирецкой и г. Габеля, исполнившіе отдѣльныя сцены изъ „Руслана“, „Отѣгина“, „Русалки“ и „Аиды“; сцены, спетованныя г. Палечкомъ, завѣдующимъ опернымъ классомъ. Въ общемъ испытаніе произвело благопріятное впечатлѣніе.

Общество русских художниковъ въ Парижѣ, получивъ въ прошломъ году отъ французскаго правительства права общественнаго учрежденія, нашло теперь возможнымъ устроить лотерею на сумму 5,000 франковъ. Въ лотерею покуда поступило 26 картинъ, акварелей и этюдовъ, подаренныхъ по преимуществу художниками, проживающими въ Парижѣ. Изъ 5,000 франковъ, имѣющихъ поступить отъ лотереи, назначены 1,200 франковъ на дѣла благотворительныя и 3,800 франковъ въ пользу Общества. Продажа лотерейныхъ билетовъ откроется и въ Петербургѣ, въ одномъ изъ эстампныхъ магазиновъ.

Товарищество русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ перешло въ новое помѣщеніе, предложенное академіей художествъ въ одномъ изъ павильоновъ академическихъ флигелей, на такъ-называемомъ дитейномъ дворѣ. Помѣщеніе „Товарищества“ обширно, состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, и оно, по слухамъ, считается временнымъ. Въ непродолжительное время Товарищество иллюстраторовъ получитъ другое, еще болѣе удобное помѣщеніе въ академіи.

На конкурсъ Общества поощренія Художествъ по всѣмъ родамъ живописи было доставлено 45 картинъ: 2 по исторической, 17 по бытовой и 26 по пейзажной. Премію имени В. П. Боткина въ 300 р. по бытовой живописи получилъ художникъ Голыпскій. Преміи имени графа Сергѣя Григорьевича Строганова въ 250 р. удостоена г-жа Федорова за пейзажъ изъ деревенской жизни; вторая премія по пейзажной живописи присуждена г. Бажину. Картины историческаго содержанія не удостоены премій. На конкурсъ по разнаго рода отдѣламъ художественно-промышленнаго производства было представлено 40 произведеній. Конкурсъ разсѣдѣлся на 5 отдѣловъ: гравированіе по дереву, живопись по фарфору и фаянсу, декоративная живопись, рѣзба по дереву и лѣвленіе изъ глины и воска. Преміи присуждены: первая въ 150 р. — г. Рундакеву, вторая въ 100 р. — г. Бергу, третья — въ 50 р. — г. Конопову, всѣ три за гравюры, изображающія женскую головку. Кромѣ того коммиссія постановила выдать въ этомъ отдѣлѣ 2 дополнительные преміи г. Павлову и Быковскому. Преміи имени князя Г. И. Паскевича, такихъ-же размѣровъ, присуждены: первая — г-жѣ Григоровой, вторая — г-жѣ Патерской и третья — ей-же, за исполненный на фарфорѣ образъ Спасителя и Богоматери. По декоративной живописи преміи имени И. П. Балашева получили: первую г-жа Шнейдеръ, вторую г-жа Зволинская, третью г-жа Куличенко за двухсторончатые ширмы, декоративно расписанныя цвѣтами по рисунку собственной композиціи. По рѣзбѣ на деревѣ былъ представленъ чайный столикъ въ стилѣ итальянскаго возрожденія. Мастеру его г. Волковискому была присуждена первая премія В. А. Нарышкина въ 150 руб. По лѣлкѣ было на премію гр. П. С. Строганова задано настоящее украшеніе средней величины, въ какомъ-либо опредѣленномъ стилѣ. Лучшими по достоинству оказались работы гг. Кирилова и Степанова: первому присуждена премія въ 150 руб., второму 100 руб. Третья осталась неприсужденной.

Въ артистическихъ сферахъ живой интересъ возбуждаетъ вопросъ объ измѣненіи устава Общества для вспоможенія сценическимъ дѣятелямъ. Учрежденное по инициативѣ покойнаго А. А. Краевскаго, на одинаковыхъ основаніяхъ съ большинствомъ благотворительныхъ учреждений, это Общество до сихъ поръ имѣетъ сравнительно скромный бюджетъ и кругъ дѣятельности, далеко не соответствующій громадному требованію помощи, которое изъ года въ годъ предъявляетъ ему многолюдный и бѣдный актерскій людъ.

Намѣченное преобразованіе направлено на увеличеніе средствъ. Съ этою цѣлью, имѣется въ виду придать Обществу характеръ не столько благотворительнаго учрежденія, сколько взаимнаго вспоможенія артистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при массѣ артистовъ и актеровъ, разсѣянныхъ повсей Россіи, даже очень незначительный взносъ, которому подлежали-бы всѣ представители этой профессіи, составилъ-бы весьма крупную сумму. Преобразованіемъ Общества, по слухамъ, живо интересуется дирекція Императорскихъ театровъ. Проектъ новаго устава будетъ изготавленъ къ осени текущаго года.

Дѣятельность Общества вспоможенія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ въ минувшемъ году выразилась въ слѣдующемъ: больше всѣхъ нуждались въ помощи провинціальныя артисты, на нужды которыхъ израсходовано 1,858 руб.; въ пособіе бывшимъ артистамъ Императорскихъ театровъ роздано 232 рубля. Всего израсходовано 4,835 руб., при 8,912 руб. прихода. Капиталъ Общества простирается до 36,000 руб.; дѣйствительныхъ членовъ оно насчитываетъ 381 чел.

Изъ отчета о приходѣ и расходѣ суммъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, съ 16-го марта по 5-е мая 1892 г., видно, что съ 5-го мая Общество имѣетъ: неприкосновеннаго капитала 39,530 руб. 69 коп., капитала на содержаніе могилъ сценическихъ дѣятелей 355 р. 34 к. и расходнаго — 2,982 р. 62 к., а всего 42,868 руб. 65 коп. За вышеозначенный срокъ выдано пособій, постоянныхъ и единовременныхъ, внесено въ петербургскую городскую богадѣльню за содержаніе артиста и выдано за примѣръ могилъ сценическихъ дѣятелей всего 654 р. Единовременныя пособія распредѣлялись такъ: 3 лицамъ по 50 р., одному — 30 р., четыремъ — по 25 р., остальные выдачи отъ 10 до 20 р.

Г. Заулинъ подписалъ арендное условіе съ владельцами Панаевского театра на 4 года.

Труппа Василеостровскаго театра распалась на половину. Главныя силы въ лицѣ гг. Муравлева-Свирскаго, Артурова и Мартынова, г-жѣ Яблочниной, Валентиновой и Филиной не возобновили контрактовъ на предстоящій сезонъ и перешли на одну изъ пригородныхъ сценъ.

Г-жа Дюгамень ангажирована г. Гюнсбургомъ на гастроли въ Петербургъ.

На мѣстѣ настоящаго театра Неметти будетъ выстроенъ, по плану архитектора Шретера, новый театръ, постройки котораго начнется въ сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. по окончаніи лѣтнаго увеселительнаго сезона.

Лѣтній сезонъ въ „Акваріумъ“ открылся 1-го мая. Г. Энгель пригласилъ на нынѣшній лѣтній сезонъ слѣдующихъ гг. солистовъ: концертмейстеръ оркестра В. Бурместеръ; скрипки — А. Амиго, Ирмеръ; виолончели — Берръ и Гернеръ; флейты — Негофъ и Бухгеймъ; кларнетъ — Молль; гобой и англійскій рожокъ — Кругъ; труба — Руссель; валторпа — Рихтеръ; тромбоны — Шредеръ и Набокинъ; арфа — Ипсрукеръ. На открытіе собралась многочисленная публика.

23-го мая, состоялось въ Ораніенбаумѣ открытіе лѣтнаго музыкальнаго сезона.

На открытіи спектаклей въ ораніенбаумскомъ театрѣ (антрепренеръ С. М. Сосновскій) театръ оказался почти полнымъ. Шла комедія г. М. Балущаго „Клубъ холостяковъ“, и одно-актная комедія шутка г. С. „Теща въ домъ — все вверхъ дномъ“. Съ успѣхомъ выступили г-жа Савичъ и гг. Волковъ-Семеновъ, Ивановъ, Новиковъ и Стрекаловъ. Театръ и садъ при ораніенбаумскомъ вокзалѣ арендуются г. Малышевымъ.

Музыкальною частью въ Ораніенбаумѣ нынѣш-

нимъ лѣтомъ будетъ завѣдывать г. Морицъ Келеръ, извѣстный петербуржцамъ какъ по Озеркамъ, такъ и по Ораніенбауму, гдѣ онъ уже ранѣе дирижировалъ оркестромъ. Г. Келеръ предполагаетъ устраивать какъ спеціальныя симфоническіе концерты (русскіе, французскіе и нѣмецкіе), такъ вечера солистовъ и популярныя концерты.

Открытіе павловскаго вокзала привлекло, 26 го апрѣля, такую массу публики, какой давно уже тамъ не бывало.

20-го мая, въ Павловскѣ начались хоровые вечера г. Архангельскаго, число которыхъ предположено не менѣе семи.

3-го мая, состоялось открытіе народныхъ гуляній близъ фарфороваго завода. Первое же гулянье, несмотря на несовсѣмъ благоприятную погоду, привлекло массу публики. Входныхъ билетовъ было продано болѣе 6,000. Поставленная на сценѣ драма Л. Мей. „Царская невѣста“, оказалась весьма прилично обставленною и разигранною. Садовыя увеселія (куплетисты, разказчики, клоуны, пѣсенники) также понравились публики и вызвали ея одобреніе. Въ антрактахъ публика имѣла возможность танцовать на особо устроенной платформѣ, подъ оркестръ военной музыки. Вообще новый распорядитель этихъ увеселеній, г. Соколовскій, видимо, взялся за дѣло съ любовью и умѣнемъ, а удачное начало сулитъ дальнѣйшій успѣхъ этимъ увеселеніямъ, вполне соответствующимъ вкусамъ и потребностямъ мѣстнаго рабочаго населенія.

28-го апрѣля исполнится 50 лѣтъ службы на сценѣ извѣстнаго провинціального актера М. П. Докучаева. Теперь почтенный артистъ служить на нашихъ народныхъ сценахъ и на нынѣшній сезонъ (лѣтній) ангажировалъ на народную сцену шпессербургскаго Общества доставленія развлеченій рабочему люду. Въ маѣ товарищи хотятъ устроить юбилей почтеннаго старца, служившаго искусству пѣвцомъ, актеромъ, режиссеромъ и антрепренеромъ.

Журналъ „Театральный Мірокъ“, основанный А. А. Плещеевымъ и затѣмъ перешедшій къ П. Ф. Левдику, нынѣ перешелъ въ руки типографа г. Мучника.

По слухамъ весенняя антреприза въ залѣ Кононова понесла убытки. Кромѣ самаго времени, неудобнаго уже для оперы, причина ихъ въ самой труппѣ, составленной неудачно.

24-го апрѣля, С.-Петербургскій музыкально-драматическій Кружокъ праздновалъ 15-ти-лѣтіе своего существованія. По случаю торжества, въ залѣ Кононова состоялся экстренный спектакль, были даны: комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ „На маневрахъ“ и оперетта „Званный вечеръ съ итальянцами“.

Артистъ польскаго театра г. Казиміръ Каминскій получилъ разрѣшеніе на открытіе польскихъ спектаклей въ будущемъ сезонѣ. Спектакли будутъ даваться три раза въ недѣлю, съ 27 сентября текущаго года по 7-е февраля 1893 года. Всѣхъ спектаклей будетъ 59. Въ настоящее время г. Каминскій уѣзжаетъ въ Варшаву съ цѣлью сформировать драматическую труппу изъ 24-хъ артистовъ.

По слухамъ, сформировалось оперное Товарищество, въ составъ котораго вошли г-жи Кронебергъ, Инсарова, Марина: гг. Афанасьевъ, Арсеньевъ, Вецъ, Лавровъ и Доре и капельмейстеръ г. Герцъ, которое будетъ ставить оперныя спектакли лѣтомъ въ Озеркахъ и Ораніенбаумѣ.

М. А. Александровъ, купившій садъ, ресторалъ и театръ „Озерки“, расширилъ программу увеселеній въ саду. Имъ приглашенъ режиссеромъ С. С. Трефиловъ (бывшій режиссеръ „Аркадія“), который сформировалъ опереточную и драматиче-

скую труппу изъ артистовъ частныхъ сценъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ артистовъ. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Вановская, Ростовская, Зимина, Воронова, гг. Раздольскій (провинціальный опереточный актеръ), Александровъ, Богдановъ, Бойковъ, Бѣловъ, Стрѣлковъ и друг. Репертуаръ будетъ состоять изъ одноактныхъ водевилей и оперетокъ. 24-го мая, состоялось открытіе драматическихъ спектаклей. На сценѣ поставленъ былъ „Гамлетъ“ съ г. Дарскимъ въ главной роли. Въ роли Офеліи съ успѣхомъ выступила молодая артистка г-жа Григорьева (псевдонимъ). Для втораго спектакля поставлена была 25-го мая, трагедія Шиллера „Донъ-Карлосъ“; спектакль прошелъ безъ успѣха.

Составъ русской драматической труппы, въ театрѣ „Эрмитажъ“ (бывшая „Ливадія“): г-жи Дагмарова, Коврова-Брянская, Козина, Любарская, Стрѣльская, Любичъ-Некрасова, Меловская, Доменина, Степанова, Озерова, Ольгина, Александрова; гг. Пальмъ, Вязовскій, Шмидтофъ, Жуковский, Печоринъ, Полонскій, Струйскій, Двинскій, Морозовъ, Шатовъ, Московскій, Глѣбовъ и др.

24-го мая, въ Стрѣльнѣ (по Волконскому шоссе) происходило открытіе новаго лѣтняго театра г-жи Степановой, привлечшее весьма многочисленную публику. Давали комедію Островскаго „Лѣсъ“. Изъ числа исполнителей имѣли успѣхъ г-жа Перфильева, гг. Аткарскій и Шатовъ (въ роляхъ Восьмибратова и Несчастливцева). Занавѣсъ и декорации работы г. Янова—прекрасныя. Зрительный залъ, какъ и довольно обширный садъ, окружающій театръ, освѣщаются экектричествомъ. Въ саду, во время антрактовъ, играетъ весьма недурной оркестръ главнаго артиллерійскаго управленія. Для втораго спектакля поставлена была драма И. А. Салова „Степной богатырь“. Наибольшій успѣхъ имѣлъ г. Аткарскій въ роли Кона Хитрова.

12-го марта скончался декораторъ Императорскихъ театровъ Василій Васильевичъ Васильевъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Талантливый ученикъ академіи художествъ, онъ вскорѣ по окончаніи курса обратилъ на себя вниманіе администраціи Императорскихъ театровъ и былъ приглашенъ для исполненія декораций для сцены. Дебютировалъ В. В. въ „Пиковой дамѣ“. Дебютъ очень удался и въ прошломъ году талантливый декораторъ былъ зачисленъ въ штатъ.

Въ Петербургѣ скончался бывшій артистъ Императорскихъ театровъ, Василій Васильевичъ Измайловъ. Свою службу онъ началъ въ Александринскомъ театрѣ суфлеромъ, былъ затѣмъ помощникомъ режиссера. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ образовалась подъ руководствомъ А. М. Читау драматическая труппа изъ молодыхъ силъ, въ составъ ея вошелъ и В. В. Измайловъ. Труппа эта играла во Владимірѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, г. Измайловъ дебютировалъ на александринской сценѣ. Вскорѣ, однако, онъ покинулъ казенную сцену, игралъ въ провинціи и въ Петербургѣ на частныхъ и клубныхъ сценахъ. Покойному было 55 лѣтъ отъ роду.

17-го апрѣля, у графини Толь состоялся блестящій спектакль. Съѣздъ былъ громадный. Шли: фарсъ „Охъ ужъ эти нервы“ и на французскомъ языкѣ парада въ двухъ слогахъ.

15-го апрѣля въ Царскомъ Селѣ былъ устроенъ въ помѣщеніи лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона любительскій спектакль въ пользу попечительства о пострадавшихъ отъ неурожаю отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ баталіона. Спектакль составляли:

„Искорка“ — переведенная комедія (Пальерона), „Предложение“, шутка въ одномъ дѣйствіи А. Чехова, и „Не шали съ огнемъ“, ком. въ одномъ дѣйствіи г. Аверкіева.

26 апрѣля у г.-м. графа Н. А. Алдерберга состоялся блестящій музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ исполнителями явились представители высшаго общества.

25-го марта у товарища министра народнаго просвѣщенія, оберъ-гофмейстера д. т. сов. князя Волконскаго состоялся блестящій спектакль *въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая*. Первою шла шутка въ одномъ дѣйствіи: „Не зная броду, не суйся въ воду“. Послѣ антракта были исполнены сцены изъ трагедіи графа А. К. Толстого: „Царь Оедоръ Іоанновичъ“; 3-е дѣйствіе: „Покой въ царскомъ теремѣ“, и 4-е дѣйствіе: „Царская палата“. 26-го марта состоялся второй спектакль. Шли вторично шутка въ одномъ дѣйствіи „Не зная броду, не суйся въ воду“, третье и четвертое дѣйствія изъ трагедіи графа А. К. Толстого „Царь Оедоръ Іоанновичъ“ и „*Pas de fumée sans feu*“ Баарда.

Г-жа Е. Дубровина напечатала въ „Нов. Времени“ слѣдующее письмо: „Въ журналѣ „Артистъ“, за май мѣсяцъ текущаго года, я прочла, что г. Соловцовъ сдѣлалъ драму „Въ дали“ изъ моего разсказа „Каторжница“, напечатаннаго въ 1 № „Рус. Бог.“ за 1884 г. Никакого разрѣшенія г. Соловцовъ у меня не спрашивалъ, да я бы и не дала его, такъ какъ сама кончала передѣлку такой драмы вмѣстѣ съ г-жей Охтенской.“

Провинціальная хроника.

Въ составѣ Товарищества артистовъ, съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ, вошли, кромѣ г. Давыдова, гг. Ленскій, Аполлонскій, г-жи Мичурина-Самойлова, Пальчикова, Медвѣдева и нѣсколько извѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ. На вторыя роли приглашены, бывшіе ученики класса г. Давыдова, гг. Петровъ и Озоровскій. Репертуаръ: „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Коварство и любовь“, „Свадьба Кречинскаго“, „Медея“, „Блуждающіе огни“, „Надя Муранова“, „Женитьба Бальзаминова“, „Роковой шагъ“, „Вторая молодость“ и др. Г. Дальскій ѣдетъ гастролировать въ гор. Ростовъ-на-Дону и Кіевъ.

Режиссеръ Петербургской драматической труппы П. М. Медвѣдевъ собралъ труппу изъ маленькихъ артистовъ Александринскаго театра и выѣхалъ въ Вологду и Архангельскъ. Маршрутъ этого путешествія очень удачный. Въ Архангельскѣ только выпустили анонсъ о пріѣздѣ потербургской труппы, какъ уже въ теченіе двухъ дней всѣ билеты на 10 представлений были разобраны. Причины понятны: Архангельскъ вотъ уже болѣе 6 лѣтъ не имѣлъ театра ни лѣтомъ, ни зимой. Въ настоящее время г. Медвѣдевъ играетъ въ Вологдѣ, гдѣ также сборы громадныя.

Въ Вильно на будущій сезонъ приглашена на гастроль г-жа Мартынова. Молодая артистка появится по преимуществу въ „героическихъ“ роляхъ: Юдией, Клеопатрѣ, Маріи Стюартъ, Медеѣ, Мессалинѣ и др. Режисеромъ приглашенъ бывшій артистъ Императорскихъ театровъ г. Стрекаловъ.

Лѣтній театръ въ Гунгенбургѣ (лѣчебный курортъ близъ Нарвы) взятъ на нѣсколько драматическихъ спектаклей г. Нейманомъ, который будетъ обставлять ихъ частью любительскими силами, частью гастролерами. Послѣдніе для каждаго спектакля будутъ выписываться изъ Петербурга.

Въ Дерптѣ вскорѣ будетъ приступлено къ постройкѣ на частныя средства зданія русскаго театра.

Антрепренеръ зимняго житомірекаго театра

А. М. Дединцевъ, сформировалъ труппу въ составъ которой входятъ: г-жи Ренаръ (лирическая пѣвица), Калмыкова (каскадная), Александрова (1-хъ старухъ), Богданова (2-хъ старухъ), Бауэръ-Большакова и Марусина — вторыя роли. Гг. Эспе — баритонъ, Панинъ — теноръ, Глуминъ, Богдановъ — первые комики; Николаевъ-Бѣлоковъ — любовникъ для драмъ и комедій, Сквозниковъ — простакъ, Ураловъ — 2-й комикъ. Хоръ мужской и женскій состоитъ изъ 35-ти человѣкъ. Оркестръ — изъ 25-ти человѣкъ, подъ управленіемъ ученика московской консерваторіи г. Энко. Режиссеръ г. П. Богдановъ, помощникъ его г. Дмитріевъ. Суфлеръ г. Иваничскій. Репертуаръ будетъ состоять преимущественно изъ оперетокъ, а также новыхъ пьесъ Императорскихъ и коршевскаго театровъ.

Составилось еще одно Товарищество русскихъ драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ актера г. Волгина, державшаго прошлую зиму нижегородскій театръ, для путешествія по Кавказу, Товарищество предполагаетъ играть въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Петровскѣ, Дербентѣ. Репертуаръ — драма и комедія. Въ составѣ Товарищества вошли: г-жи Покровская, Михайлова, Ижорская, Красева, Хвалынская, гг. Варшавскій-Долинъ, Загорскій, Волгинъ, Бушманъ, Высодкій, Карцевъ-Даевскій и Фаворскій.

Въ Кіевѣ на будущую зиму опять будетъ драматическое Товарищество Н. Н. Соловцова. Въ составѣ труппы вошли: г-жи Глѣбова (гастроли), бывшая артистка театра г. Корша г-жа Глама-Мещерская, комическая старуха г-жа Шаровьева, В. И. Немировичъ, артистка Императорскихъ московскихъ театровъ г-жа Самойлова, г-жи Анненская, Измайлова, Алибина-Самойлова, Попова, Чужбинова, гг. Мичуринъ-Самойловъ, Соловцовъ, Недѣлинъ, Чужбиновъ, Поповъ, Осоловскій, Шенинъ, Долиновъ, Кнорье и др. Въ репертуарѣ предложены: „Тартюфъ“, „Скупой“, „Мизантропъ“, „Донъ-Жуанъ“, „Свадьба Фигаро“, „Отелло“, „Гамлетъ“, „Шейлокъ“ и „Укрощеніе строптивой“ и затѣмъ всѣ пьесы А. Н. Островскаго.

Изъ суммъ, предназначенныхъ для поддержки русскаго театра въ юго-западномъ краѣ, по распоряженію начальника края, выдана, по словамъ кіевскихъ газетъ, субсидія за прошедшій сезонъ въ размѣрѣ 1,000 рублей кіевскому Товариществу драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соловцова.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ лицепаго Общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусства.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ лустиверскаго музыкально-пѣвческаго Общества „Соловей“ въ Лифляндской губерніи.

Н. Н. Борисовскій подписалъ на зиму контрактъ къ г. Грекову, въ Одессу.

Въ Пятигорскѣ 24-го мая открылись спектакли Товарищества русскихъ драматическихъ артистовъ О. И. Надлера. Въ составѣ Товарищества находятся: г-жи Некрасова, Сѣверская (*grande-dame*), Струйская (комическая старуха), Адашева (инженю), Полонская (вторыя роли) и Свѣтлова (драматическія роли). Мужской персоналъ: гг. Надлеръ (характерныя роли), Казанскій (первый любовникъ), Анинъ (любовникъ-фатъ), Голицинъ (резонеръ), Сазоновъ (простакъ), Вильде (ведьмилый любовникъ), Набаговъ (2-й комикъ). Репертуаръ — легкая драма и комедія. Съ іюня предполагается пригласить оперную труппу.

Составъ труппы Н. С. Васильевой, собранной ею для лѣтнихъ спектаклей въ г. Ревелѣ, нѣсколько измѣнился, вслѣдствіе того, что дирекція театровъ не разрѣшила ученикамъ казенныхъ драматическихъ курсовъ принимать участіе въ спектакляхъ.

Артистъ Малаго театра А. И. Южинъ гастролируетъ въ **Ростовѣ-на-Дону**, въ лѣтнемъ театрѣ Любова, гдѣ онъ будетъ играть до 4 іюня. Туда же приглашена на гастроли Е. К. Лешковская.

Антрепренеръ харьковскаго опернаго театра г. Картавовъ формируетъ труппу для будущаго сезона. Пока имъ приглашены: г-жа Тамарова, Силина (сопрано), Смирнова, Корепкая (меццо сопрано); гг. Любинъ, Огульникъ, (тенора), Виноградовъ, Кругловъ (баритоны), Молчановскій, Петровъ (басы). Режиссеромъ будетъ г. Гельротъ. Прошлый сезонъ г. Картавовъ окончилъ съ солидной прибылью въ пятнадцать тысячъ рублей. За послѣднее время такой результатъ рѣдкое явленіе въ провинціи.

И. Старицкій закончилъ новую драму изъ народной жизни „Безъ свѣта“ („Безъ свѣта“).

Заграничная хроника.

12-го апрѣля, въ **Бордо** дана впервые опера „Мазена“ г-жи Гранвиль, написанная на сюжетъ пушкинской поэмы. Парижскія газеты передаютъ о большомъ успѣхѣ новой оперы и отмѣчаютъ какъ выдающіеся номера -- колыбельную пѣсню, дуэтъ, всю сцену на Полтавскомъ полѣ съ торжественнымъ шествіемъ русскихъ войскъ, любовный дуэтъ героини и Мазепы, танцы, финалъ и т. д. Успѣхъ автора дѣлили артисты.

Въ **Берлинѣ** съ громаднымъ успѣхомъ прошла драма Антропова „Блуждающіе огни“ въ нѣмецкомъ переводѣ.

Изъ Händschel's Skizzenbuch.

Пуганая ворона.

Сцены изъ жизни пріятнаго общества.

В. Щигрова,

автора сценъ „Помолвка въ Галерной гавани“.

Къ представленію дозволено. 17 марта, 1892 г. № 1534.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общества Русск. Драматическихъ Писателей.

ЛИЦА:

Пашнина, Анна Петровна, вдова, пожилыхъ лѣтъ.

Елизавета Ивановна—ея дочь, лѣтъ 22.

Зѣлолюбова, Юлія Антоновна, дѣвица второй молодости.

Береженовъ, Андрей Егорычъ—что называется—«почтенный старецъ», въ малиновой фескѣ

Кукутьевъ, Филаретъ Захарычъ—лѣтъ 42—43, моложавъ.

Мрежинъ, Аркадій Ильичъ—лѣтъ подъ 30.

Маша, молодая горничная у Пашниныхъ. Въ полурусскомъ костюмѣ, съ косой по-дѣвичьи.

Дѣйствіе въ одной изъ столичныхъ дачныхъ мѣстностей, на собственной дачѣ Пашниной.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Время за-полдень прекраснаго іюльскаго дня. Обширный, открытый, съ обычной драпировкой и цвѣтами, балконъ, обращенный въ садъ. Слева виднѣтъ за зеленью заборъ. Одна дверь съ балкона ведетъ въ комнаты, а съ балкона въ садъ нѣсколько ступенекъ. На балконѣ за столомъ, съ остатками завтрака, сидятъ въ свободныхъ позахъ и курятъ: Береженовъ, Кукутьевъ и Мрежинъ. При открытіи занавѣсы первые два весело смѣются, особенно Береженовъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Береженовъ, Кукутьевъ и Мрежинъ.

Мреж. Да что вы, господа?.. Неужели такъ смѣшно? А?.. Вотъ не ожидалъ, что разсмѣшу васъ!.. (*Смѣется.*)

Бер. Охъ! Такихъ глупыхъ стиховъ ужъ давно не слышалъ... Вѣдь надо-же дойти до такого умопомраченія.

Кук. А все это она—женщина! Безъ нея развѣ было-бы подобное умопомраченіе?.. Она!.. Все она!

Мреж. Позвольте!.. Стихи—не ахти какіе: согласенъ! Но не въ этомъ дѣло... Дѣло въ чувствѣ, въ извѣстномъ настроеніи, а всякій

выражается по своему... Какъ хотите, а смѣшного въ этихъ стихахъ, право, нѣтъ!.. Зачерствѣли вы оба... Вотъ что-съ! И ужъ будто вы, Андрей Егорычъ, и вы, Филаретъ Захарычъ, ничего подобнаго не испытали?..

Бер. Я? Ничего! А вотъ, «прощай вино въ началѣ мая, а въ сентябрѣ прощай любовь»—это бывало.

Кук. До такихъ тонкостей не доходилъ-съ, хотя, конечно, и мнѣ было двадцать лѣтъ...

Бер. Ладно! Однако, ты, братецъ, ползалъ на колѣнкахъ-то, женился и успѣлъ овдовѣть... Доходилъ до тонкостей, сознайся!..

Кук. Infandum, regina, jubes renovare dolorem!

Бер. То-то «infandum dolorem»!.. Ну, ничего... Теперь ты, какъ и я, заправскій, почтенный холостякъ!.. Застрахованъ... А?..

Кук. Еще какъ застрахованъ!.. (*Мрежину*.) Все-таки стихи эти, знаете, немножко того...

Мреж. Со стороны, пожалуй, они и «того», но, вѣдь, я ихъ привелъ въ примѣръ... (*Входитъ Маша*.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ-же и Маша (*съ подносомъ*).

Бер. Что вамъ, Машенька?

Маша. Пришла остальное убирать.

Бер. Берите, берите. Нѣтъ, бутылку, сифонъ и стаканчики оставьте... Господа, развѣ вамъ портвейнъ не правится? (*Беретъ бутылку, а Кукутъевъ и Мрежинъ подходятъ къ нему свои стаканчики*.) Машенька!

Маша (*поднявъ подносъ*). Чего изволите?

Бер. Кто изъ насъ троихъ вамъ больше нравится?

Маша. Всѣ одинаково прекрасные кавалеры, а нравится мнѣ больше всего большой фунтъ конфетъ! (*Повертывается и уходитъ*.)

Кук. Вѣдь, вотъ, простая дѣвица, а сколько въ ней этого... общаго... ядовитаго... Престранный полъ!

Мреж. (*съ некоторымъ жаромъ*). Но только имъ земля красна!

Бер. Послушайте, Аркадій Ильичъ, батюшка, да вы влюблены!..

Кук. И, кажется, если не ошибаюсь...

Мреж. (*перебивая*). О, провинцательные мужи! Да, я влюбленъ, я люблю, какъ сорокъ пять тысячъ жевиховъ... Сегодня въ любви объяснюсь!.. Или со щитомъ, или на щитѣ!..

Бер. Несчастный!

Кук. Объясняться въ любви—это значитъ вступать на «тропинку бѣдствій».

Мреж. О, нѣтъ! Тропинка эта ведетъ въ міръ иной, но міръ прелестный...

Бер. Это онъ шутить!.. А скажите-ка, скажите, молодой человѣкъ, еще разъ эти удивительные стихи! Мы вотъ, съ Филаретомъ Захарычемъ, критику на нихъ пустимъ... Извольте-ка по куплетамъ-съ!

Мреж. На этотъ разъ ужъ я лучше пропою ихъ, какъ умѣю... Вѣдь это собственно романсъ, старинный романсъ!.. (*Напѣваетъ*.)

Она безгрѣшныхъ сновидѣній

Тебѣ на ложе не пошлетъ,

И для небесъ, какъ добрый геній,

Твоей души не сбережетъ.

Бер. Разсчитывай, значитъ, на всякіе дурные сны!.. Похвально это?..

Кук. Гдѣ ужъ тутъ душу сберечь!..

Мреж. (*напѣвая*).

Съ ней міръ другой, но міръ прелестный,

Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край!

Не называй ее небесной

И у земли ве отнимай!

Бер. И не отнимешь. Пустыя слова!

Кук. Хороша «небесная», нечего сказать! Хе, хе, хе!

Мреж. А сами такъ называли-же! Хе, хе, хе!

Кук. (*сердито*). Ну, называлъ... Ну, и каюсь!.. *Какая головой*.) Ахъ, какія!

Мреж. Ну, конечно, всегда оправданія найдутся... (*Поетъ*.)

Нѣтъ у нея безплотныхъ крылій...

Бер. И безъ нихъ упорхнеть!

Мреж. (*продолжая*).

Чтобъ отдѣлиться отъ людей;

Она—сліянье розъ и лилій,

Цвѣтущихъ для земныхъ очей...

Кук. Букетикъ!

Мреж. (*продолжая*).

Она манитъ во храмъ чудесный,

Но этотъ храмъ—не свѣтлый рай!

Не называй ее небесной

И у земли не отнимай!

* *

Вглядись въ пронзительныя очи:

Не небомъ свѣтятся они;

Въ нихъ есть неправедныя ночи,

Въ нихъ есть мучительные дни...

Кук. Охъ, все это было!..

Мреж. (*продолжая*).

Предъ трономъ красоты тѣлесной

Святыхъ молитвъ не зажигай!

Не называй ее небесной,

И у земли не отнимай!

Ну, и будетъ съ васъ!..

Кук. Фу! даже за человѣка страшно! Сплошная ложь!.. Изволите видѣть: авторъ понадергалъ разныхъ маховыхъ словъ—«добрый геній»... «вѣра въ лучшій край»... «безплотныя крылія»... «храмъ»... «тронъ красоты тѣлесной», а отними эти словечки—что останется?.. Какая-нибудь Софи, Мими, Надинъ, у которой, совсѣмъ и «трона» этого нѣтъ!..

Мреж. Однако, позвольте...

Кук. (*перебивая*). Не позволю! Нѣтъ этого «трона»! Дайте договорить! Волоски на головкѣ жидковаты... Ужъ лѣзутъ-съ! На ночь намачиваютъ ихъ касторовымъ масломъ съ коньякомъ... Одинъ зубочекъ, навѣрно, запломбированъ! Да-съ! Вмѣсто реберъ—костяныя серсо... Нижнія лапки въ мозоляхъ—отъ высокихъ каблучковъ, вообще отъ узкой обуви... Что изъ магазина, что свое, природное—поди разбери! А сліянье—о-о! не розъ и лилій, а злости, эгоизма, лицемѣрія, капризовъ!.. Славные цвѣточки!...

Бер. (*протягивая руку*). Руку, мой благородный другъ!..

Кук. (*протягивая свою*). На! Иногда про-

снешься и думаешь: да не сонъ-ли это, что я—свободный человѣкъ?... Даже холодомъ обдасть!

Мреж. (*смѣясь*). Я понимаю, понимаю васъ, Филаретъ Захарычъ! Вы, такъ сказать, разъ попались. Что-жь, несчастные браки были, есть и будутъ!.. Но изъ этого еще не слѣдуетъ...

Кук. (*махая рукой*). Вѣдь это я, я резеду-то на могилу носилъ!

Бер. Я и не зналъ! Такъ это ты въ анекдотъ попалъ?

Мреж. Резеду? На могилу?...

Кук. Ну, да, да, да! Носилъ!.. Только на могилу не тещи—это наврали—а на могилу жены... Да-съ!

Мреж. Что-же сей сонъ значить?

Кук. А то и значить, что покойная моя супруга терпѣть не могла резеды... Ахъ, все было, все было! Теперь вотъ пять лѣтъ наслаждаюсь свободой, «троны»-то эти обхожу, а все-таки иногда дрожь пробираетъ, ежели вдругъ по близости.... А—да что объ этомъ говорить!

Мреж. А я замѣтилъ, что Юлія Антоновна на васъ поглядываетъ...

Кук. (*встрепенувшись*). Какая Юлія Антоновна?

Мреж. Да здѣшняя гостья...

Бер. Ну, это не страшно!... Она, вѣдь, сущая овечка...

Кук. Овечка?.. Однако, вотъ, онъ замѣтилъ, что она поглядываетъ... на меня...

Бер. Не слушай его!... Что у кого болить, тотъ о томъ и говорить.

Кук. Голубчикъ, Аркадій Ильичъ, да вы неужели серьезно... того?

Мреж. (*весело*). Точно такъ-съ, совершенно серьезно «того»... Сегодня въ любви объяснюсь, а завтра—готовъ жениться.

Бер. Ой-ли?... И вамъ не жаль драгоценной свободы?

Кук. Ахъ, молодой человѣкъ! Если вы не шутите, то вѣдь вы—надъ бездною!...

Мреж. (*декламируя*). Нѣтъ, въ преддверіи храма чудеснаго я!..

Кук. Ну, храбрый вы человѣкъ!

Бер. А вотъ и я теперь спою! (*Напѣваетъ.*)

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля.

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!..

Кук. Или хорошій велосипедъ.

Мреж. Нѣтъ, господа, не хочу я оставаться холостякомъ!.. Каково въ старости-то быть одинокому? Если конь не измѣнитъ, такъ, вѣдь,

самъ коню измѣнишь, когда гарцовать будетъ не подъ силу... Плоха ваша пѣсенка!

Бер. Вы сказали насчетъ одиночества холостяка... Какъ будто холостякъ непременно одинокъ? Да вотъ я: сначала жилъ у семейнаго брата, а какъ онъ уѣхалъ въ Крымъ—живу теперь у кузины, плачу, что слѣдуетъ, и ни о чемъ не забочусь

Кук. И никто не командуетъ. Завидую тебѣ, Андрей Вгорычъ.

Бер. Да, живу и не тужу.

Кук. А мнѣ, пожалуй, еще лѣтъ пять-шесть придется жить съ оглядкой... Ну, какъ же, говорятъ, что я молодецъ, кавалеръ во цвѣтѣ лѣтъ!.. Сѣдины, чортъ побери, маловато... Скверно!.. Представь: одна барынька даже подарила мнѣ туфли собственной вышивки! Ну, я и пересталъ ходить въ тотъ домъ... Да, а другая сказала: «какіе у васъ, Филаретъ Захарычъ, симпатичныя бакенбарды»!... Сбрилъ!..

Мреж. (*вставая*). Пойти развѣ ихъ встрѣтить.

Бер. Не встрѣтите. Проводивъ Шарлоту Оедоровну, онѣ хотѣли со станціи отправиться къ своей дачной портнихѣ... Ну, отъ нея не скоро уйдутъ! Да идите, идите!..

Мреж. (*уходя въ садъ*). Да я такъ... вообще прогуляться.

Кук. (*живая вслѣдъ Мрежину*). Гм!.. Нѣтъ, онъ не шутитъ: онъ влюблен!.. бѣдный!

Бер. Да вѣдь они, въ году-то, разъ пять влюбляются... И что интересно: каждая послѣдняя любовь имъ кажется «первой» по серьезности чувства!... А жениться все-таки не слѣдуетъ.... Такихъ Лизъ сколько онъ еще встрѣтитъ въ жизни!

Кук. Да развѣ они объ этомъ думаютъ?.. Я вотъ тоже тогда.... Такъ что-то толкаетъ.... Чадъ какой-то во всемъ тѣлѣ! Ну, и бѣгаешь.... Свиданья эти.... Букеты... Губы сохнуть... И вдругъ—на: во фракѣ, а надъ тобой—вѣнецъ!.. Ухъ!.. (*Встаетъ и потягивается.*) Пойти на свою дачку.

Бер. Не все-ли равно, гдѣ сидѣть?

Кук. (*прислушиваясь*). Такъ-то такъ... Можетъ быть, тамъ письма есть...

Бер. На ночь прочтешь. Нѣтъ, постой, ты какъ будто чѣмъ-то обезпокоенъ?..

Кук. Ну, изволь—не буду таиться: видишь-ли, я совсѣмъ отвыкъ отъ дамскаго общества, а ты, вотъ, меня все сюда затаскиваешь.... Идемъ лучше ко мнѣ.... Ай! онѣ, кажется, идутъ! Голоса слышу... Нѣтъ, братъ, до свиданья!

Бер. (*удерживая Кукутѣва за пюговину пиджака*). Полно, Филаретъ Захарычъ! Онѣ! Кто такой «онѣ»? Кузина моя съ Лизой, да эта гостья... Тебѣ-то что? Анна Петровна—дама серьезная; Лиза, конечно, тобой

не интересуется, ну, а эта Юлія такъ «скромна, тиха, уединенна»... Овечка тонконогая!

Кук. Всѣ онѣ тонконогія овечки... Да! Сними-ка бѣленькую шкурку — анъ подъ ней — полосатая ягуарица... Вмѣсто голубенькихъ глазъ — желтые кружки съ зелеными искрами!.. Нѣтъ, пусти! Я, вѣдь, сдѣлалъ тебѣ удовольствіе: пришелъ къ завтраку, ну, сидѣлъ съ ними... ну, и довольно!

Бер. Пуганая ты, братецъ, ворона!.. Ну, положимъ, та была полосатая ягуарица, а вѣдь эта — цыпленокъ!.. Э, ты Мрежину повѣрилъ, что она на тебя поглядываетъ? Пустяки!

Кук. Нѣтъ, я тоже... уловилъ взглядъ...

Бер. (*прищурясь*). Уловилъ?... Значить, самъ поглядывалъ?..

Кук. Нельзя же все на ботинки свои смотреть.

Бер. (*съ ехидствомъ*). А, впрочемъ... Что-жь, она въ самомъ дѣлѣ особа пріятная, тихая; такія дѣвицы нынче рѣдки. Сирота... Живетъ процентами съ капиталъца, рисуетъ на фарфоръ...

Кук. (*прищурясь*). Еще что?..

Бер. Еще? Ты, дѣйствительно, въцѣтѣ лѣтъ...

Кук. Гм!.. Ты, вотъ, за завтракомъ рюмки три поргвейна выпилъ, да вотъ теперь никакъ ужъ второй стаканчикъ... Нехорошо! Ну, до свиданья!

Бер. (*вскакивая и обнимая Кукутьева*). Другъ! Филаретъ Захарычъ! Прости!... Хотѣлъ тебя испытать... Вижу — высоко держишь знамя холостяка! Позволь тебя облобызать! (*Цѣлуются*.) Ну, коли хочешь — иди.

Кук. Да ты воображаешь, что я трусь? Такъ вотъ нарочно останусь, чортъ возьми!

Бер. (*садится*). Какъ хочешь, голубчикъ!.. А если сія Жюли опять будетъ кидать взгляды на тебя — ты, напримѣръ, ну... какъ будто забывшись — занусти палецъ въ носъ! Сейчасъ глаза опустить...

Кук. (*сидясь*). Ну, вотъ... Фи!.. Я лучше брови наморщусь... Идутъ!..

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ-же и Пашнина съ Зѣлолюбовой, *всходятъ на балконъ*; за ними Мрежинъ и Елизавета Ивановна. (*Зѣлолюбова въ бѣломъ платьѣ съ голубымъ широкимъ кушакомъ. Она садится въ улу; въ другомъ улу разговариваютъ Мрежинъ и Елизавета Ивановна.*)

Бер. Ну, проводили Шарлоту Федоровну? Портниху, вѣрно, дома не застали?

Пашн. (*складывая зонтикъ*). Да, да... Портниху не застали; сказали тамъ, чтобы сюда пришла сама... Ухъ, какъ сегодня жарко! (*Садится*.) А вы тутъ все на балконѣ и были?.. Тутъ прохладно.

Кук. Тутъ хорошо. Давно дождя не было.

Зѣл. Тучки есть, только бѣленькія, не дождливыя.

Бер. Вотъ бы грозу теперь хорошую!

Пашн. Нѣтъ ужъ лучше какъ-нибудь безъ грозы... Я такъ боюсь!

Зѣл. И я боюсь... Я даже совсѣмъ тогда теряюсь... Представьте, Анна Петровна, совсѣмъ теряюсь!

Бер. (*зѣнувъ*). А я люблюсь!... Чудное явленіе! Не правда-ли, Филаретъ Захарычъ?.. А южныя грозы?... Я понимаю, почему греки...

Кук. (*перебивая*). Ну, заговорилъ о грекахъ, да еще зѣвнулъ — значитъ, спать хочешь!

Бер. Нѣтъ, а такъ что-то душно...

Пашн. Странно, почему это мы, женщины, грозы боимся, а мужчины — нисколько?..

Ел. Ив. Да и я не боюсь! Даже люблю. Такъ красиво!

Мреж. А знаете, вотъ глаза человѣка — что они въ сравненіи съ небомъ? Пустяки! А, между тѣмъ, какія въ нихъ бываютъ иногда молніи — прелесть!

Бер. Н-да, «пронзительныя очи»... Такъ, кажется, Аркадій Ильичъ?..

Пашн. Что такое? Какія очи?

Ел. Ив. «Пронзительныя», тапан, «пропзительныя». (*Мрежину*.) Вы, что-ли, сочинили?

Мреж. О, нѣтъ!

Бер. (*зѣвая*). Въ стихахъ это... Что это, какъ сонъ меня началъ клонить?..

Пашн. Да подите, кузенъ, и усните. Мы тутъ и безъ васъ побесѣдуемъ.

Кук. (*зѣвая въ руку*). Андрей Егорычъ! Пойдемъ лучше — прогуляемся...

Бер. (*вставая*). Не могу, братъ, не могу! Да я на полчаса только... Сиди и занимай дамъ. (*Вполмолоса*.) Закаливай себя! (*Громко*.) Ну-съ, пока до свиданья! (*Уходитъ*.)

Пашн. Вотъ и займите насъ, Филаретъ Захарычъ! Расскажите чтонибудь.

Кук. Не мастеръ я рассказывать-то... Вотъ, Аркадій Ильичъ касательно декламации — можетъ... А мнѣ — гдѣ ужъ! Не такія-съ лѣта.

Мреж. Могу, но подъ условіемъ: прежде вы, потомъ — я.

Пашн. Не «такія лѣта»!.. Полноте, Филаретъ Захарычъ! Да вы совсѣмъ еще молодецъ. Не правда-ли, Юлія Антоновна?

Зѣл. (*встѣхивая*). Я близорука...

Ел. Ив. (*Кукутьеву*). Вѣдь вамъ гораздо меньше лѣтъ, чѣмъ дядѣ?

Кук. (*хмурясь*). Пожалуй, года на два...

Пашн. Что вы! Что вы!.. Лѣтъ на пятнадцать вы моложе его! Счастье еще можете составить, если, конечно, встрѣтите такую особу, которая... съ которой...

Кук. Понимаю — съ, Анна Петровна, понимаю!.. Но я не могу встрѣтиться по очень простой причинѣ-съ, ибо встрѣтиться можетъ тотъ,

кто еще идетъ, а я—увы, уже не въ числѣ идущихъ!..

Мреж. Въ тихой пристани, на якорѣ...

Нук. Да-съ, на якорѣ, что гораздо лучше «чудеснаго храма», гдѣ «гаснетъ вѣра въ лучшій край»...

Зѣл. (*обмахиваясь вѣеромъ*). Ахъ, совсѣмъ какъ стихи!

Мреж. (*Кукутьеву*). Хорошая у васъ память!

Зѣл. (*Пашиной, кивая головой на Кукутьева*). Вотъ, если бы они что-нибудь продекламировали...

Пашн. Мы ждемъ, Филаретъ Захарычъ!

Нук. Ахъ, Боже мой! Да, право же, я...

Зѣл. (*изъ-за вѣера*). Хотъ маленькіе.

Нук. (*всторону, злобно*). Маленькихъ хочешь? Изволь!.. (*Вслухъ*). Ну, вотъ, изъ Пушкина, если не ошибаюсь. (*Декламируетъ*.)

У Клариссы денегъ мало,

Ты богатъ—иди къ вѣнцу:

И богатство ей пристало,

И рога тебѣ къ лицу.

Пашн. Фи, какіе неучтивые стихи!

Зѣл. Пушкинъ, кажется, такъ не писалъ... (*Входитъ Маша*.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ-же и Маша (*около дверей*).

Маша. Портниха-съ пришла.

Пашн. (*вставая*). Хорошо. Проведи ее наверхъ. (*Маша уходитъ*.) Ужъ вы извините, Филаретъ Захарычъ! Ну, Lise, allons ma chère! Мы вернемся черезъ пять... десять минутъ, не больше. Надѣюсь, мосье Кукутьевъ, Юлія Антоновна не соскучится безъ насъ. Извините и вы, Аркадій Ильичъ! (*Уходитъ съ Елизаветой Ивановной*.)

Мреж. О, помилуйте! (*Злоболобовой*.) А вы, Юлія Антоновна, стиховъ никакихъ не знаете?..

Зѣл. (*закрывшись вѣеромъ*). Знала, да забыла... А теперь вы должны сказать!

Мреж. Нѣтъ, какъ же безъ хозяекъ... Вотъ какъ вернутся...

(*Вблизи голосъ газетчика: «Газеты, газеты!»*)

Мреж. А-а, газеты! Мнѣ надо съ этимъ газетчикомъ переговорить, да кстати взять какую-нибудь «Попрыгунью-Стрекозу»... (*Сбѣгаетъ съ балкона*.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Кукутьевъ и Зѣлолюбова.

(*Молчаніе. Оставшись наединѣ, они, видимо, чувствуютъ себя неловко и искоса поглядываютъ другъ на друга*.)

Зѣл. (*хлопая вѣеромъ по рукамъ*). Вотъ тебѣ!

Нук. (*вздрагивая*). Что-съ?

Зѣл. Нѣтъ, это я—комара. Сѣлъ на руку.

Нук. Н-да, тутъ комары есть... Гм!... И, чортъ знаетъ, для чего они... комары эти? (*Помолчавъ*.) Вообще, строго говоря, лишняго въ мірѣ много...

Зѣл. (*робѣя*). Да, конечно... Вотъ тоже—мухи... и все разные.

Нук. Мухи разные?

Зѣл. Да-съ, вотъ комнатныя—сѣренькія, а то есть зеленныя и даже желтыя...

Нук. (*всторону*). Вишь, на мухахъ хочеть выѣхать!.. (*Вслухъ*.) Желтыя?.. И вы ихъ... мм... боитесь?

Зѣл. Не то, что боюсь, а такъ—непріятно...

Нук. (*всторону*). Не десять, а сорокъ минутъ пройдетъ! О, Господи! (*Вдругъ вскакиваетъ и подходитъ къ цветамъ*.)

Зѣл. Ахъ, что тамъ?..

Нук. Желтая муха... Хочу ее прогнать.

Зѣл. Прогоните, прогоните!..

Нук. (*какъ будто ловя муху*). Не уйдешь!.. (*Всторону*.) И бѣлыхъ мухъ довольно! (*Запыхавшись, садится*.)

Зѣл. Прогнали?

Нук. Улетѣла въ садъ.

(*Вблизи голосъ продавца: «Шведс... хлѣбъ! Шведс... хлѣбъ!»*)

(*Кукутьевъ вскакиваетъ и идетъ въ садъ*.)

Зѣл. (*робко*). Куда же вы?

Нук. (*съ нижней ступеньки*). Сейчасъ... Я... за хлѣбомъ. (*Скрывается въ зелени*.)

Зѣл. Онъ меня труситъ! Вотъ не ожидала... А онъ все-таки премилый... Труситъ!.. Смѣшно, право... Ну, можно быть съ нимъ и по-смѣлѣе... Бѣдный, одинъ онъ живетъ! Вотъ и долженъ самъ даже хлѣбъ покупать... Что-жъ, и я, вѣдь, въ городѣ одна живу...

(*Кукутьевъ всходитъ на балконъ съ «шведскимъ» хлѣбомъ и кладетъ его на столъ*.)

Нук. (*всторону*). А ихъ все нѣтъ!..

Зѣл. (*запинаясь*). Вы, вѣрно, этотъ хлѣбъ любите?

Нук. (*преувеличенно-пылко*). Ужасно люблю-съ! Жить безъ него не могу!.. (*Всторону*.) Она, кажется, меня труситъ... Въ самомъ дѣлѣ—овечка... Можно и покуражиться, страху наддать... (*Вслухъ*.) Нѣтъ-съ, я этого хлѣба въ ротъ не беру, а купилъ потому, что не люблю этихъ разныхъ криковъ... Человѣкъ я раздражительный!.. Я бы запретилъ всякую разносную торговлю.... Вѣдь лавки есть!.. Что за безобразіе!..

Зѣл. А сами у него купили?..

Нук. (*нетерпѣливо*). Ну, да! Онъ ужъ сегодня больше и не пойдетъ здѣсь.

Зѣл. А я думала, что вы любите такой хлѣбъ...

Нук. (*ходитъ по балкону*). Любите! Ничего я не люблю.

Зѣл. Ничего?.. Но развѣ можно жить...

Нук. (*перебивая*). Можно-съ, милостивая

государыня, очень можно-съ!

Зѣл. Я не договорила...

Кук. Извините-съ!

Зѣл. Но развѣ можно существовать, не любя ничего?

Кук. Да вотъ я-же существую... Значить, можно. И почему не жить злобой, ненавистью? Иная злоба сильнѣе любви... Наконецъ, мм... мягкому, любящему человѣку вообще труднѣе живется въ этомъ мірѣ... И благо тому, кто можетъ дойти до свирѣпости!

Зѣл. О-о!.. Но странно: я вообще боюсь людей, даже самой жизни боюсь, а вотъ теперь... напротивъ... Знаете, вы какъ-то не внушаете мнѣ страха...

Кук. Не внушаю?... *(Поднимаетъ палецъ, но сейчасъ же опускаетъ руку.)*

Зѣл. Опять желтая муха?...

Кук. *(насунивъ брови)*. Нѣтъ, комаръ... Такъ не внушаю страха?... Вы меня мало знаете... О, наружность обманчива! Я — звѣрь въ душѣ, у меня и сердце «косматое», какъ сказалъ Шекспиръ или Пушкинъ, ужъ не помню, кто изъ нихъ... Да-съ, «косматое»!

Зѣл. *(смѣясь)*. Фя! Что вы... Тогда, пожалуй, и плѣшивое можетъ быть сердце?

Кук. Можетъ! У лицемѣровъ плѣшивое... *(Вблизи бабій голосъ: «Земляники! Лѣсной землянички!»)*

Зѣл. То хлѣбъ, то земляника! Ахъ!...

Кук. *(встопону)*. Спасибо хоть духъ переведу! *(Вслухъ.)* Извините, я сейчасъ... *(Бѣжитъ съ балкона, кричитъ: «Эй, ты, земляника, стой!» и исчезаетъ за кустами.)*

Зѣл. *(помолчавъ)*. Смѣшной онъ какой!... Только — нѣтъ, сейчасъ видно, что не изъ звѣрей... Я нарочно сказала, что страха онъ не внушаетъ: все-таки — мужчина, какъ не бояться? Но странно, боюсь-то я его боюсь, но какъ-то пріятно боюсь... Отчего это?... Гм!.. Но глаза у него предобрые... *(Кукутьевъ съ двумя корзинками земляники входитъ на балконъ.)* А-а! Тоже въ ротъ не берете? По той же причинѣ купили? *(Смѣется.)*

Кук. *(сухо)*. Точно такъ-съ! И хлѣбъ, и ягоды здѣшной прислугѣ отдамъ.... *(Встопону.)* А онѣ все не идутъ!.. Это ужасно!..

Зѣл. Что вы все бормочете?.. Все куда-то встопону смотрите...

Кук. *(встопону)*. О-о!.. *(Вслухъ.)* А если-бы смотрѣлъ на васъ — вы-бы сказали: «что вы на меня смотрите?» Женщины всегда такъ... Не угодишь!

Зѣл. Вы дурного мнѣнія о женщинахъ.

Кук. *(садится поодаль)* Мнѣ оно дурнымъ не кажется.

Зѣл. *(помолчавъ)*. Вотъ мы почти уже мѣсяцъ, какъ встрѣтились тутъ, познакомились, а только въ первый разъ сегодня разговорились...

Кук. Да?.. Такъ ужъ вышло... *(Встопону.)* И въ послѣдній!

Зѣл. А вы замѣтили, что Мрежинъ неравнодушенъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, да и она, кажется...

(Вблизи раздаются звуки шарманки или «нѣмецкой гармоникки».)

Кук. *(вставъ)*. О, только этого не доставало! *(Встопону.)* Теперь совсѣмъ сбѣгу!.. *(Вслухъ.)* Это невыносимо! *(Рвется въ карманахъ.)*

Зѣл. *(вскакивая)*. Погодите, Филаретъ Захарычъ! Теперь ужъ моя очередь гнать... А вы сядьте, отдохните! Я сейчасъ вернусь. Ну, сядьте-же!.. *(Сходитъ въ садъ и исчезаетъ.)*

Кук. *(садится, но сейчасъ же вскакиваетъ)*. Какова?! Ужъ и приказываетъ... *(Передразнивая)* «Ну, сядьте-же!» Какъ-бы не такъ... *(Шарманка или гармоника умолкаетъ.)* Ахъ, скорѣе... *(Беретъ хлѣбъ въ одну руку, въ другую корзинки съ земляникой и одну корзинку роняетъ. Ягоды разлетаются, по балкону.)* Тьфу!.. Прощайте, прекрасная незнакомка! *(Убѣгаетъ.)*

(Занавѣсъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тихій, теплый вечеръ. Яркая луна. Небольшая лужайка въ саду дачи Пашниной. Посреди лужайки крупный зеленый столъ, около него садовая скамейка безъ спинки. Вдали, за деревьями, видна дача. Отъ лужайки направо и налево идетъ аллея. — При открытіи занавѣса Кукутьевъ, въ соломенной шляпѣ, сидитъ, облокотившись на столъ, и докуриваетъ сигару)

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Кукутьевъ *(одинъ)*.

Кукутьевъ. Гм!... Нѣтъ, па своей дачѣ что-то не сидится... Пошелъ прогуляться, ходилъ-ходилъ и очутился у знакомой калитки... Вотъ и сижу тутъ, чортъ знаетъ, зачѣмъ!..

(Помолчавъ.) Тихо на дачѣ-то... Старики, вѣрно, еще почиваютъ, а тѣ, пожалуй, ушли на музыку... Гм! Поиграть развѣ сегодня съ стариками въ карты? Да, вѣрно сказано, что человѣкъ — «общественное животное»!.. Не могу усидѣть въ одиночку... Вотъ ужъ который вечеръ провожу у нихъ... *(Начинаетъ что-*

то нѣтъ, но вздыхаетъ и умолкаетъ). А, вѣдь, этотъ Мрежинъ, — охъ, врѣзался въ Лизавету Ивановну!.. А она?.. Ну, онѣ это лучше скрываютъ, хотя вчера, при мнѣ, ужъ такъ мило разсердилась она на него, что даже топнула ножкой... (Помолчавъ.) Однако, какое мнѣ до этого дѣло?... А вотъ, эта... какъ ее?... овечка-то, какъ сегодня разговори-лась, а я и сбѣжалъ... Все это у нихъ отъ скуки! Дѣлать имъ нечего... Вотъ что! О, какъ женщина страшна, когда она старается быть нестрашной!.. (Помолчавъ.) Да и самъ я хорошъ!.. Вотъ что значитъ взять отпускъ! Ничего не дѣлаешь, только питаешься, какъ утка на китайской кухнѣ... Понятно, сладкія глупости и лѣзутъ въ голову... Пойти развѣ разбудить Андрея Егорыча?.. Вѣдь все равно прилетѣть за мной... (Прислушивается.) Э, кто-то сюда идетъ!.. А вдругъ эта... тонконогая овечка... Онѣ, вѣдь, очень луну любятъ! (Встаетъ.) Пойду за кустъ, да погляжу... (Уходитъ налево и становится за кустомъ такъ, что зрителямъ лицо его видно. Справа выходятъ Мрежинъ и Елизавета Ивановна. Имъ не видно Кукутѣева.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Кукутѣевъ (за кустомъ), Мрежинъ и Елизавета Ивановна.

Мреж. Какъ здѣсь хорошо! Никого нѣтъ... Мы одни... Сядемте.

Ел. Ив. (садится). Да, чудный вечеръ... Что-жъ вы не сядете?

Мреж. Можно... рядомъ?

Ел. Ив. Нельзя! Какой смѣшной! Ну, можно, можно...

Мреж. (садится, но на нѣкоторомъ разстояніи). Я думалъ — вы не придете...

Ел. Ив. Ну, и трепетали поэтому?

Мреж. Трепеталь-съ... Ахъ, Лизавета Ивановна!

Ел. Ив. Что?..

Мреж. Нѣтъ, нѣтъ... Ничего! (Всторону.) Охъ, что-жъ это я время теряю!

(Кукутѣевъ покачиваетъ головой.)

Ел. Ив. Какая луна сегодня — поглядите: совсѣмъ золотистая!

(Кукутѣевъ машетъ рукой.)

Мреж. Вообще вечеръ удивительный... (Вздыхаетъ.) Сейчасъ одни прелестные стихи вспомнилъ...

(Кукутѣевъ машетъ обѣими руками.)

Ел. Ив. Скажите ихъ.

Мреж. (декламируетъ).

Какое счастье: и ночь, и мы одни!

Рѣка, какъ зеркало, и вся блеститъ звѣздами; А тамъ-то... голову закинь-ка да взгляни: Какая глубина и чистота надъ нами!

О, называй меня безумнымъ! Назови

Чѣмъ хочешь... Въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю —

(Кукутѣевъ киваетъ головой.)

Мреж.

И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви, Что не могу молчать, не стану, не умѣю!.. Я боленъ, я влюбленъ... Но, мучась и любя — О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю, И я хочу сказать, что я люблю тебя, — Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Ел. Ив. (закидывая голову). «Какая глубина и чистота надъ нами!»

Мреж. Только рѣки нѣтъ!

Ел. Ив. Только?

Мреж. Н да-съ, все остальное... гм!..

Ел. Ив. Что остальное «гм»?..

Мреж. Да вотъ, все: и безумный, у котораго разумъ слабѣетъ, у котораго такой приливъ, что... А — да что тянуть! (Опускается на колѣни.) Лизавета... Лиза!.. Я васъ люблю! Я жить безъ васъ не могу!.. Что-же, ну, назови, назови меня безумнымъ! (Елизавета Ивановна молчитъ.) Неужели я... ошибся! Мнѣ казалось... Я думалъ... Иначе я-бы не смѣлъ... О, не молчите-же! Одинъ ужъ конецъ...

Ел. Ив. Какой вы... смѣшной! Развѣ я пришла бы сюда, если-бы...

Мреж. (вскакивая). О, Лиза! Я ожилъ!.. О, какая минута!

Ел. Ив. Насилу догадались...

Мреж. (присаживаясь къ ней). Такъ вы... такъ ты любишь меня? Любишь? Я все еще не смѣю вѣрить... Я хочу слышать... прямо... Не то я говорю! Не прямо, а чтобы твой голосъ...

Ел. Ив. Ну, да, да! Не слабѣйте только разумомъ...

Мреж. Любишь?.. А я — о, какъ я люблю!.. Согласна быть моей, согласна?..

Ел. Ив. (смѣшливо). Нѣтъ, несогласна! (Кидаетъ ему руки на плечи.)

Мреж. Ты... ты божество мое!... (Заключаетъ ее въ объятія и начинаетъ цѣловать.)

(Кукутѣевъ снимаетъ шляпу и какъ-бы поздравляетъ счастливую парочку.)

Ел. Ив. (отстраняясь). Ну, довольно, довольно! Кто-нибудь придетъ... Да, я люблю тебя, Аркадій! Я тебя съ перваго раза полюбила.

Мреж. А я... а я тебя полюбилъ въ первый разъ!

Ел. Ив. Какъ это, милый?.. Въ минусъ первый разъ?

(Кукутѣевъ, махнувъ рукой, поворачивается, чтобы уйти, но остается.)

Мреж. Я прежде карточку твою фотографическую видѣлъ и по карточкѣ сразу влюбился! Тутъ вотъ, въ груди, что-то какъ

будто стало расти, расти, а жизнь стала въ сто разъ милѣе, свѣтлѣе... Дорогая! Ангелъ — небожитель!... Ты одарила меня сегодня безплотными крыльями! Не вѣришь?

Ел. Ив. Вѣрю, вѣрю... Но какъ-же намъ теперь быть? Хочешь — сегодня объявимъ тапан?

Мреж. Ахъ, я, вѣдь, и не подумалъ!... А вдругъ она...

Ел. Ив. Не согласится?.. О, нѣтъ! она мнѣ сказала, что мой выборъ — ея выборъ.

Мреж. Да! Такъ зачѣмъ откладывать! Сегодня — такъ сегодня.

Ел. Ив. Непремѣнно сегодня! Я такъ хочу... При всѣхъ — за чаемъ!... Да?.. Вдругъ встанемъ, за руку другъ друга возьмемъ и — объявимъ... Ахъ, какъ это чудесно выйдетъ!..

Мреж. Воображаю физіономію твоего дяди!.. (Вскакивая.) Знаешь, что?.. Счастье наше теперь такъ полно... Уйдемъ куда-нибудь подальше отъ людей!

Ел. Ив. (вставая). О, милый! Куда хочешь!...

Мреж. На лодку! Тамъ, на озерѣ, мы будемъ совсѣмъ, совсѣмъ одни... Вѣжимъ! Пусть луна и звѣзды первыя насъ поздравятъ. (Уходятъ налево. Немного погодя изъ-за куста выходитъ Кукутьевъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Кукутьевъ (одинъ).

Кук. А?.. Вотъ оно какъ!... О, чортъ побери, слышу, какъ собственное сердце стучить... Скажите, пожалуйста, а, вѣдь, недурно у нихъ вышло!.. Гм!.. Оба съ перваго раза, онъ даже съ минусомъ... О, молодость, молодость!.. (Задумывается.) Да, вотъ, они ужъ въ лодочкѣ... Плывуть... Нѣтъ, весла подняты, сложены... Обнялись, а луна и звѣзды такъ и поздравляютъ, такъ и поздравляютъ! Фу!.. (Помолчавъ.) А ловко онъ стихами началъ! Видно — подготовился... Ахъ, какіе мы подлецы!.. Гм!.. «Закинъ-ка голову, да взгляни»... Ну, и закинула... Почему-жъ не закинуть?.. Всегда такъ, или вродѣ этого... (Задумывается глубже и стоитъ неподвижно. Справа медленнымъ шагомъ идетъ, тоже въ задумчивости, Зѣлолюбова и, наткнувшись на Кукутьева, до того пугается, что вскрикиваетъ и какъ-бы застываетъ на мѣстѣ. Кукутьевъ, оторопѣвъ, отступаетъ на шагъ.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кукутьевъ и Зѣлолюбова.

Зѣл. Охъ, какъ я испугалась!.. Это вы...

Кук. Я, я!.. Простите... Я никакъ не ожидалъ...

Зѣл. Я шла туда... Я тоже не ожидала... (Кукутьевъ шагаетъ вправо, Зѣлолюбова

тоже; онъ быстро влево и она — влево, опять вправо и опять сталкиваются.)

Кук. (съ досадою). Ахъ, извините! Ничего, ничего, это бываетъ, это случается.... Одинъ туда и другой туда, одинъ — такъ и другой — такъ!.. Надо немножко постоять на мѣстѣ.... (Стоятъ молча другъ противъ друга.) Ну-съ, теперь, авось, разойдемся.

Зѣл. Что?

Кук. Авось, говорю, теперь разойдемся. (Беретъ вправо и Зѣлолюбова — вправо, потомъ — быстро влево и сталкиваются.)

Зѣл. (плаксиво). Ахъ, что-же это такое!.. (Растерявшись, она пятится къ скамейкѣ. Въ это время вблизи раздается фейерверочный ударъ. Зѣлолюбова сплѣтъ вскрикиваетъ и въ изнеможеніи опускается на скамейку.)

Кук. (бросаясь къ ней). Ахъ, Боже мой! Вы испугались! (Поддерживаетъ ее.) Ничего, ничего... Это гимназисты, вѣрно ракету пустили.

Зѣл. (слабымъ голосомъ). Охъ, гдѣ... какіе гимназисты?..

Кук. А чортъ ихъ знаетъ, гдѣ! Тутъ гдѣ-то... Какіе? Почему я знаю, какіе?.. Ну, длинноносые, курносые мальчишки... Небось, изъ латыни или греческаго — переэкзаменовка, а вотъ пугаютъ дамъ ракетами!.. Успокойтесь... Эхъ, какія-же вы... слабенькія!..

Зѣл. (стонетъ). Да, я слабенькая...

Кук. Два испуга подъ рядъ!.. Я понимаю... Вамъ — дурно?.. Подержитесь пока за скамейку... (Отламываетъ вѣтку и начинаетъ потомъ помахивать ею надъ головой и лицомъ Зѣлолюбовой, а другой рукой поддерживаетъ ее.)

Зѣл. Охъ, сердце... Я чуть не умерла...

Кук. Что за дурацкія скамейки! Безъ спинокъ... Ну, что — вамъ лучше?..

Зѣл. (все еще слабымъ голосомъ). Merci... Какой вы добрый!..

Кук. Совсѣмъ я не добрый, но нельзя-же не помочь... Помилуйте! Хотя и звѣрь я, а все-таки — человѣкъ...

Зѣл. Да, да... Но не махайте больше, не надо... Merci!

Кук. Да я нисколько не усталъ. Не беспокойтесь!

Зѣл. Но ужъ вы два раза по носу меня задѣли...

Кук. (бросая вѣтку). Задѣлъ?... Ахъ, я невѣжа! Ахъ, медвѣдь!.. (Садятся рядомъ.) Простите, ради Бога!..

Зѣл. Конечно, прощаю... Ничего, ничего!.. Но я все еще не могу придти въ себя... Дрожь и слабость въ ногахъ...

Кук. По носу... два раза!.. Ахъ, я бегемотъ!

Зѣл. (улыбаясь). Бегемотъ... съ косматымъ сердцемъ...

Кук. Что-съ?

Зѣл. Нѣтъ, я — такъ, про себя. . Хочу, вотъ, встать, но чувствую, что упаду...

Кук. Сидите, сидите! (*Всторону.*) Стихи, что-ли какіе-нибудь сказать?.. Это ихъ успокоиваетъ... (*Вслухъ.*) Вы, вѣдь, стихи любите?..

Зѣл. Ахъ, да, очень! А зачѣмъ вы... вы тогда убѣжали? Землянку рассыпали и убѣжали?..

Кук. Меня... позвали, я просто ушелъ, а не убѣжалъ...

Зѣл. Вѣрю, вѣрю!.. А что же стихи?..

Кук. (*всторону.*) Опять ощущаю страхъ... (*Вслухъ.*) М-да, стихи... Ну, извольте-съ! (*Съ декламацией.*)

Съ ней міръ другой, однако — прелестный,
Въ лучший край вѣра гаснетъ...

И, пожалуй, называй ее небесной,
Только у меня ее не отнимай...

Зѣл. Это, вѣрно, стихотвореніе въ прозѣ?

Кук. Нѣтъ, настоящее... Вамъ не нравится?

Зѣл. Ахъ, нѣтъ — очень нравится!... Ну, дальше.

Кук. Позвольте, какже дальше... гм!... А вотъ: (*Декламируетъ.*)

А вечеръ-то какой! Мы тутъ наединѣ...

А-ну-ка голову закиньте, да взгляните!

И солнце, и луна, и звѣзды... (*Раздается фейерверочный ударъ.*)

Зѣл. (*пугаясь.*) Ай, опять!

Кук. Экіе шелкуны!.. Видите: вонъ — вонъ летятъ огонекъ!.. Сейчасъ лопнетъ и полетятъ звѣздочки.

Зѣл. Звѣздочки?.. Не на насъ?..

Кук. Нѣтъ, это тамъ, далеко... Не бойтесь... А пугливы-же вы!

Зѣл. Я всегда такая была... А вотъ, съ вами — я ничего не боюсь!

Кук. И меня не боитесь?.. А?..

Зѣл. Васъ?.. Я васъ... пріятно боюсь.

Кук. (*начинаетъ увлекаться.*) Что?.. Пріятно боитесь? Не понимаю... Какъ это такъ пріятно бояться?.. Это такое чувство, что ежели... Нѣтъ, знаете, скорѣе ужъ я васъ пріятно боюсь...

Зѣл. Неужели?... Вотъ, первый человѣкъ, который меня боится! Благодарю васъ, Филаретъ Захаровичъ!

Кук. И вы за это... благодарите, Юлія Антоновна?

Зѣл. Да, вѣдь, обидно, когда никто, никто не боялся и не боится меня!.. Конечно, я женщина слабая, беззащитная... Что я могу вамъ сдѣлать! Ничего.

Кук. Я самъ слабъ и беззащитенъ...

Зѣл. О, я понимаю васъ... Одиночество — ужасная вещь!

Кук. Н-да, однако, какъ кому-съ...

Зѣл. Не говорите! Надо знать жизнь... Вѣдь вы мою жизнь не знаете? А? Не знаете?...

Впрочемъ, и я не знаю вашей жизни... Ахъ, Филаретъ Захарычъ! Ахъ, право, я не знаю, отчего я съ вами нисколько не робѣю?.. Разскажите вы прежде вашу жизнь!

Кук. (*отстраняясь и вставая.*) О, не стоитъ. Но вы, кажется, уже успокоились? Не пора ли намъ туда? (*По ошибкѣ указываетъ не на дачу, а куда-то всторону.*)

Зѣл. (*вставая.*) Туда? Съ вами... отчего же... Тамъ и разскажемъ нашу жизнь... Это чудесно!

Кук. Тамъ?

(*На балконъ дачи мелькаетъ сквозь зелень огонекъ и слышны голоса.*)

Зѣл. Ахъ, они, вѣдь, иногда по вечерамъ здѣсь пьютъ чай!.. Уйдемте поскорѣ! Ну, идите-же!

Кук. Позвольте... «Туда»... «Тамъ»... мы другъ друга не понимаемъ!..

Зѣл. (*печально.*) Какъ хотите... Я думала, что вы сами... хотѣли на берегъ...

Кук. (*всторону.*) А! была не была! (*Вслухъ.*) Идемте-съ!

Зѣл. Въ аллеѣ такъ темно... Дайте руку! (*Идутъ подъ руку.*) А тамъ, на берегу озера, гораздо свѣтлѣе.

(*Уходятъ налево. Немного погодя, справа, за кустами, мелькаетъ огонекъ, и по аллеѣ, къ мужайкѣ, идутъ Береженовъ, съ двумя зажженными свѣчами въ садовыхъ подсвѣчникахъ, за нимъ Маша, съ большимъ подносомъ, на которомъ весь чайный приборъ, кромѣ самовара. Маша ставитъ подносъ на скамейку, потомъ стаскиваетъ съ плеча скатерть, покрываетъ ею столъ, затѣмъ ставитъ на столъ подносъ и начинаетъ разставлять чашки и проч. — Береженовъ, поставивъ свѣчи на столъ, помогаетъ Машѣ, въ разстановкѣ вещей съ подноса.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Береженовъ и Маша.

Бер. А самоваръ гдѣ-же поставите?

Маша. Барыня сказала: „нечего, говорить, самоваръ туда таскать. Отъ него только жарко. Пусть, говорить, самоваръ, будетъ на балконѣ...“ А тутъ, видите, подъ салфеткой-то, два чайника: одинъ — съ чаемъ, другой — съ кипяткомъ, а вотъ и колокольчикъ, чтобы меня позвать. (*Перетираетъ полотенцемъ стаканы и чашки.*)

Бер. (*шраля косою Машѣ.*) Такъ, такъ... Колокольчикъ... Вижу, вижу. Ахъ, косынька! Вотъ такъ косынька! Собственная, не привязанная...

Маша. И у васъ борода собственная... Вишь, какая расчудесная! Словно какъ у пиковаго короля.

Бер. У пиковаго! Я — трефовый.

Маша. Ладно! Вышли изъ трефовыхъ-то. Вонъ,

директоръ вашъ, что сюда ходитъ, ну, онъ еще треновый, а Аркадій Ильичъ—тотъ бубновый, либо червонный.

Бер. Ну, пусть я пиковый... Ахъ, косынка! Славные волоски, чортъ побори! У, прелесть!

Маша. Въ городъ-то завтра поѣдете?

Бер. Поѣду. Ахъ, да... Привезу, привезу!

Маша (*передразнивая*). «Привезу, привезу»! Намедни съѣздили и забыли...

Бер. Сколько аршинъ-то?

Маша. Пятнадцать, ежели не шестнадцать.

Бер. (*напѣвая*). Шестнадцать, шестнадцать, шестнадцать! Маша!

Маша. Ну?

Бер. Я, Машенька, когда-нибудь возьму, да и съѣмъ вашу косу!

Маша. Отойдите! Кто-то идетъ... Никакъ—барыня...

Бер. Ну, все тутъ готово?

Маша. Все. Счастливо оставаться! (*Убѣгаетъ направо.*)

Бер. (*садится*). О-хо-хо! (*Запѣваетъ что-то, но закашливается и сердито плюетъ.*) Да, правъ генераль Бенедиктовъ:

Еле ходишь, сухопарый,

Ломишь поясицу,

Кашель душитъ, а и старый

Любишь молодицу!..

(*Увидя идущую Пашкину.*) Пожалуйте, пожалуйста! Я тутъ совсѣмъ одинъ.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Береженовъ и Пашнина (*въ рукахъ у нея графинчикъ*).

Пашн. Гдѣ-же всѣ? Даже Филарета Захарыча нѣтъ!

Бер. Сейчасъ придутъ. Ага, не забыли графинчикъ!

Пашн. (*ставитъ графинчикъ на столъ и садится на скамейку, ближе къ чайнику*). Зачѣмъ забывать, зачѣмъ... Ахъ, кузенъ, какія-же у насъ другія радости! Entre nous soit dit—вкусно покушать, сладко выпить и вволю поспать—et voilà tout!

Бер. Да, ложечки двѣ коньячку хорошаго въ чай—и мы счастливы!

Пашн. (*грозя пальцемъ*). Мы! Ну, вы-то, кузенъ... О, я, вѣдь, знаю васъ! Вы не прочь еще faire la cour...

Бер. Quelle idée! Я, кузина, монахъ... монахъ! О, я ужъ давно состою въ монахахъ!

Пашн. Пушкинскій монахъ... Помните, который...

Бер. (*перебивая*). Спасался надъ озеромъ, въ глухихъ дубравахъ... Хе!

Пашн. Однако, что-же это они не идутъ? Ну, начнемъ безъ нихъ пить чай. (*Наливаетъ ему и себѣ.*)

Бер. Молодые-то увлеклись, пожалуй, лун-

нымъ сіяніемъ, а вотъ другъ мой, солидный Филаретъ, неужели еще спитъ?

Пашн. А онъ, видимо, въ одиночествѣ скучаетъ, и я такъ рада, что онъ сталъ нашимъ постояннымъ гостемъ... Не хотите-ли, кузенъ, моего коньячку?

Бер. Позвольте... (*Беретъ графинчикъ и наливаетъ.*)

Пашн. А иногда и у насъ сидитъ онъ—такой мрачный...

Бер. Еще бы не быть ему мрачнымъ: нѣтъ—нѣтъ, да и вспомнить, что онъ претерпѣлъ! Вотъ, видите, и пяти лѣтъ свободы мало ему, чтобы забыть прелести брачной жизни!

Пашн. Неужели-же жена его была такая... ядовитая?

Бер. Пила!

Пашн. Ну-ужъ извините, этому не повѣрю!

Бер. Пила-съ!

Пашн. Полноте! Женщина изъ нашего круга... Никогда! Что-жъ она пила?

Бер. Вы меня не поняли: пила, то-есть—инструментъ такой, которымъ пилятъ... Savez vous? И до того она его пилила, что онъ теперь въ каждой... молодой женской особѣ видятъ скрытую пилу!

Пашн. Это очень жаль... Зачѣмъ-же въ каждой... видѣтъ такой непріятный инструментъ? Есть особы нѣжныя, милыя, какъ, наприимѣръ...

Бер. Какъ мягкія зубочистки.

Пашн. Ну-ужъ вы сравните! Нѣтъ, Филаретъ Захарычъ еще не старъ, онъ можетъ зажить новою жизнью...

Бер. Ну, нѣтъ-съ! Онъ теперь такой—же убѣжденный холостякъ, какъ и я... Э, да не хотите-ли вы его сосватать?

Пашн. А что-жъ? Повѣрьте, я лучше васъ вижу: есть мужчины, которые... Ну, которые, какъ въ цифрѣ 10, должны имѣть справа у себя ноликъ, а другіе, вотъ какъ вы, всю жизнь могутъ прожить одной единицей.

Бер. (*смѣясь*). Съ нѣкоторою дробью—съ, дробью...

Пашн. (*пониживъ голосъ*). Ну, скажите: чѣмъ Юлія Антоновна ему не пара? Такое она милое существо! Робкая, кроткая, умная... Я, знаете, попробую ихъ сблизить... И вы помогите...

Бер. Я? Ни за что! Вотъ если бы развести, а не сблизить—я бы взялся... Да Кукутьевъ вашу Юлію Антоновну, какъ огня, боится!

Пашн. Пустяки! Это онъ только одичалъ...

Бер. Одичалъ онъ или не одичалъ—не знаю, а только будьте покойны—ничего вы не сдѣлаете. Пиленый онъ человѣкъ! Если вы на него съ «милымъ существомъ» наседете—онъ сбѣжитъ въ городъ, дачу бросить... Годъ тому назадъ, онъ по такой-же причинѣ изъ Петергофа удралъ въ Коломяги... Да-съ! Нѣтъ, а вотъ что, кузина: мнѣ кажется, что другой свадьбы не миновать...

Пашн. Это вы насчетъ Лизы и Мрежина? Ну, не думаю... А если... что-жь, онъ — личный молодой человекъ, на хорошей дорожке... Я обѣими руками ихъ благословлю.

Бер. Я ужъ его пугалъ... А вотъ кто-то сѣштитъ сюда!

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ-же, Мрежинъ и Елизавета Ивановна почти выбѣгаютъ слева, потомъ Маша.

Пашн. Какъ вы загулялись! Гдѣ-же были?

Ел. Ив. По озеру катались. Прелесть что такое!

Мреж. Извините, что заставили ждать.

Пашн. Вишь, какъ раскраснѣлась!... Ну, садитесь же. Вамъ, Аркадій Ильичъ, чаю или молока?

Мреж. (садится). Позвольте ужъ молока.

Ел. Ив. (садится). Какой теплый вечеръ... Даже жарко!

Пашн. Развѣ Юлія Антоновна не съ вами была?

Бер. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же она?

Ел. Ив. Нѣтъ, ее съ нами не было...

Пашн. Неужели-же она тоже легла послѣ обѣда и до сихъ поръ спитъ? (Берется за колокольчикъ.)

Мреж. Да позвольте... вѣдь и господина Кукутѣва нѣтъ!

Бер. Онъ любитъ поспать... А вотъ я за нимъ сейчасъ пошлю! Потрудитесь дать колокольчикъ.

Мреж. А въ какомъ она сегодня платьѣ? Не въ бѣломъ-ли?

Пашн. Да, въ бѣломъ... Ну?..

Ел. Ив. Ахъ, такъ не она-ли это была на берегу озера?

Бер. Гдѣ-же колокольчикъ?.. Я хочу Марью послать за Филаретомъ Захарычемъ. Экой соня!

Мреж. А у Филарета Захаровича соломенная шляпа?

Пашн. Я его въ соломенной шляпѣ видала...

Ел. Ив. (хлопая въ ладоши). Ну, такъ это они были тамъ... на берегу!... Помнишь?.. (Спохватывается.) Помните, Аркадій Ильичъ, мы замѣтили одну парочку, когда плыли около берега?

Бер. (нечаянно вслухъ). Быть не можетъ!

Мреж. Чего? Соломенной шляпы?

Бер. Не въ шляпѣ дѣло, а... а... Нѣтъ, это вы ошиблись! Нѣтъ, Лиза, это были не они!.. Да дайте-же колокольчикъ! (Кричитъ.) Марья, Марья! (Взявъ колокольчикъ, звонитъ.)

Мреж. А, можетъ быть, и въ шляпѣ дѣло?..

Бер. Охъ, что-то вы сегодня веселы!.. Кузина, что это они сегодня такъ веселы?..

Пашн. (дочери). Ну, чего ты хихикаешь?.. Фи, молоко расплескала!

Ел. Ив. (переминиваясь съ Мрежиннымъ). Такъ налейте мнѣ чаю!

Бер. Не налить-ли ужъ шампанскаго?..

Ел. Ив. Шампанскаго?.. Ахъ, дядя... (Вдругъ вскакиваетъ.) Мама!

Паш. Охъ, испугала даже!.. Ну, что, коза?..

Ел. Ив. (Мрежину). Давайте руку! (Мрежинъ встаетъ и подходитъ къ Елизаветѣ Ивановнѣ.)

Пашн. Что такое?..

Ел. Ив. А вотъ что-съ: мы, мама, объяснились и... мы любимъ другъ друга... Можете насъ поздравить!

(Входитъ Маша и останавливается.)

Пашн. (вставая). Я этого ждала.... Ну, будьте счастливы, дѣти мои!

(Мрежинъ и Елизавета Ивановна подходятъ къ Пашиной. Она ихъ цѣлуетъ.)

Бер. (вставая). Марья, гдѣ-же ты?

Маша (выступая). Здѣсь.

Бер. Тамъ, въ погребѣ, двѣ бутылки шампанскаго... Живо сюда! Подюжины бокаловъ! Лети! (Маша убѣгаетъ.)

Ел. Ив. О, дядя, какой вы проникательный!

Бер. О, я все вижу!.. Ну, несчастные счастливы, вотъ сейчасъ будемъ васъ какъ слѣдуетъ поздравлять!.. (Увидя входящихъ Кукутѣва и Зѣлолюбову.) А-а, въ самый разъ!..

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ-же, Кунутѣвъ и Зѣлолюбова.

Пашн. Ну, вотъ, и всѣ собрались!..

Бер. Гдѣ это ты, братецъ, пропадалъ? А?.. Случайно встрѣтились, что-ли?..

Пашн. Юлія Антоновна, Филаретъ Захарычъ, — прежде чѣмъ усядемся — вотъ, поздравьте ихъ: моя Лиза и Аркадій Ильичъ — женихъ и невеста! (Кукутѣвъ и Зѣлолюбова поздравляютъ поочередно всѣхъ.)

Бер. (встопорну). Да, бѣлое платье... соломенная шляпа.... (Поймавъ за руку Кукутѣва.) Послушай, братецъ (вполголоса), ворона, кажется, уже не боится куста?...

Кун. (тоже вполголоса). Это не кустъ, а... жасминовый, бѣлый кустикъ! Пусти! (Отходитъ отъ Береженова.)

Бер. Что?.. Какъ?..

Пашн. Ну-съ, господа, теперь усядемся и будемъ пить чай, а потомъ и шампанскаго выпьемъ.

Кун. Позвольте-съ, Анна Петровна... Прежде чѣмъ усядемся...

Зѣл. (перебивая его). Поздравьте и насъ: мы тоже... мы...

Кун. (перебивая ее). Ну, да, мы тоже — (показывая прежде на Зѣлолюбову, а потомъ на себя) женихъ и невеста!

(Картина. Разныя восклицанія. Береженовъ пѣтится, Пашина устремляется къ Зѣлолюбовой, Елизавета Ивановна обнимаетъ Зѣлолюбову, а Мрежинъ раскрываетъ объятія Кукутѣву.)

Занавѣсъ.

Общее число ролей. Роли детских и вы- ходных.	Число дѣйствій. Названіе пьесъ и декорацій.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
2 м., 1 ж.	Предложеніе , шутка А. П. Чехова.— Комната („Артистъ“ № 3).	1 рез. ком.	—	1 ком.	1 ing. ком.
3 м., 2 ж.	Прежде маженька , ком. г. Корже- невскаго.—Комната.	1 рез.	1 gr. d.	1 люб., 1.	1 ing. ком.
5 м., 3 ж.	Прелестная незнакомка , или въ первый и послѣдній разъ, шутка И. Макарова.—Комната.	2 ком.	1 gr. d. ком.	2 ком., 1 пр.	1 ing. ком., 1 ing. ком. (нѣм.).
5 м., 7 ж. 1 ж. вых.	Пристѣпкомъ , сцены И. В. Шмажин- скаго.—2 разн. комнаты („Артистъ“ № 5)	3 ком.	2 ком., 3 gr. d.	1 фать, 1 ком.	2 ing. ком.
4 м., 1 ж.	Присяжный засѣдатель , ком.-шут. Д. Мансфельда.—Комната.	1 ком. рез., 1 рез., 2. 2 ком.	1 gr. d. ком.	—	—
5 м., 2 ж.	Провинціалка , ком. И. Тургенева.— Комната.	—	1 ком.	1 пр., 2.	1 gr. d. ком.
2 м., 2 ж.	Проквашница , ком. А. А. Плещеева.— Комната.	1 ком.	1 ком.	1 люб. ком.	1 ing. ком.
5 м., 2 ж.	Простушка и воспитанная , вод. Д. Т. Ленскаго.—Комната.	1 ком.	—	2 люб., 1 пр., 1.	1 ing. ком., 1 ing.
3 м., 4 ж.	Итенчакъ упорхнулъ , ком.-вод. В. Д. К.—Комната.	1 рез. ком., 1 ком.	1 ком.	1 люб.	3 ing. ком.
4 м., 2 ж.	Пуганная ворона куста боится , вод., перед. съ фр. О. Рюмина.—Комна- та, на сценѣ десятичине вѣсы. <i>Примѣчаніе.</i> Этотъ же водевилъ, въ передѣлкѣ г. Зуброва, назыв. „Мужъ съ вѣсомъ“.	1 ком., 1 рез. ком.	1 ком.	1 люб., 1 пр.	1 gr. d. ком.
3 м., 2 ж.	Путаница , вод. съ куплет., перед. съ фр. П. Оедорова.—Комната.	1 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб., 1 пр.	1 ing. ком.
1 м., 2 ж.	Путешественникъ и путешествен- ница , ком.—Комната.	—	—	1 люб.	1 ing. ком. 1.
7 м., 4 ж. Вых. 2 м.	Пѣтухъ и курочки , итальянскій на- родный фарсъ, Сографи.—Комната.	1 ком., 1.	1 ком.	2 ком., 1 пр., 1 рез., 1.	3 ing. ком.
3 м., 2 ж.	Ради дружбы , ком. В. Лангамме а.— Комната.	—	1 gr. d. ком.	1 пр., 1 люб., 1.	1 ing. ком.
5 м., 2 ж.	Ради копѣчки , шут., И. Кондрать- ева.—Комната.	1 рез. ком., 1 ком., 1.	1.	2 ком.	1 ing. ком.
3 м., 4 ж.	Радъ не радъ, а дѣлать нечего , вод., Д. Ленскаго.—Комната. На сценѣ рояль.	—	1 gr. d. ком.	1 люб. 1 пр., 1.	3 ing. ком.
3 м., 2 ж.	Разбитая чашка , комед.-вод., перев. съ фр. П. Каратыгяна.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Эта же пьеса, въ пере- водѣ гг. Тарновскаго и Руднева, назы- вается: „Письмо безъ адреса“.	1 рез.	—	1 люб., 1 пр.	1 gr. d. ком. 1 ing. ком.
3 м., 3 ж.	Разведемся , сцены изъ обыденной жиз- ни, А. Трофимова.—Комната.	1 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб., 1 пр. (евр.).	1 gr. d. ком. 1 ing. ком.
2 м., 1 ж.	Разлука—та же наука , ком. въ сти- хахъ, П. Григорьева.—Комната.	1 ком. рез.	—	1 люб.	1 gr. d. ком.
1 м.	Ревнивый актеръ , мон. въ стих., гр. О. Л. Соллогуба. („Артистъ“ № 1)	1 ком.	—	—	—
2 м., 2 ж.	Ревнивый мужъ и храбрый лю- бовникъ , ком.-вод., съ фр.—Комната.	1 ком.	—	1 пр.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
3 м., 1 ж.	Револьверъ , ком. въ 1 д., В. В. Бп- либина.—Комната („Арт.“ № 10).	2 ком.	—	1 фать.	1 ing.
2 м., 1 ж.	Розовая записочка , ком.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Въ другой передѣлкѣ эта комедія называется: „Дядюшка разсудить“.	1 ком.	—	1 люб.	1 ing. ком.
2 м., 2 ж.	Сама себя раба бьетъ, коли не чи- сто жнетъ , ком.-шут., П. Зазулина.— Комната.	1 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб.	1 ing. ком.
11 м., 3 ж. Вых. 6 м.	Свадебный столъ безъ молодыхъ , оригинальный вод. съ куплет., П. Кара- тыгина.—Комната.	3 ком.	2 gr. d. ком.	1 пр., 7	1 др.
3 м., 2 ж.	Свадьба по телефону , шут.-водев., перед. съ нѣм. Н. Куликова.	1 ком.	—	1 люб., 1.	2 ing. ком.
4 м., 3 ж. Дѣт. 1 м 14 л. Вых.	Свиданіе , или любовью не шу- тятъ, вод. съ пѣн., В. Родиславскаго.— Село.	1.	1 gr. d. ком.	1 люб., 1 пѣв., 1.	1 пѣв. 1.
8 об. пола.					

ВЫШЕЛЪ № 14 (ЮНЬ 1892 Г.) ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

СОДЕРЖАНИЕ:

«Петербургскій кузень», ком. въ 3 д. В. Книга и В. Тихонова. «Дачный мужъ», ком.-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова. «По памятной книжкѣ», ком.-шутка въ 1 д. перед. Э. Матерномъ изъ пьесы «Le serment d'Horace» Г. Мюрже. Алфавитный списокъ драматическихъ произведеній, безусловно разрѣшенныхъ къ представленію въ апрѣлѣ 1892 г.

Условія подписки см. 3 стр. обложки.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„А Р Т И С Т Ъ“

ПРОДАЮТСЯ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:

Киселева А. А.	„Пейзажъ“	200 руб.
„	„Кавказскій видъ“	150 „
Маковского К. Е.	„Диана“	500 „
„	„Блондинка“	350 „
„	„Женская головка“ (на бубнѣ)	200 „
„	„Мужская голова“ (на бубнѣ)	200 „

Гг. иногородніе, желающіе ознакомиться съ картинами, могутъ получать фотографическіе снимки съ означенныхъ картинъ, уплачивая по 2 р. за каждый снимокъ.

1-го Мая вышла и раздается подписчикамъ V-я книжка журнала

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНИЕ: ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. ЗОЛОТО. Романъ. Часть пятая. Д. Мамина-Сибиряка. — II. ГОЛОДОВКИ ВЪ РОССИИ ДО КОНЦА ПРОШЛАГО ВѢКА. Проф. Э. И. Леонтовича. — III. СЕВИЛЬЯ. (Миражи, впечатлѣнія, легенды). В. И. Немировича-Данченко. — IV. АЛІЯ. Романъ А. К. Леффлера, герцогини ди-Кайянелло. Перев. со шведскаго. М. В. Лучицкой. Часть первая. — V. СТИХОТВОРЕНІЕ. А. Коринфскаго. — VI. ОБЪ УСТАЛОСТИ. М. Манасеиной. — VII. ДНЕВНИКЪ МАРИИ БАШКИРЦЕВОЙ. (Пер. съ французскаго). — VIII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ. (Повѣсть). Н. Баранцевича. — IX. ВИДѢНІЕ. Стихотвореніе. Д. Михайловскаго. — X. Ж. ЛЕМЭТРЪ И ЕГО „СОВРЕМЕННОСТИ“. А. Андреевой. — XI. ТѢПИ ПРОШЛАГО. Романъ въ 3-хъ частяхъ Антоніо Фогациаро. — XII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Владиміра Соловьева. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ПОПЫТКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ въ XVII в. И. Лучицкаго. — II. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) ЗЕМСТВО И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. I. Статистика. И. Бѣлононскаго. — 2) ОБЩЕСТВО И ЗАКОНЪ О ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ. А. Богдановскаго. — III. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. — IV. НОВЫЯ КНИГИ. — V. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. — VI. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. Robert de Cerny. — VII. СОБЫТІЯ И НОВОСТИ. — VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Проф. А. Тарчевскаго.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургъ: Троицкая ул., д. 9.

Издательница Л. Я. Гуревичъ.

Редакторъ М. Н. Алъбовъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„Е Ж Е Г О Д Н И К Ъ“

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

(ОБЪЕХЪ СТОЛИЦЪ)

СЕЗОНЪ 1890—91 ГОДОВЪ.

ОЗНАЧЕННОЕ ИЗДАНИЕ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

въ конторѣ типографіи Императорскихъ театровъ (С.-Петербургъ, Моховая, № 40)
и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна „ЕЖЕГОДНИКА“ въ типографіи — 3 р., а въ книжныхъ магазинахъ — 3 р. 50 к.

Объявленія гг. артистовъ ищущихъ ангажемента.

Донской А. П. артистъ на роли комиковъ; свободенъ на лѣтній и зимній сезоны. Адресъ: г. Оренбургъ, библіотека Жарникова или Атаманскій переулокъ, д. Моисеевой.

Донская З. Н. артистка на роли 1-хъ комическихъ старухъ въ драмѣ, комедіи и опереткѣ; свободна на лѣтній и зимній сезоны. Адресъ: Оренбургъ, библіотека Жарникова или Атаманскій пер., д. Моисеевой.

Козичъ А. И. молодая артистка, на роли 2-хъ ingénue dramatique et comique, также и малорусскія роли; свободна на зиму. Адресъ: г. Проскуровъ, Подольской губ., театръ „Эрмитажъ“.

Калинниковъ В. П. драматическій резонеръ и характерныя роли свободенъ на предстоящій зимній сезонъ. Адресъ: Винница, Подольской губ., лѣтній театръ.

Михайловъ Н. М. суфлеръ или помощникъ режиссера желаетъ имѣть мѣсто на лѣтній и зимній сезоны. Адресъ: Н.-Новгородъ, Всесловный клубъ, Н. М. Михайлову.

Овечкинъ Дм. Ник. начинающій актеръ — на вторыя роли въ комедіи и драмѣ и чтеніе въ дивертисментахъ. Адресъ: Баку, Бѣлый Городокъ, заводъ Чикнаверова.

Райскій А. Б. молодой актеръ на роли вторыхъ простаковъ и комиковъ и на всѣ вообще второстепенныя роли; свободенъ на зиму. г. Проскуровъ, Подольской губ. театръ, „Эрмитажъ“.

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 Г.

(Изданія годъ 3-й).

Рисунки и иллюстраціи исполняются извѣстными художниками. Въ видѣ приложеній къ газетѣ всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **бесплатно три книги сборника**, заключающія въ себѣ по нѣсколько выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ.

Условія подписки значатся въ заголовкѣ газеты.

15 мая вышла пятая (майская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе:—I. На пахотѣ. Повѣсть Продолженіе. Е. П. Карпова.—II. Фортуна. Романъ Александра Килланда. Гл. I—V. Перев. Э. Р.—III. Изъ литературной переписки Кавелина (1847—1884 гг.). Продолженіе.—IV. Стихотвореніе Л. М. Медвѣдева.—V. Роза и Нинета. Современный романъ Альфонса Додэ. Гл. VI—X. Перев. съ французск. М. Н. Ремезова. Окончаніе.—VI. Любовь. Романъ. Часть II, гл. VI и VII. Продолженіе. И. Н. Потапенка.—VII. Изъ мрака. Посмертный разсказъ Эрнста Альгрена. Переводъ В. М. С.—VIII. На зарѣ туманной юности. Разсказъ В. С. Соловьева.—IX. Стихотвореніе Л. И. Пальмина.—X. Дворянское землевладѣніе въ Южной Руси. Историческій очеркъ. Окончаніе. А. Я. Ефименко.—XI. Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Продолженіе. Н. Гарина.—XII. Реформа англійскихъ университетовъ въ XIX столѣтіи. Окончаніе. А. С. Окольскаго.—XIII. Армянскій вопросъ въ Турціи. Изъ переписки съ стамбульскимъ публицистомъ. Д. Г. А.—XIV. Шериданъ (*Mrs Oliphant: „Sheridan“*). А. В. П.—ой.—XV. Научный обзоръ. Специальныя предсказанія Л. Е. Оболенскаго.—XVI. Иностранное обозрѣніе В. А. Гольцева.—XVII. Литература и жизнь Н. К. Михайловскаго.—XVIII. Современное искусство.—XIX. Внутреннее обозрѣніе.—XX. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(тринадцатый годъ изданія).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: контора журнала:—Леонтьевскій, 21.

Въ С.-Петербургѣ: книжный магазинъ Н. Фену и К^о, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
6 книгъ 1-го сезона 18 ⁸⁹ / ₉₀ г. (№№ 1—3 и 5—7) (<i>Экземпляры № 4 всѣ распроданы</i>)	7 р. 75 к.	10 р. — к.	10 р. 25 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона 189 ⁰ / ₁ (№№ 8—14) . .	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона 189 ¹ / ₂ (№№ 15—21) .	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
10 „ 1890 г. и 189 ⁰ / ₁ г. (№№ 5—14).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10 „ 1891 г. и 189 ¹ / ₂ г. (№№ 12—21).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ 189 ⁰ / ₁ и 1891 г. (№№ 8—18) .	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18) . .	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
17 „ (№№ 1—3 и 5—18)	22 „ — „	28 „ — „	28 „ 60 „
20 „ (№№ 1—3 и 5—21)	26 „ — „	33 „ — „	33 „ 70 „

Отъ редакціи.

Редакція и контора (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартельсъ) открыта ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя объясненія съ редакторомъ по четвергамъ отъ 12 до 1 часу дня.—Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленные въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются бесплатными.—Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются.—Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи втеченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ присылать въ редакцію свои заявленія, которыя бесплатно печатаются въ журналѣ.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки „Артиста“ въ 25—35 листовъ, а съ апрѣля по сентябрь въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—„Дневникъ Артиста“ книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна на годъ съ января (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») — 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р. за границу—14 р.

вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библіотеки“) 13 р., съ перес. 16 р.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральной Библіотекой“—при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей суммы.

Для учащихъ въ специально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артиста“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные номера „Артиста“ по 2 рубля,
„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

„Театральная Библіотека“ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), одобренныя драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и ствхотворенія, одобренныя драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсца.
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 к.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается только отъ подписчиковъ на журналъ „Артиста“.

Разсрочка на „Артиста“ и „Театральную Библіотеку“: при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Нового Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и астаминныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

За редактора издатель **О. А. Куманинъ.**